

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XIII (IV)

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА КУЗИЩИНА
1930-2013

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XIII (IV)

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2013**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XIII (IV). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. – 90 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных на заседаниях секции «Международные отношения» Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2012 г.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области международных отношений и политологии.

Редакционная коллегия:

Иванов В.А.,	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузищин В.И.,	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Усов С.А.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой российской истории ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ им. В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Цимбаев Н.И.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
Бойцова Е.Е.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Ставицкий А.В.,	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Мартынкин А.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Хапаев В.В.,	кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие _____	4
Геополитика	
<i>Баранов А.В.</i> Базирование Черноморского флота России в Крыму в контексте российско-украинских отношений (2005-2012 годы)	6
<i>Камакин М.В.</i> Глобализация: содержание, подходы к изучению, этапы и противоречия	12
<i>Паиковский П.И.</i> Постсоветское пространство в современных российских международно-политических концепциях	17
<i>Ставицкий А.В.</i> Террор и исторический опыт евроинтеграции: оборотная сторона цивилизационной мечты в контексте Батуриного мифа	24
Диалог цивилизаций	
<i>Автушенко М.Н.</i> К вопросу о влиянии шиитской доктрины на формирование взглядов Саида Кутба	29
<i>Гарас Л.Н.</i> Мусульманские общины в странах Западной Европы (на примере Бельгии)	33
<i>Грушецкий П.Б.</i> Внешнеполитические аспекты ассимиляторской политики в отношении турок в Болгарии в 1984-1987 годах	37
<i>Сичная А.В.</i> Греческая диаспора как фактор греко-украинских отношений в 90-е гг. XX века	43
Практическая политика	
<i>Губанов А.С.</i> Новые подходы к безопасности в стратегии национальной безопасности Турции	50
<i>Гудина В.А.</i> Доктринальные основы политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом	57
<i>Мартынкин А.В.</i> «Ассоциация братьев-мусульман»: долгая дорога к власти на Ближнем Востоке	64
Международная экономика	
<i>Нелина Л.П.</i> Кризис неолиберальной модели экономики как основная причина «левого поворота» в Аргентине и Уругвае	74
Научное творчество студентов	
<i>Сундукова Ю.С.</i> Основные этапы распространения ислама в Причерноморье и Поволжье	82
Сведения об авторах _____	89

ПРЕДИСЛОВИЕ

28 февраля 2013 года историческая наука понесла тяжелейшую и невосполнимую утрату - на 83-м году жизни ушел из жизни заведующий кафедрой истории и международных отношений филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, советник декана исторического факультета МГУ, профессор кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, легендарный российский историк **Василий Иванович Кузицин**.

Доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, действительный член Академии гуманитарных наук РФ, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательской деятельности – В.И.Кузицин с первого дня возглавлял кафедру истории филиала МГУ в г. Севастополе. Его высочайшей трудоспособности, огромному научному и педагогическому опыту, его яркому та-

ланту руководителя обязана кафедра всеми своими достижениями и успехами.

Василий Иванович с присущими ему тактом и настойчивостью внедрял новое для кафедры направление работы – изучение истории международных отношений в Причерноморье. Результатом этой работы является, в том числе, и этот сборник, как, впрочем, и все сборники серии «Международные отношения в Причерноморье».

Светлая память о Василии Ивановиче Кузицине навсегда сохранится в наших сердцах.

* * *

Международная научная конференция «Лазаревские чтения» проводится в Филиале МГУ в городе Севастополе с 2002 года. В связи со значительным интересом ее участников к различным аспектам международной политики в нашем регионе, с 2005 года в рамках конференции секция «Международные отношения в Причерноморье» была выделена в самостоятельное направление.

В предлагаемом выпуске на суд читателей выносятся избранные статьи, подготовленные участниками «Лазаревских чтений» 2012 года. Статьи представлены в пяти разделах, отражающих основные направления научной дискуссии в рамках секции: геополитика, диалог цивилизаций, практическая политика, международная экономика, научное творчество студентов.

Анализу глубоких изменений геополитической ситуации в Причерноморье, произошедших в конце XX - начале XXI века, посвящены статьи раздела «**Геополитика**». Основное внимание авторов раздела традиционно концентрируется на

различных аспектах трансформации геополитического пространства в Причерноморье в постсоветский период, особенно в контексте российско-украинских взаимоотношений. Именно этой тематике посвящены статьи профессора кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета А.В. Баранова, а также традиционных авторов раздела – кандидата философских наук доцента А.В. Ставицкого и кандидата политических наук П.И. Пашковского. Попытку теоретического осмысления противоречивых аспектов процесса глобализации предпринял в своей работе аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского М.В. Камакин.

Статьи второго раздела – **«Диалог цивилизаций»** – в основном посвящены рассмотрению роли исламского фактора в современных политических процессах. Деятельность исламской общины Бельгии подвергнута анализу в работе кандидата философских наук Л.Н. Гарас. Попытка проведения в 1984-1987 годах в Болгарии ассимиляторской политики в отношении турок рассматривается Б.П. Грушецким. Интересному аспекту проблемы взаимодействия суннитской и шиитской ветвей ислама посвящена статья М.Н. Автушенко. Совсем другой аспект диалога цивилизаций – деятельность греческой диаспоры в Украине в 90-е гг. XX века, анализирует А.В. Сичная.

Актуальные вопросы **практической политики** в Причерноморье подвергнуты анализу авторами третьего раздела сборника. Важной теме трансформации подходов при формировании стратегии национальной безопасности Турции, особенно после прихода к власти в стране партии справедливости и развития, посвящена статья А.С. Губанова. Основные вехи на пути к вершинам власти в арабских странах «Ассоциации Братьев-мусульман» рассматриваются в работе А.В. Мартынкина. Важная проблема практической политики – доктринальные основы политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом – анализируется В.А. Гудиной.

В разделе **«Международная экономика»** Л.П. Нелина представила глубокий анализ взаимосвязи финансовых кризисов в Аргентине и Уругвае с реализацией правительствами этих государств мер «Вашингтонского консенсуса» и ослабления роли государства в экономической сфере. Интересным представляется вывод исследовательницы о том, что эти *«кризисы сыграли решающую роль в изменении политических настроений населения этих государств, которое на собственном уровне жизни ощутило все последствия ухода государства из экономики и внедрения саморегулирующихся рыночных механизмов»* и, таким образом, непосредственно повлияли на процесс «левого поворота» в Латинской Америке.

В разделе **«Научное творчество студентов»** Ю.С. Сундукова предприняла попытку рассмотреть основные этапы распространения ислама в Причерноморье и Поволжье.

* * *

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

I

ГЕОПОЛИТИКА

БАЗИРОВАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ В КРЫМУ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2005-2012 ГГ.)

БАРАНОВ А.В.

Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия)

Глобализация качественно меняет привычное разграничение двусторонних межгосударственных отношений по масштабу. Локальные межгосударственные и внутригосударственные конфликты «повышаются в цене», становятся объектом международного урегулирования. Особенно часто эффект глобализации проявляется в тех пограничных ареалах, которые могут стать значимыми для межгосударственных коммуникаций и обеспечения безопасности. Пограничные споры активизируются между государствами, имеющими конкурирующие либо противоположные геополитические ориентации. Российско-украинские отношения по проблеме базирования черноморского флота РФ в Крыму важны для понимания стратегий акторов политики в Черноморском регионе, взаимного геополитического позиционирования РФ и Украины, динамичного баланса локальных факторов в развитии российско-украинских отношений.

Российско-украинские отношения выступают важным элементом региональной безопасности. Россия и Украина обладают 2/3 населения и национального богатства постсоветских стран [4, с. 258]. Конфликт или сотрудничество РФ и Украины во многом определяет параметры геополитического пространства Причерноморья. Базирование Черноморского флота РФ в Крыму служит несущей конструкцией российского влияния в Черноморском регионе.

В настоящей статье ставится цель – определить направленность и векторы российско-украинских взаимодействий по проблеме базирования Черноморского флота от «оранжевой» революции до настоящего времени.

Эмпирическая основа нашей работы включает в себя такие виды источников, как межгосударственные договоры Российской Федерации и Украины; тексты выступлений политических деятелей обоих государств; статистические данные; материалы периодической печати и Интернет-сайтов. Для оценки аргументации сторон конфликта информативны пророссийские сайты www.flot2017.com, www.ruscrimea.org, а также украинские – www.president.org.ua, www.ukraine-foreign-policy.com, www.blackseanews.net, www.nomos.com.ua.

Степень изученности проблемы достаточно высока. Серия сборников, выпускаемых в Институте Европы РАН, анализирует вопросы военно-политического баланса сил в Черноморском регионе, морской безопасности [13; 1; 6]. Сложилась традиция анализа межгосударственных отношений. Можно отметить работы С.С. Жильцова [7] и А.Л. Мошеса [15]. Политика стран Запада в регионе, геополитические проекты украинских элит интерпретированы в трудах Т.Ю. Журженко [8], Э. Пиля, П. Шульце и Х. Тиммерманна [19].

Среди работ крымских политологов-международников следует отметить монографию С.А. Усова [29]. Статус Черноморского флота РФ остается также предметом идеологизированной публицистики. Таковы публикации Центра содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона «Номос» (Севастополь) [9, 14, 21], сайта «Черноморские новости» [31]. Вместе с тем, существует при-
сборная взаимная изоляция российской и украинской научных школ исследований темы.

Предпосылки российско-украинских противоречий по вопросам статуса Керченского пролива и Азовского моря сформировались в ходе распада СССР, когда выяснилась спорность бывших внутригосударственных границ. Российская Федерация стремилась выстроить «особые» отношения с постсоветскими государствами, включая Украину, исходя из мнения о неизбежности экономической и политической интеграции стран СНГ. Украина, напротив, заняла позицию «многовекторности», на деле приводившую к колебаниям между Западом и РФ. В геополитическом аспекте Украина не может быть ведущим актором в системе безопасности Черноморского региона. Участие Украины в программах: «Партнерство ради мира» по сотрудничеству с НАТО, «Новое европейское соседство» и «Черноморская синергия» по сотрудничеству с Евросоюзом, «Сообщество демократического выбора» (с участием Грузии, Румынии и других стран) дистанцирует Украину от РФ.

Следует учитывать, что российско-украинские отношения все более «встраиваются» в систему глобального геополитического соперничества. Страны НАТО, прежде всего США, являются активными субъектами конструирования новой системы безопасности в Черноморском регионе. Их военно-морской потенциал ныне многократно превосходит российский. Хартия о стратегическом партнерстве между Украиной и США от 19 декабря 2008 г. поставила задачи двустороннего сотрудничества в сфере модернизации газотранспортной инфраструктуры Украины и диверсификации источников ядерного топлива, что уменьшит зависимость от России. Украина регулярно участвует в военно-морских учениях стран НАТО, в региональных системах безопасности – Черноморской военно-морской группе оперативного взаимодействия («Блэксифор») и «Черноморской гармонии». После вступления Румынии и Болгарии в НАТО в этих странах развернуты военно-морские базы и объекты противоракетной обороны стран альянса. При полномасштабных конфликтах между США и Ираном, Грузией и РФ территория Украины превратится в важный компонент коммуникаций. Таким образом, локальный вопрос базирования Черноморского флота РФ становится для НАТО средством ограничить российское влияние в Крыму и оправдать свое военно-политическое влияние.

Правящие элиты Украины поддерживают проникновение НАТО в регион, готовы предоставить стационарные военные базы и пункты военно-транспортного обеспечения. Украина проявляет активный интерес к программе «Партнерство ради мира» по сотрудничеству с НАТО. Косовский конфликт 1999 г. и Южно-Осетинский кризис 2008 г. доказали нечеткость статуса российских военно-морских баз в Крыму, существенные ограничения их использования. В 1999 г. Украина заблокировала пропуск российских десантных частей в Косово.¹ В случае острого конфликта на Кавказе либо в Приднестровье РФ не сможет использовать военные ресурсы в Крыму, не вовлекаясь в конфликт с Украиной.

Украина настаивает на своем контроле над заменой вооружений в размещенных в Крыму российских базах, а РФ считает себя обязанной только уведомлять Украину о замене. Коллизия стала следствием непродуманности российско-украинского договора 1997 г. В 1999 г. Украина добилась того, что под контролем украинских военных экспертов с российских самолетов сняты держатели, позволяющие использовать ядерное оружие [22, с. 183-193].

Министр иностранных дел Украины заявлял, что РФ незаконно удерживает свыше 148 га земли в Севастополе [16]. Тогдашний Президент Украины В. Ющенко расширил

¹ К сожалению, автор, видимо не находясь в 1999 г. в г. Севастополе, вынужден был довериться весьма политизированным публикациям прессы того периода. Российские десантники, отправлявшиеся в Косово, были из состава частей, дислоцирующихся на территории РФ, поэтому, Украина не имела никакой физической возможности помешать их переброске. Тем не менее, редколлегия посчитала возможным дать автору высказать свою позицию, хотя ряд положений статьи редакторы сборника не разделяют (прим. ред.).

список претензий, потребовав передать стране береговую навигацию Черноморского флота. В 2006 г. сотрудники предприятия «Госгидрография» Украины захватили Ялтинский маяк ЧФ и не допускали на него служебный персонал. Такая же попытка предпринята на маяке Сарыч националистической организацией «Студенческое братство», но российские морские пехотинцы вытеснили вторгшихся. Осенью 2011 г. попытки возобновились.

Российская позиция состоит в том, что объекты взяты в аренду и за них своевременно уплачиваются взносы. Министр иностранных дел Украины, напротив, полагал, что ни один из объектов в аренду не сдавался, объекты не относятся к Черноморскому флоту [20]. Украина намерена вернуть в собственность 35 объектов гидрографии. Ялтинский маяк – один из объектов целостной гидрографической системы [12]. Если он не будет работать, станет невозможным функционирование флота (и российского, и украинского). Специалистов и средств обслуживания маяка у Украины нет.

Обе стороны конфликта упоминают п. 15 приложения № 2 к «Соглашению о разделе и пребывании ЧФ на территории Украины» от 28 мая 1997 г. Но этот акт указывает на совместное использование гидрографических объектов, оставляя перечень объектов открытым до окончательного двустороннего согласования. Вопрос о крымских маяках следует решать на уровне договора [10]. Конфликт вокруг навигационных объектов в Крыму показывает несовершенство правовой базы статуса Черноморского флота [24].

Министр обороны РФ выразил сомнение по поводу возможности Украины вступить в НАТО, пока на ее территории находится российская военная база. По мнению украинского МИД, тезис российского политика не подтверждается ни одним из уставных документов НАТО и позицией стран - членов альянса [12, 2].

Секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины А. Кинах заявлял в 2006 г., что Украина намерена повысить стоимость аренды земли для Черноморского флота РФ до 1,8 млрд. долл. в год согласно международным расценкам. Российская сторона отвергает эти претензии. По мнению министра обороны РФ, базовое соглашение 1997 г. фиксирует, что до 2017 г. арендная плата не должна меняться. По соглашению 1997 г. Россия платит арендную плату за флот 97 млн. долл. в год [3].

На переговорах обсуждается тема ротации личного состава ЧФ. В соглашениях 1997 г. предельная численность установлена в 25 тыс. чел., сейчас на флоте служат 14 тыс. [30]. Россия оставляет за собой право увеличить состав до максимума. Украина требует уменьшения состава, недовольна проживанием в Крыму демобилизованных граждан РФ.

С 2006 г. начаты российско-украинские переговоры в Межгосударственной комиссии по сотрудничеству (на уровне заместителей глав МИД). Подкомиссия по вопросам функционирования Черноморского флота РФ и его пребывания на территории Украины в составе российско-украинской межгосударственной комиссии на уровне президентов стран действует постоянно в составе рабочих групп.

Важен стратегический аспект – судьба Черноморского флота как военно-политического фактора. Бывший командующий Черноморским флотом В. Кравченко заявил агентству «Интерфакс-АВН», что госбюджет РФ выделяет 56 млрд. руб. на создание новой военно-морской базы вместо Севастополя. Это означает резкий рост расходов на базу Черноморского флота: с 6 до 56 млрд. руб. [17]. Главная база будет к 2016 г. построена в Новороссийске, запасные – в районах Геленджика и Туапсе. Дополнительные стоянки кораблей оборудуются в Анапе и Темрюке. Новороссийский порт будет расширен, его акватория значительно углублена [18].

По условиям договора 1997 г., Россия не может переводить в Крым новые корабли без разрешения Украины. Черноморский флот в Крыму технологически устаревает. Российские дипломаты призывают Украину не препятствовать обновлению боевого состава ЧФ в пределах его численности по договору 1997 г.

На встрече в Харькове 21 апреля 2010 г. президенты России и Украины Д.А. Медведев и В.Ф. Янукович подписали Соглашение по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины. В соответствии с Соглашением, которое ратифицировано парламентами обеих стран и вступило в силу, срок пребывания ЧФ после 28 мая 2017 г. продлен на 25 лет с возможностью пролонгации на пятилетние

периоды. В Соглашении оговорена арендная плата за пребывание ЧФ в Крыму, устанавливаемая с 2017 г. Она будет формироваться главным образом за счет снижения цены на поставляемый на Украину природный российский газ. В.Ф. Янукович заявил, что «ЧФ будет оставаться одним из гарантов безопасности в Причерноморском бассейне» [23]. Не меньшее значение имело Соглашение о демаркации границы между РФ и Украиной от 17 мая 2010 г. Дело в том, что обе страны заинтересованы в переходе на безвизовый режим со странами Евросоюза, для чего требовалась демаркация границ. Но влияние Соглашения о демаркации на пограничное урегулирование противоречиво. Ускорив переговоры, данный акт одновременно сделал более зримыми претензии сторон друг к другу.

Характерно, что общественное мнение Украины позитивно отнеслось к Харьковским соглашениям и сближению позиций двух стран. В апреле 2010 г. Институт Горшенина (г. Киев) провел телефонный опрос 1000 респондентов во всех областных центрах, городах Киеве и Севастополе [28]. 56,4% респондентов страны одобрили то, что российский Черноморский флот останется в Крыму до 2047 г. Отрицательно оценивали сохранение флота 37,0% респондентов. Большая часть опрошенных (43,3%) считала, что в итоге Харьковских соглашений выиграли обе страны. 60,5% не видели в договоре угрозы суверенитету Украины, а усматривали угрозу суверенитету 31,8%. Половина респондентов (49,0%) полагала, что после подписания договора отношения между Россией и Украиной укрепятся. Позитивные ожидания, вместе с тем, прагматичны. Рассчитывали на то, что Украина будет получать дешевый газ, 37,5% респондентов. Столько же считали, что это приведет к позитивным сдвигам в украинской экономике. Негативные ожидания, напротив, носили политизированный характер. Предполагали усиление влияния РФ на политику Украины 32,1% опрошенных. 26,5% думали, что у населения Крыма возникнет желание принять гражданство РФ. Опасались междоусобных конфликтов в Крыму 22,6% респондентов, а того, что Крым перейдет в собственность России, – 21,9%. Итак, в общественном мнении Украины проявилось отчетливое размежевание на сторонников и противников компромисса в пограничных вопросах с РФ, причем сторонники компромисса преобладают.

Летом 2011 г. на заседании украинско-российской межгосударственной комиссии подписаны соглашения по Черноморскому флоту. Одно регулирует режим и порядок пребывания военнослужащих флота вне границ их дислокации, второе – совместные действия в борьбе со стихийными бедствиями. Остаются нерешенными вопросы использования маяков, инфраструктуры ЧФ и модернизации вооружений [26].

Ухудшение отношений с августа 2011 г. связано именно с экономическим фактором. Вопрос об условиях базирования Черноморского флота всегда поднимается в Киеве после повышения цен на российский газ. Премьер-министры страны, независимо от идеологических ориентаций, признавали прямую связь между этими проблемами [25]. Российский флот стал одной из разменных монет в переговорах об условиях вступления Украины в НАТО [5]. Евроатлантическая ориентация Украины после избрания В.Ф. Януковича Президентом в 2010 г. правящими элитами стратегически не оспаривается, речь идет о сроках и формах евроатлантической интеграции.

Как указал эксперт С. Горбачев в октябре 2011 г., из 49 кораблей, составляющих ядро Черноморского флота, лишь 4 не перешагнули нормативного срока эксплуатации [2]. ЧФ утратил подводную составляющую – единственная подводная лодка «Алроса» находится на ремонте на Балтике. Приход новых кораблей на флот выглядит благим пожеланием с учетом срыва Государственного оборонного заказа для ВМФ РФ [27]. Техника и вооружение остальных родов сил флота, прежде всего, авиации, требуют замены. Как неблагоприятное для флота оценивается экспертами и переподчинение ЧФ Южному военному округу. Проигнорирован особый статус Черноморского флота как единственного оперативно-стратегического объединения, решающего задачи за рубежом России на передовых рубежах оборонной системы государства, действующего в дальней морской и океанской зонах. Флот неоправданно сокращают, затрудняют его ремонт и модернизацию.

Украина требовала убрать российские флаги с объектов Черноморского флота РФ в Севастополе, оставив флаг только над зданием Главного штаба ЧФ.

Возобновилась работа над соглашением по принадлежности маяков и иных навигационных объектов. Стороны обменялись проектами соглашения. Вместе с тем, украинские суды продолжают рассматривать иски об изъятии объектов гидрографической службы ЧФ, что противоречит действующим актам. Более того, на станцию радионавигационной системы «Марс-75» вместе с судебным исполнителем прибыли представители политических движений, что может привести к эскалации конфликта.

В итоге проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Российско-украинский конфликт по вопросу статуса Черноморского флота РФ относится к числу долгосрочных, многосоставных, двусторонних. Это – конфликт политических и экономических интересов, возникший на локальном уровне, но интернационализированный вследствие действий сторон. В системе региональной безопасности данный конфликт малой интенсивности¹ играет важную роль в конкуренции стран НАТО, России и Украины.

Политические элиты Украины в целом проводят курс сближения с НАТО, несмотря на смену правящих партий и лидеров. Но геополитическая динамика российско-украинских отношений изобилует тактическими зигзагами. Это объясняется конъюнктурой предвыборных кампаний, влиянием глобальной «повестки дня» на межгосударственные отношения. Органы власти Украины нарушают положения договоров 1997 и 2010 гг. Противоречивость двусторонних соглашений открывает возможности для подобных действий. Институциональный дизайн политической системы Украины позволяет в корне пересматривать межгосударственные соглашения с приходом к власти новых партий и лидеров. Украине выгодно увязывать статус флота с ценой на транзит нефтегазовых энергоносителей. Москва и Киев не смогли наладить действенного сотрудничества в сфере безопасности, хотя регулярно проводятся переговоры. России недостаёт четкой, эффективной политики. Россия должна настаивать на неукоснительном соблюдении Харьковских соглашений, наращивать бюджетную и информационную поддержку своих граждан в г. Севастополе и Автономной Республике Крым, использовать все законные возможности модернизации Черноморского флота. Одновременно должно проводиться укрепление инфраструктуры флота в пределах российской территории. От мифотворчества следует перейти к целенаправленной и системной защите национальных интересов России в Черноморском регионе, созданию системы коллективной безопасности.

Источники и литература.

1. Безопасность России: Черноморский регион / Отв. ред. Н.А. Ковальский. М., 1997. 325 с.
2. Горбачёв С. К новейшей истории Черноморского флота России [Электронный ресурс] // Сайт «Фонд стратегической культуры». Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2011/11/04/k-novejshej-istorii-chernomorskogo-flota-rossii.html>
3. Горевой Р. Поматросил и бросил: Черноморский флот продолжает оставаться заложником российско-украинских отношений // Версии. М., 2006. №2. С. 7.
4. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. М., 2009. 352 с.
5. Дульман П. Крейсер США зашел в Севастополь // Российская газета. 2011. 23 окт.
6. Европа и Россия: проблемы южного направления: Средиземноморье – Черноморье – Каспий / Под ред. В.В. Журкина, Н.А. Ковальского. М., 2001. 403 с.
7. Жильцов С.С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий. М., 2005. 264 с.
8. Журженко Т.Ю. Евразийцы без энтузиазма, европейцы без приглашения: дилеммы украинской геополитической идентичности // Политическая наука. М., 2006. № 2. С. 7-28.
9. Иванец А. Возможна ли в Крыму вторая «Южная Осетия?» // Чорноморська безпека. Севастополь, 2009. №2. [Электронный ресурс] // Сайт Центра содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона «Номос». Режим доступа: <http://nomos.com.ua/content/view/234/79/>

¹ По нашему мнению, автор некорректно использует в политологическом исследовании чисто военный термин «конфликт малой интенсивности». Военный словарь дает такое его толкование: конфликт малой интенсивности (low-intensity conflict) – военные интервенции, специальные операции, партизанские войны, повстанческие движения, международный терроризм, психологическая война. Как видим, между РФ и Украиной конфликтов, носящих такой характер, нет (прим. ред.).

10. Иванов В., Плугатарев И. Сергей Иванов и международное право // Независимая газета. 2006. 19 янв.
11. Ивженко Т. В Крыму полная боевая готовность // Независимая газета. 2006. 17 янв.
12. Ивженко Т. Российский флот вытесняют из Крыма // Независимая газета. 2006. 15 февр.
13. Ковальский Н.А., Носенко Т.В., Подлесный П.Т. Россия в Черноморском регионе. М., 1993. 61 с.
14. Лакийчук П. ЧФ России и ВМС Украины: «рожки да ножки» уже и навсегда? // Чорноморська безпека. Севастополь, 2010. №4 (18) [Электронный ресурс] // Сайт Центра содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона «Номос». Режим доступа://<http://nomos.com.ua/content/view/>
15. Мошес А.Л. Новые аспекты военно-политической ситуации в Черноморском регионе // Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы. М., 2001. С. 194-203.
16. Мухин В. Гриценко и Иванов попытаются договориться // Независимая газета. 2005. 29 ноябр.
17. Мясников В. Черноморский флот готовится к эвакуации // Независимая газета. 2006. 10 марта.
18. Новый порт в Новороссийске достроят к 2014 году.10.08.2011 [Электронный ресурс] // Сайт «Отзывы об отдыхе в Новороссийске». <http://nvrskrest.info/novuj-port-v-novorossijske-dostroyat-k-2014-godu/>
19. Пиль Э., Шульце П., Тиммерманн Х. Открытый фланг Европейского союза: РФ, Беларусь, Украина и Молдавия // Политическая наука. 2006. № 2. С. 169-174.
20. Польгуева Е. Нас теснят: в Ялте захвачен российский маяк // Советская Россия. 2006. 17 янв.
21. Процик П. Чужой флот (ЧФ) [Электронный ресурс] // Чорноморська безпека. Севастополь, 2011. №3 (21) Сайт Центра содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона «Номос». Режим доступа://<http://nomos.com.ua/content/view/>
22. Российский Черноморский флот: Исторический очерк / Под ред. А.Д. Клецкова. Симферополь, 2008. 728 с.
23. Российско-украинские отношения. Второй департамент стран СНГ. Октябрь 2010 г. [Электронный ресурс] // Сайт члена Совета федерации РФ от Костромской области В.М. Дума. Режим доступа:// <http://www.vduma.ru/article.php?id=850>
24. Украина и Россия поделили маяки // [Электронный ресурс] // Сайт «Новости. most.ua». Режим доступа: <http://news.most.ua/Ukraine/Politics/ukraina-i-rossiya-podelili-mayaki>
25. Украина могла бы использовать вопрос ЧФ РФ в газовых переговорах – эксперт Татьяна Андреева [Электронный ресурс] // Сайт «Независимое информационно-аналитическое издание УРА-Информ». Режим доступа://http://ura-inform.com/ru/economics/2011/11/21/chf_rf
26. Украина намерена подписать с Россией еще десять соглашений по ЧФ [Электронный ресурс] // Сайт «РБК-Украина». Режим доступа://<http://www.rbc.ua/rus/digests/show/ukraina-namerena-podpisat-s-rossiey-eshche-desyat-soglasheniy-26082011082400>
27. Украина разрешит России модернизировать Черноморский флот // Российская газета. 2011. 25 окт.
28. Украинцы позитивно оценивают договор о продлении срока пребывания ЧФ РФ на территории Украины – опрос [Электронный ресурс] // Сайт Института Горшенина. Режим доступа: http://institute.gorshenin.ua/news/64_ukraintsi_pozitivno_otsevivayut.html
29. Усов С.А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР: (историко-политологический анализ). Севастополь, 2003. 382 с.
30. Ядуха В., Мухин В. Грузинский вариант для Севастополя // Независимая газета. 2006. 13 февр.
31. Klimenko A. The Black Sea Triangles: Is there a Solution? [Электронный ресурс] // Сайт «Портал Черноморские новости». Режим доступа: www.blackseanews.net/read/7603

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ, ЭТАПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

КАМАКИН М.В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Проблема определения понятия «глобализация» является весьма дискуссионной. Термин появился, во-первых, в области экономики, в частности, на базе изучения новых явлений в деятельности крупнейших корпораций и международных финансовых операций; во-вторых, в связи с использованием новых информационно-коммуникационных систем в производственной и финансово-банковской деятельности [8]. По сути, термин «глобализация» является метафорой, созданной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма. По определению МВФ, глобализация это – *«в возрастающей степени интенсивная интеграция, как рынков товаров и услуг, так и капиталов»*. Согласно более широкому определению, глобализация *«это доминирующая после окончания холодной войны международная система, которая представляет собой слияние национальных экономик в единую общемировую систему, основанную на легкости перемещения капитала, на информационной открытости мира, на быстром технологическом обновлении, на понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на основе коммуникационного сближения, планетарной научной революции, межнациональных социальных движений, новых видов транспорта, телекоммуникационных технологиях, интернациональном образовании»*.

При исследовании глобализации необходимо принимать во внимание то, что она – процесс исторический, развивающийся на протяжении столетий и еще незавершенный. Существуют многочисленные подходы к изучению процесса глобализации. Согласно одной из концепций глобализацию можно охарактеризовать как непрерывный и объективный процесс, который начался с момента зарождения человечества. Еще сорок тысяч лет назад наши предки стали выходить за пределы первоначальных очагов обитания, постепенно расселившись практически по всей Земле. Непрерывный процесс возникновения, роста, территориальной экспансии общностей и государств, их трансформации и исчезновения с передачей культурного наследия новым социальным образованиям, расширения деловых связей, с переносом языка и культуры, захватнических войн с расширением сфер влияния – все это относится к явлению, которое мы сегодня называем глобализацией. Исследователи А. Козмински, П. Скотт, М. Акулич, В. Добреньков подтверждают, что глобализация это, в целом, процесс закономерный и необходимый для развития человечества. Он сопровождается ускорением роста уровня жизни, политическим и экономическим развитием отдельных государств.

При таком понимании глобализацию можно охарактеризовать как вполне объективное явление [1]. Постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества и в этом плане вся мировая история это – совокупность медленных и быстрых шагов государств и народов в направлении глобального сближения [5].

Некоторые ученые выделяют некую «техногенную концепцию» развития человечества. При этом на первое место ставят роль развития науки и техники в истории человечества. Эту концепцию отображали в своих исследованиях Н. Луман, Л. Мэмфорд, Д. Нейсбит и многие другие. Технические возможности, монополия на средства сообщения давали морским державам возможность осуществлять неэквивалентный обмен, являющийся источником богатства для их национальных экономик, что обобщалось в «доктрине меркантилизма». Эти факторы и определили начало первого этапа глобализации. Например, уровень корабельной техники сделал возможным достижение любой прибрежной точки планеты (кроме полярных областей, что, впрочем, из-за их малого экономического значе-

ния было непринципиально). Развитие судоходства и связанные с этим морские войны привели к установлению монополии нескольких европейских государств, на посредничество в экономических контактах между удаленными друг от друга территориями [3]. Началом второго этапа глобализации считается конец XVIII в. В середине XIX в. были сделаны открытия, которые изменили облик мира и помогли сделать его таким, каким он есть сейчас. Были изобретены телеграф, телефон, радио, что во много раз сократило время передачи информации и сблизило людей, живущих в разных регионах мира [2].

Развитие информационных технологий во второй половине XX в. способствовало началу нового этапа глобализации. К этому времени обнаружились явные признаки невозможности дальнейшего роста потребления традиционных материальных товаров и вещей. В то же время, страны третьего мира начали проявлять способность к объединению и организации противодействия европейско-американскому миру. Поэтому идея превращения информации в товар показала многим выходом из тупика. Производство информации не связано с материальными и экологическими ограничениями. Какие информационные продукты потребляются и в каких количествах, определяется духовными запросами потребителей, которые можно сформировать нужным для производителей образом. Сбыт информационных продуктов облегчается и тем, что благодаря своей информационной природе, они являются носителями рекламы самих себя, обладая способностью стимулировать потребителей к соответствующим приобретениям. Основная экономическая цель развитых стран на современном этапе глобализации заключается в том, чтобы заставить других взамен информации обеспечивать приток реальных материальных благ, политическая – обеспечить необходимое влияние путем воздействия непосредственно на граждан государств, подлежащих контролю. В этих условиях, например, интернет можно рассматривать как канал доставки информационного продукта потребителю и перевода денег в обратном направлении, а также как средство формирования необходимых настроений у населения. В информационную эпоху создаются возможности производства информационных товаров в практически ничем неограниченных количествах, апофеозом чего является распространение информации по компьютерным сетям – новые экземпляры изделий (электронные копии) возникают как бы из ниоткуда и могут мгновенно перемещаться независимо от каких-либо географических ограничений. В итоге, само понятие «избыток» теряет свое значение, электронных товаров производится ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения спроса, независимо от объема последнего. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что залогом экономического успеха, как отдельных компаний, так и национальных экономик «стран-глобализаторов» является спрос на информационные продукты, предъявляемый потребителями, причем, в первую очередь, потребителями из «глобализируемых стран» [3].

Согласно другой концепции, процесс глобализации не был ни спонтанным, ни стихийным. На каждом этапе были своего рода инициаторы глобализации. Основной движущей силой этого процесса в XIX в. была Великобритания, чья экономика на базе фабричных технологий оказалась способной удовлетворить спрос на промышленные товары огромного числа потребителей, значительно превышавшего численность собственного населения. Зарубежные покупатели были заинтересованы в получении британских товаров, как правило, более дешевых и качественных, чем товары собственного производства [3]. Британия со всем своим морским, индустриальным и финансовым могуществом стала гарантом этой первой волны глобализации, осуществляя контроль над главными артериями перевозок товаров – морями и океанами, обеспечивая при помощи фунта стерлингов и Английского банка стабильность международных финансовых расчетов [5].

Согласно этой же концепции, к середине XX в. начинается новый этап глобализации. Его своеобразие заключается в том, что противостояние между США и СССР приобрело глобальный характер, когда большинство государств мира были вынуждены поддерживать одну из сторон [3].

После завершения противостояния двух сверхдержав, в начале 1990-х годов наступает следующий этап глобализации. Началось формирование «нового мирового порядка». Произошел переход от биполярного к однополярному миру, что повлекло за собой существен-

ные изменения на карте мира и в расстановке политических сил. Размах и скорость перемен, обусловленных глобализацией, стали характерной особенностью на данном этапе, как и изменение прежнего мировидения в свете крупных «культурно-цивилизационных перемен» [6]. При этом не произошло замены ее новой системой восприятия мира. *«Претензии глобализационного мирообъяснения не обрели желаемого ее авторам тотального идейного господства – слишком очевиден раскол между владеющими технологией и капиталами лидерами глобализации, и ее фактическими жертвами»*. Подобная же проблема затрагивала тех экономистов, которые полагали, что люди повсюду отвечают на экономические сигналы однообразным способом, безотносительно к их культуре [6].

На следующем этапе основной движущей силой глобализации становятся США. К началу третьего тысячелетия американская элита ставит перед собой задачу достичь уровня абсолютного доминирования, и тогда Соединенные Штаты превзойдут всех противников уже одним лишь внушением ужаса перед американской мощью, делая тем самым непосредственное ведение войны ненужным. На первой фазе своего возвышения, источником американской мощи были огромные ресурсы. На второй фазе, начинающейся в XXI в., увеличивается значимость того, что американский политолог Д. Най, назвал «мягкой силой» - это способность достичь большего не подталкиванием, а привлекательностью американского общества; выгодностью не противостоять Соединенным Штатам, а пользоваться плодами дружбы с ними [6]. Можно заметить сходство между положением, которое США занимают на современном этапе глобализации, с тем, которое занимала Британская империя, в особенности в конце XIX и начале XX столетия. Например, Британия демонстрировала желание видеть мир открытым, доступным и сотрудничающим вплоть до окончания XIX в. Когда германский экономический соперник начал теснить британскую индустриальную «фабрику мира», британский истеблишмент принял решение закрыть национальную экономику. США, став экономическим лидером, также полностью изменили свое отношение к рыночной активности, на протяжении последних пятидесяти лет возглавляя движение за открытие мировых рынков. На сегодняшний день США стремятся сохранить лидерство и быть на острие технического и социального прогресса. *«Ежегодно Америка принимает миллион молодых иммигрантов; тратит больше всех в мире на изобретения, которые радикально изменяют мир; выступает сторонником свободного рынка и внедрения высоких технологий, одновременно становясь главными противниками культурных традиций многих стран и народов, которые обеспокоены не столько тем, что Соединенные Штаты содержат военные гарнизоны в 35 странах и посылают свои войска в «геополитически» значимые регионы планеты, сколько тем, что американцы распространяют свою культуру, ценности и образ жизни - вне зависимости от того, желает ли этих благодеяний местное население или нет»* [5].

Российский историк и политолог А. Уткин выделяет два периода в процессе глобализации, которые кардинально изменили мир. Начало первого периода приходится на конец XIX в. Тогда глобализация развивалась на основе взаимного сближения народов благодаря техническим средствам, таким как пароход, телеграф, телефон, железные дороги, конвейер. Мир вступил в фазу активного взаимного сближения на основе распространения торговли и инвестиций в глобальном масштабе. Второй период начался в 1970-е годы. Это было связано с тем, что «началось новое сближение экономик», на основе которого стала формироваться единая мировая экономика, важную роль в этом сыграли ТНК. Процесс глобализации в этот период был связан с процессом развития в средствах коммуникации, который протекал с огромной скоростью. *«Происходит сужение пространства. Люди и экономики отдельных стран, находящихся на разных частях планеты становятся ближе друг к другу. Это изменило представление о том, где должны люди работать и жить, изменило концепции национальных границ, традиции международной торговли. Особенностью глобализации стала компьютеризация, миниатюризация, волоконная оптика, связь через спутники, интернет. В результате всех этих изобретений и усовершенствований стоимость переноса информации резко сократилась и ныне огромные объемы информации могут быть перенесены посредством телефона, оптического*

кабеля и радиосигналов в любую точку земного шара, что революционным образом действует на экономический рост большинства государств» [5].

В начале 1980-х годов руководители трех самых мощных экономических ведомств, расположенных в американской столице – министерства финансов США, МВФ и Всемирного банка, достигли согласия в том, что главным препятствием экономическому росту являются таможенные и прочие барьеры на пути мировой торговли. Их целью стало сокрушение этих барьеров. Так сформировался так называемый «вашингтонский консенсус», на основе которого стала осуществляться глобализация. «Вашингтонским консенсусом» называют определенные рекомендации по реформированию мировой торговли: налоговую дисциплину, особую направленность общественных расходов, налоговую реформу, процентные ставки, обменный курс, торговый либерализм, прямые иностранные капиталовложения, приватизацию, дерегуляцию и право частной собственности. Налоговая дисциплина характеризуется тем, что большие и постоянные дефициты бюджета порождают инфляцию и отток капитала, государства должны свести этот дефицит к минимуму. Субсидии предприятиям должны быть сведены до минимума. Правительство должно расходовать деньги лишь в сфере образования, здравоохранения и на развитие инфраструктуры. При особой направленности общественных расходов субсидии предприятиям должны быть сведены до минимума. Процентные ставки должны определяться внутренними финансовыми рынками. Предлагаемый вкладчикам процент должен стимулировать их вклады в банки и сдерживать бегство капиталов. Обменный курс в развивающихся странах должен быть таким, который бы помогал экспорту, делая экспортные цены более конкурентоспособными. Торговый либерализм характеризуется тем, что тарифы должны быть минимальными и не должны вводиться на те товары, которые способствуют увеличению экспорта. Прямые иностранные капиталовложения должны поощряться, должен привлекаться капитал и технологические знания. Приватизация должна всячески поощряться, частные предприятия обязаны быть более эффективными хотя бы потому, что менеджеры заинтересованы непосредственно в более высокой производительности труда. Дерегуляцией называют ограничение регуляции промышленности, и ее осуществление необходимо, поскольку излишнее государственное регулирование порождает лишь коррупцию и дискриминацию в отношении субподрядчиков, не имеющих возможности пробиться к высшим слоям бюрократии. Права частной собственности должны быть гарантированы и усилены; слабая законодательная база и неэффективная юридическая система уменьшают значимость стимулов делать накопления и аккумулировать богатства. Все эти десять рекомендаций были сформулированы американским экономистом Д. Вильямсоном в 1989 г. [5]. Результаты реализации этих установок характеризуются тем, что в 1975 году только 8% мирового населения жили в странах с либеральным режимом и свободным рынком, а прямые иностранные инвестиции в мире равнялись 23 миллиардам долларов, а уже к концу века численность населения, живущего в условиях либеральных режимов и свободного рынка достигла 20%, а объем внешних инвестиций – 644 миллиардов долларов.

Каждая из перечисленных выше концепций теории глобализации имеет определенные противоречия. Скажем, теория о том, что глобализация это – объективный и закономерный процесс, утверждает, что она сопровождается непрерывным ускорением роста уровня жизни, экономическим и политическим развитием отдельных государств. Однако история человечества доказывает, что прогресс далеко не всегда – необратимый и тем более непрерывный процесс. Очень часто в истории, как отдельных государств, так и целых континентов, происходили как процессы деградации, так и ускоренного экономического и культурного подъема. Это далеко не всегда происходит закономерно и без какого-либо политического воздействия. Очень часто это происходило под воздействием как объективных, так и субъективных факторов. Согласно техногенной концепции глобализации, научно-технический прогресс способствует этому процессу. Конкретные научные открытия, (например пароход, телеграф, радио), способствовали сближению людей, живущих на разных континентах и, таким образом стимулировали начало нового этапа. С этим трудно не согласиться, однако, кроме технических методов сближения различных народов существует геополитические факторы. Такими можно назвать государства, которые являлись

или являются инициаторами глобализации мировой геополитики. В конце XIX в. такой силой была Великобритания. После завершения двух мировых войн началось противостояние между двумя сверхдержавами США и СССР, которое очень быстро приобрело глобальный характер, и большинство государств мира были вынуждены поддерживать одну из сторон. Примерно с середины 70-х годов XX в. важную роль в процессе глобализации начинают играть негосударственные структуры, например, так называемые ТНК. После десятилетий биполярного порядка, мир в начале 1990-х годов начал резко деформироваться. Начался переход от биполярного мирового порядка к однополярному. Отсутствие СССР лишило США главного конкурента, и они остались единственной сверхдержавой. Безусловно, США будут доминировать в мировых политических, экономических и культурных сферах. Однако и в однополярном мире существуют различные центры влияния, которые в противовес США будут усиливать свое влияние. Возможно, мир стремится перейти от однополярного порядка к многополярному. Существует популярное выражение о том, что на смену противостоянию идеологий придет противостояние культур. О возможности столкновения цивилизаций заявлял американский политолог С. Хантингтон. Российский политолог А. Уткин высказал мысль, что *«США, являясь единственной сверхдержавой, периодически проявляют себя как гегемон в двусторонних, региональных и функциональных отношениях, но не могут позволить себе самоуверждения всегда и везде, что не позволяет считать Америку в полном смысле системным гегемоном»* [6].

Источники и литература.

1. Глобализация в реальности и сценариях развития [Электронный ресурс] // Сайт «Narod». Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/D32Romanov.htm>
2. Изобретения, которые сократили расстояния и изменили мир [Электронный ресурс] // Сайт «Интеллектуальные развлечения». Режим доступа: <http://log-in.ru/articles/izobreteniya-kotorye-sokratili-rasstoyaniya-i-izmenili-mir/>
3. Этапы и задачи глобализации [Электронный ресурс] // Сайт: «Narod». Режим доступа: <http://ukraine-ir.narod.ru/experts/groups/globalization/Stages-goals.htm>
4. Уткин А.И. Американская стратегия для двадцатого первого века. М. 2000. 271 с.
5. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М. 2002. 254 с.
6. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М. 2006. 640 с.
7. Экономическое определение глобализации [Электронный ресурс] // Сайт «Reports». Режим доступа: <http://globalization.report.ru/material.asp?MID=242>
8. Этапы глобализации или спонтанные объединительные процессы [Электронный ресурс] // Сайт: «Anonline». Режим доступа: <http://www.anonline.ru/etapy-globalizatsii-ili-spontannye-obedinitelnye-protsessy.html>

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

ПАШКОВСКИЙ П.И.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

К концу 1990-х гг. стала очевидной необходимость изменения во внешнеполитическом мышлении руководства РФ. При этом определённые перемены уже намечались в настроении элит и практической плоскости внешней политики. Директор программы по России и Евразии вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Э. Качинс писал о проявлении в это время в мышлении российского руководства установки *«нежелания полной интеграции с Западом, что представлялось целью сразу после распада Советского Союза»*. Вслед за практически десятилетним периодом, когда российская внутренняя власть и внешнеполитическое влияние находились на *«историческом минимуме»*, наступило время быстрого восстановления *«своего авторитета и стремления воздействовать на широкий круг вопросов»* [33, р. 4]. В свою очередь, под влиянием внутренних и внешних факторов российские геополитические парадигмы 1990-х гг. эволюционируют в сторону формирования концепций прагматико-патриотического содержания. Подобное объясняется закономерностью условий смены парадигм. *«Парадигмы слабеют по мере того, - указывает российская исследовательница В. Крашенинникова, - как они теряют свою способность разрешать новые задачи и проблемы. Серьёзные, противоречащие мейнстриму интеллектуальные школы, также могут обессилить парадигму. Но даже если убедительность старой парадигмы расшитана за счёт её неспособности объяснить новые факты, идущая ей на смену новая парадигма будет принята только тогда, когда критическая масса людей уже видит мир через неё»* [13, с. 204]. Исходя из сказанного, актуальной видится малоизученная проблема характеристики концептуальных основ современной политики Российской Федерации на постсоветском пространстве, являющаяся целью настоящей статьи.

Идеи «атлантизма» образца 1990-х гг. адаптируются к условиям пересмотра внешнеполитических подходов, приобретая более реалистичный характер. В этой связи на периферии «реализма» и «атлантизма» находятся взгляды члена политкомитета партии «Яблоко», члена-корреспондента РАН А. Арбатова, отмечавшего: *«Не авторитарная военная империя, а великая демократическая европейская держава – таков единственный оптимистический вариант будущего России»* [3]. На фоне неудачного опыта функционирования Содружества, отношения с новыми независимыми государствами (ННГ) – построенные на основе уважения их независимости и территориальной целостности – являются высшим приоритетом российской стратегии национальной безопасности [4]. Поскольку военное присутствие НАТО на постсоветском пространстве (ПП) будет возрастать, РФ должна, избегая открытого сопротивления расширению Альянса, заблокировать аспекты, противоречащие её интересам (вступление Азербайджана, Грузии и Украины в НАТО). А также стремиться увеличить свою роль в выполнении задач Альянса, пытаясь использовать его ресурсы в российских целях [2].

Либерально-«атлантистские» идеи в первое десятилетие XXI века нашли своё отражение во взглядах президента Ассоциации Евро-атлантического сотрудничества А. Адамишина [1], Генерального директора Центра этнополитических и региональных исследований Э. Паина [20] и директора Института стратегических исследований, члена бюро РДП «Яблоко» А. Пионтковского [21]. Их подходы можно свести к следующему: России не следует добиваться главенствующей роли в рамках «ближнего зарубежья»; СНГ не даёт возможности демократизации РФ, «высасывая» её энергетические и интеллектуальные ресурсы; России необходимо позиционировать себя с наиболее развитыми государствами

мира, пытаясь войти в «семью европейских народов» на условиях «социально-ориентированного рынка».

Обновлённый вариант «атлантистских» подходов представляет концепция «либеральной империи», озвученная в сентябре 2003 г. А. Чубайсом [31]. Основное положение концепции заключается в том, что поскольку РФ является (по базовым экономическим показателям) естественным лидером на постсоветском пространстве – она должна взять на себя роль гаранта экономического развития и безопасности региона, активно продвигаясь во внешний мир. Для эффективного продвижения российской экономики на мировом рынке государство обязано, с одной стороны, поддерживать условия рыночной конкуренции, чтобы избежать технологического отставания, с другой – противодействовать нерыночным методам других государств и активно помогать своим компаниям в случае применения к ним нерыночных методов [7].

Следовательно, Россия заинтересована в том, чтобы её соседями были демократические страны, где действует механизм контроля над выполнением обещаний. При этом РФ должна защищать (без применения военной силы и нарушения международного законодательства) права и интересы всех, кто готов себя идентифицировать с нею, в том числе русскоязычное население стран СНГ. *«...Для меня либеральный империализм, - пояснял смысл указанной концепции А.Чубайс, - вовсе не означает, что мы можем всерьез отказываться от принципа нерушимости границ. Конечно, это не означает, что мы будем нарушать общепризнанные нормы международного права. Это означает то, что государство обязано всеми способами содействовать развитию российской культуры и культуры других народов в наших странах-соседах. ... Российское государство всеми способами должно содействовать экспансии российского бизнеса за пределы государства – к нашим соседям. ...Напрямую законными методами делать все, чтобы поддержать базовые ценности свободы и демократии не только в России, но и во всех государствах-соседах. ... Не нужно нам никакого вступления, ни в ЕС, ни в НАТО. Мы туда не поместимся ни экономически и политически, ни географически. ... Вместо этого нам нужно просто увидеть сейчас контуры нового формирующегося мира XXI века, в котором будут США, на сегодня самая крупная империя в мире, Новая объединившаяся Европа (завершается процесс формирования европейской конституции и объединение Европы — не за горами), Япония (в тяжелом кризисе, но явно из него выйдет), и в котором должна занять свое место и наша страна. Не просто занять место в этой цепочке, а замкнуть это кольцо великих демократий XXI века» [31].*

Парадигма «реализма» проявилась в форме российского «державничества». Одной из разновидностей данного направления стала идея status quo на ПП, принадлежащая политологу Г. Павловскому [18; 19]. По мнению данного исследователя, сегодня в Европе параллельно осуществляется реализация двух крупных проектов: ЕС и России. Европе в этом контексте нужен безопасный Восток, а РФ – стабильность в полосе от Балтики до Причерноморья, где любые геополитические изменения представляются опасными. К факторам дисбаланса при этом относятся: стремление Украины вступить в НАТО; попытки «выдавливания» ЧФ РФ из Севастополя; геополитическая напряжённость в треугольнике Кавказ-Крым-Молдова. Поэтому России необходимо чётко обозначить и твёрдо отстаивать свои интересы в данных регионах в целях сохранения status quo.

Либерально-патриотическое направление «державничества» было представлено концепцией России как «великой европейской державы», в рамках которой РФ рассматривается частью Европы, являясь в то же время самостоятельным и сильным игроком на международной арене [25]. Одним из сторонников данной концепции является директор Института политических исследований, депутат Госдумы от фракции «Единая Россия» С. Марков [15], поддерживающий идею вхождения РФ в европейский проект. В результате этого Россия должна стать лидером двух больших коалиций: узкой (интегрированные по цивилизационным признакам Украина, Беларусь, Казахстан и др.) и широкой (страны, выступающие против сползания мира к хаосу, якобы происходящего по вине США).

Более решительную «державническую» позицию в отношении приоритетов России в регионе ННГ занимает директор Института стран СНГ К. Затулин [9; 10]. Налаживание

«особых отношений» с «ближним зарубежьем» он считает основополагающей целью российской политики. В этой связи важнейшим видится вопрос урегулирования отношений с Украиной, а также интеграции с Белоруссией. Ключевое значение имеет поддержка российских соотечественников, проживающих на ПП. Более того, русских и украинцев К. Загулин считает одним «восточнославянским народом», а Крым рассматривается им в качестве территории «особых» стратегических интересов России.

На фоне внутривосточной стабилизации и более прагматичного внешнеполитического курса России на ПП в первое десятилетие XXI в. укрепляются позиции сторонников консервативно-патриотического направления российской государственности. Основы их концепций сводились к следующим положениям: российская история непрерывна; распад СССР – масштабная историческая драма; Россия, имея самобытный опыт, является частью европейской цивилизации посредством общих христианских корней; идеологической базой выступают традиции славянофильства и православия.

Значительным представителем данного направления является президент Фонда исторической перспективы, руководитель парижского отделения российского Института демократии и сотрудничества, доктор исторических наук Н. Нарочницкая [17]. Она полагает, что РФ может существовать в мировой истории только в роли великой евразийской державы – медиатора цивилизаций Запада и Востока. При этом геополитическими регионами, делающими из России сверхдержаву, являются Крым и Прибалтика. Основной задачей РФ в условиях крушения однополярного мира и выстраивания многополярности видится необходимость сохранения «геополитического облика ареала исторического государства Российского», чтобы воспрепятствовать переориентации ННГ на «недружественных партнёров», тем самым устранив угрозу превращения «исторической российской территории» в сферу влияния конкурентов.

С началом 2000-х гг. в среде российских интеллектуалов растёт популярность концепции «Русского мира». Её основы были сформулированы ещё в XIX веке. Заметный вклад в популяризацию «обновлённой» идеи «Русского мира» внёс философ и политтехнолог П. Щедровицкий [32], который, в частности, определил время возникновения данного понятия в новых условиях периодом 1993 – 1997 гг. Также в наши дни указанную концепцию развивает патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Существует ряд трактовок идеи «Русского мира», однако, её лейтмотивом является мысль о наличии единого «цивилизационного пространства» на территории «исторической Руси», держащегося на трёх столпах: православие; русский язык и культура; общая историческая память и взгляды на общественное развитие [5; 26].

Определённой эволюции подверглась идеология «неоевразийства». Под влиянием данного направления к концу 1990-х гг. формируются идеи возрождения России как «евразийской империи». С учётом различий в подходах, эту концепцию поддерживали известные российские интеллектуалы (Д. Володихин, Г. Джемаль, Б. Ерасов, В. Махнач, Б. Межуев, С. Картунов, С. Кургинян, А. Панарин, В. Третьяков и другие). Императивом российской политики они считали установление контроля над ПП, являющимся зоной стратегических интересов РФ, а, впоследствии, и восстановление российской государственности в исторических границах [12; 14].

Наиболее показательными в контексте возрождения «евразийской империи» представляются идеи руководителя Центра консервативных исследований при социологическом факультете МГУ, лидера Международного евразийского движения А. Дугина. К началу 2000-х гг. происходит кристаллизация его взглядов в виде «неоевразийства» и консерватизма. *«Евразийской установкой, - объяснял сущность российских интеграционных приоритетов А. Дугин, - определяется вектор внимания России к постсоветскому пространству в целом. По сути, речь идёт о том, чтобы воссоздать единое стратегическое пространство в рамках бывшего Советского Союза – с некоторыми добавлениями (Монголия) и изъятиями (страны Балтии), но на совершенно иной мировоззренческой основе. Этот масштаб минимально необходимый для того, чтобы Россия в новой форме Евразийского союза восстановила стратегический потенциал, снова делаящий её «империей». Правда, на этот раз «империя» не будет иметь императора, и не будет основываться на*

жесткой марксистской идеологии. Евразийский союз должен быть образован добровольным путём – через свободное волеизъявление суверенных постсоветских держав. И политическая структура этого будущего образования должна учитывать императив автономии каждой составляющей части. Для этого оптимально подходит модель конфедерации» [8, с. 165].

Характеризуя систему управления и механизмы функционирования Евразийского союза, А. Дугин отмечал: «Такое объединение предполагает единый центр военного командования, общую границу, единое экономическое пространство с общей системой таможенных барьеров и транспортных тарифов, общую валюту и некоторый минимум признаваемых всеми правовых норм. Но вместе с тем каждая страна будет обладать высокой степенью свободы в выборе внутренней политики, политической и социальной организации, правовой системы (в тех вопросах, которые не противоречат общим конфедеративным нормам)» [8, с. 165].

На пересечении «державничества» и «неоевразийства» находится концепция «России – «Пятой Империи», принадлежащая российскому писателю и публицисту А. Проханову. «Первой русской Империей, – поясняет он, – была Киевская Русь. Второй – Московское царство Рюриковичей. Третьей – «белое царство» Романовых. Четвертой – «красный» Советский Союз. Мы свидетели зарождения Пятой Империи. Она еще не видна. Ее зачатия почти никто не заметил. Кругом все те же карканья, клёкот и хрип. Но священное зачатие состоялось... Пятая Империя – хрупкий отрочек с тоненькой шейкой, в косоворотке, как отрочек Варфоломей на картинах Нестерова. Стоит босиком на сырой траве под черными тучами мира, в которых клубятся молнии, падают горящие самолеты, взрываются кварталы Бейрута, сотрясаются континенты. Куда пойти? Где снять благодать?» [22].

В 2006 г., характеризуя обстановку на ПП, А. Проханов писал: «Страны СНГ – это оторванные конечности империи, которые обречены на гниение вне имперского тела. Все они – не склеенная, бессмысленная горсть дурных пространств и разделенных народов, среди которых не приживутся большие молекулы мнимой государственности. Клань Казахстана раздирают страну на несколько фрагментов, из которых самый живой и промышленный тяготеет к России. Единство Украины подвешено на косе Юлии Тимошенко, на этом синтетическом, выбеленном перекисью жгуте. Молдова – жалкий придаток русского Приднестровья. Грузия – то малое, что осталось после отделения Абхазии и Южной Осетии. Половина Прибалтики говорит по-русски и считает Нарву и Дерпт трофеями Петра Первого. Только слабость нынешней России и кажущееся могущество Америки мешают Империи запустить процесс распада новообразований. Превращенные в пыль, они будут втянуты могучим пылесосом Империи» [23].

В то же время РФ не должна торопиться к «реконструкции имперских пространств» потому, что грядут масштабные изменения в раскладе сил на международной арене. «Уже теперь Соединенные Штаты не могут контролировать процессы в Латинской Америке... Тем более, в «час американской беды» они не смогут дотянуться до территорий, где Алма-Ата – русский город, и Кушка – русский город, и Севастополь – русский город, и сквозь грязную замазку и известь, нашлепанную малярами «окайнных лет», все ярче и ослепительней проступает фреска Великой Державы» [23]. Относительно средств и методов достижения этого указывается следующее: «Дипломатия «Пятой Империи» – это газ, орбитальные группировки, русский язык и та, проверенная Западом культура «оргурожия», что не раз завершалась «революциями роз и гвоздик». У нас в России другие цветы – колокольчики и ромашки» [23].

Следует отметить, что в 2000-е гг. определённые изменения претерпела и концепция «Острова России» В. Цымбурского. Как и ранее ПП он считает частью «единого пояса», отделяющего РФ «от всех примыкающих к незамерзающим океанам центров силы и цивилизационных центров»: Евро-Атлантики, арабо-иранского Ближнего и Среднего Востока, Индии. Вместе с тем, «модель Великого Лимитрофа пришлось дополнить восточной частью, поясом тюркских, монгольских ... алтайских народов, простирающимся по стыку России и Китая и замыкающимся на еще одном алтайском народе – корейцах.

Очерчена была система Великого Лимитрофа – от Корейского полуострова и до Финляндии. ...Не будучи никем из западных лидеров заявлена в качестве официальной, она лучше описывает политику республиканской и поздней демократической администрации» США [29].

На современном этапе, полагал В. Цымбурский, наблюдается «подтверждение модели Острова России». При этом своеобразным «российским шельфом» - землями, соединенными с «нынешними коренными российскими территориями физической географией, геостратегией, культурными связями» - являются Восточная Украина, Крым и «определенные территории Кавказа и Центральной Азии». Размышляя в 2008 г. о перспективах внешнеполитического позиционирования РФ, он даёт следующие рекомендации: «...Идя за классической германской геополитикой, нам надо чётко различать геополитику пространств и геополитику границ... Россия не заинтересована сейчас ... в радикальном пересмотре контура своих пространств. Скажем, выдвижение к Босфору и Дарданеллам – это идея ... совершенно абсурдная с точки зрения внутренних задач России. ...Нынешние контуры России оптимально отвечают российской геополитике пространств. ...Геополитика границ требует детального, скрупулезного анализа и учета в конкретной ситуации ввиду существования шельфа России и ввиду оценки ситуации на этом шельфе с точки зрения наших интересов и нашего будущего»[30].

Оценивая роль идей В. Цымбурского в формировании современных внешнеполитических приоритетов РФ, известный российский философ и политолог Б. Межуев подчёркивал: «В отличие от левых теоретиков, Цымбурский считал, что Россия не должна тратить свои усилия на то, чтобы мир быстро перешел от «гегемонии» США к многополярности, но ей следует попытаться удержать – в целях собственного государственного строительства – нынешнее колеблющееся равновесие между доминированием США и подъемом новых претендентов на роль региональных центров силы – Китая, Индии, объединенной Европы, Ирана и т.д. Именно для удержания этого баланса требовалось не допустить стратегического присутствия США на территории Великого Лимитрофа... ...Цымбурский фактически предсказал все направление российской внешнеполитической активности второго срока В.В. Путина: упорное стремление России в сотрудничестве с Китаем в рамках ШОС не допустить закрепления США в Центральной Азии, а также на Украине и в Закавказье»[16].

Многие исследователи отмечали значительное влияние идей В. Цымбурского на изменение внешнеполитического мышления страны и её стратегии на ПП. В этом контексте российский публицист Е. Холмогоров выделял роль тезиса о России как полноценном геополитическом субъекте, способном на самостоятельные действия вне каких-либо альянсов. «Именно эти идеи, - акцентировал он, - кстати, были ключевыми для становления младоконсервативно-националистического дискурса и переворота, произведенного им в российской идеологии и политике между 2003 и 2007 годами. Переворота, сделавшего возможным и отказ власти от риторики «реформ», и переход на внешнеполитический язык «мюнхенской речи», и отказ от заискивающего поиска альянсов в пользу политики с позиции силы или, хотя бы, её демонстрации. Цымбурский являл собой пример редкого политического мыслителя, чьи идеи нашли признание и воплощение при жизни, то есть пример действительно оказавшейся успешной смыслократии» [28].

Что касается концептуального осмысления национальных интересов России в контексте её интеграционной политики на ПП, то ещё в конце 1990-х гг. российский учёный и государственный деятель А. Кокошин утверждал о необходимости укрепления «реального суверенитета» РФ для обеспечения национальной безопасности в условиях современных международных отношений. В начале первого десятилетия нового века данная концепция получила смысловое развитие. «Реальным суверенитетом, - разъясняет её сущность А. Кокошин, - обладает сравнительно небольшое число стран, и это не только современный феномен. Так было практически на протяжении всей мировой истории. Реальный суверенитет означает способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического парт-

нерства и т. п.» [11, с. 49-50]. При этом обеспечение «реального суверенитета» не означает автаркии в экономике и изоляции от внешнего мира, а, наоборот, способствует оптимальной интеграции государства в мировую экономику. В процессе обеспечения и укрепления «реального суверенитета» России ключевую роль играет ПП, где сталкиваются интересы глобальных и региональных акторов, которые (в особенности США) осуществляют противодействие российским инициативам. Поэтому приоритетное значение для РФ имеет обеспечение безопасности своих границ, а, следовательно, поддержание баланса сил в регионе ННГ [11, с. 56-57]. Для этого, акцентирует А. Кокошин, России необходимы современные, хорошо оснащенные, компактные силы общего назначения, способные к проведению операций, прежде всего, на евразийском пространстве, в том числе, «*операций по обеспечению безопасности наших друзей и союзников*», а также соотечественников, проживающих в тех или иных зарубежных странах [11, с. 66].

Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось активизацией интеграционных процессов на ПП, связанных с публичным выдвижением и реализацией идеи Евразийского союза (ЕАС). Так, в июле 2011 г. глава российского правительства В. Путин заявляет, что в «следующем году» намечается подписание декларации ЕАС, который может начать функционировать уже в 2013 г. А 3 октября 2011 г. в газете «Известия» публикуется его статья [24], где представлены контуры проекта создания ЕАС на базе России, Белоруссии, Казахстана и соответствующих интеграционных структур СНГ – Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и Таможенного союза (ТС). По замыслу основного идеолога проекта академика С. Глазьева, формирование ЕАС предполагает три стадии: зону свободной торговли в рамках Содружества, ТС в формате ЕврАзЭС, а также ЕЭП (РФ, Казахстан, Белоруссия), состоящее из ряда проектов и соглашений, членство в которых определяется каждой страной самостоятельно [6].

Впоследствии проект предусматривает образование конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством по аналогии с ЕС и другими подобными региональными объединениями. При этом подчёркивается, что ЕАС будет строиться по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играя роль эффективной «связки» между Европой и динамично развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом [27].

Таким образом, под воздействием внутренних и внешних факторов российский геополитический дискурс 2000-х гг. эволюционирует в сторону формирования концепций прагматического содержания. Идеи «атлантизма» приобретают более реалистичный характер в форме концепции «либеральной империи». Парадигма «реализма» воплотилась в виде российского «державничества», проявлениями которого стали: идея сохранения status quo на ПП; концепция России как «великой европейской державы»; постулирование «особых отношений» с «ближним зарубежьем». Укрепляются позиции сторонников консервативно-патриотического направления. Растёт популярность и значение концепции «Русского мира». В русле «неоевразийства» формируется концепция возрождения России как «евразийской империи» в форме нового Евразийского союза. На пересечении «державничества» и «неоевразийства» находится концепция «Россия – «Пятая Империя». Определённые дополнения внесены в концепцию «Остров Россия». Теоретическое осмысление национальных интересов РФ происходит в рамках концепции «реального суверенитета».

Источники и литература.

1. Адамишин А. На пути к мировому правительству [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_65
2. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России // Политика. 2006. №2. С.94 – 103.
3. Арбатов А. Россия: особый имперский путь? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2005. № 6. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5977
4. Арбатов А. Цель России – трансрегиональный центр влияния на территории постсоветского пространства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1203413220>

5. Батанова О. Н. Русский мир и проблемы его формирования: автореф. дис. ... канд. полит. наук: спец. 23.00.04. М., 2009. 24 с.
6. Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/295/
7. Гозман Л. Россия станет полноправной частью мировой либеральной империи [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2004/12/23/190431.html>
8. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007. 382 с.
9. Затулин К. Подруги вместо содержанок [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.zatulin.ru/index.php?§ion=digest&id=365>
10. Затулин К. Украинская политика России должна быть честной и активной [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.zatulin.ru/index.php?§ion=digest&id=358>
11. Кокошин А. Реальный суверенитет. М., 2006. 88 с.
12. Кортунов С. В. Грядет ли Пятая Империя? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dom.viperson.ru/wind.php?ID=294371&soch=1>
13. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007. 392 с.
14. Кургиян С. Слагаемые победы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/08/770/11.html>
15. Марков С. В Европу – вместе [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2001-08-29/3_together.html
16. Межуев Б. «Остров Россия»: время и место одной историософской концепции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=137&ida=1517&idv=1527#REF14>
17. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в современном мире. М., 2009. 416 с.
18. Павловский Г. Европейский Союз и Россия обречены на конфликты и поиск их решения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kreml.org/opinions/118813092>
19. Павловский Г. Рах Medvedica: Россия Медведева выходит из глухой обороны [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kreml.org/media/243474743>
20. Паин Э. Россия между империей и нацией // Pro et contra. Май-июнь 2007. С. 42-59.
21. Пионтковский А. У окна в Европу [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.107900.html>
22. Проханов А. Симфония «Пятой Империи» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article9888.htm#113>
23. Проханов А. Технологии «Пятой Империи» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://librus10.ilive.ro/aleksandr_prohanov_tehnologii_pjatoj_imperii_52624.html
24. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
25. Сергунин А. А. Российская внешнеполитическая мысль: национальная и международная безопасность [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00001/>
26. Тишков В. Русский мир: смысл стратегии [Электронный ресурс] // Стратегия России. 2007. № 7. Режим доступа: http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035&start_from=&ucat=14&
27. Толстов С.В. Перспективы Евразийского интеграционного проекта. Россия примеряется к мировым экономическим и политическим процессам [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2011-10-31/11_perspective.html
28. Холмогоров Е. «И всякий остров спасся». Памяти Вадима Цымбурского [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/day-comment/2254#comments>
29. Цымбурский В. Россия: линии разлома [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2033>
30. Цымбурский В. Шельф Острова Россия. Геополитика пространств и геополитика границ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20733.htm>
31. Чубайс А. Россия как либеральная империя [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia/>
32. Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-transnatio/
33. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017. Washington., 2007. 71 p.

**ТЕРРОР И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ:
ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МЕЧТЫ
В КОНТЕКСТЕ БАТУРИНСКОГО МИФА**

Ставицкий А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Один из ключевых и, вместе с тем, самых сложных вопросов, который обязательно следует решить при анализе произошедшего в Батурине, заключается в поиске его смысла. В чём смысл «резни»? С какой целью она была произведена? И что её делает знаковой? «Мазепинцы» предлагают свой ответ. И он заключается в том, что в разгроме Батурина отразился тот ужас, который испытал русский царь, когда узнал, что Украина решила обрести независимость и вернуться в Европу. Для него евровыбор Украины был крахом всех его надежд. Ночным кошмаром. И дабы этот выбор не состоялся, он устроил в Батурине настоящий ад.

Понятно, что в этой смысловой комбинации описание ужасов устроенной «москалями» «батуринской резни» в историографии «мазепинцев» естественным образом противопоставляется перспективам несостоявшейся в прошлом и грядущей евроинтеграции. И поскольку миф о «батуринской резне» разворачивается в контексте информационной составляющей глобальных взаимодействий, цель которых – новый мировой порядок при сохранении гегемонии США, будет интересным и поучительным рассмотреть исторический опыт «интеграции» Запада с другими странами и народами в контексте его оборотной стороны, начиная с тех времён, на которые Запад до сих пор равняется.

А поскольку русских солдат в данном случае пытаются представить забытыми 10 божеских заповедей «зверьями», «ордой», «нелюдями», которым, согласно их «варварскому обычаю», было в радость мучить людей, отметим, что далеко не все заповеди даже праведные христиане соблюдают, хотя бы потому, что 10 заповедей даны евреям. А что касается главной из них - «не убий», достаточно напомнить один эпизод из «Ветхого завета», чтобы стало понятно несведущим, насколько «творчески» подходил к этому принципу давший эти заповеди миру Моисей: *«Они стали воевать с Мадиамом, как Иегова повелел Моисею, и убили всех мужчин... Сыновья Израиля взяли в плен женщин и детей Мадиама, увели всех домашних животных и весь скот и разграбили все их имущество. Все города, в которых они жили и обнесенные стенами лагеря они сожгли огнём... Они привели пленных и принесли добычу и захваченное к Моисею, к священнику Елеазару и к обществу сыновей Израиля в лагерь на пустынных равнинах Моава у Иордана возле Иерихона. Моисей, священник Елеазар и все начальники общества вышли из лагеря им навстречу. И Моисей рассердился на тех, кто был поставлен во главе войска: на начальников над тысячами и на начальников над сотнями, которые возвращались из военного похода. Моисей сказал им: "Вы оставили в живых всех женщин? Ведь это они по слову Валаама склонили сыновей к неверности Иегове у Фегора, из-за чего общество Иеговы было поражено. Убейте всех мальчиков и всех женщин, которые ложились с мужчинами и имели с ними близость, а всех девочек, которые еще не ложились с мужчиной, оставьте в живых для себя» [3].*

В связи с этим хотелось бы сказать: человеческая жизнь – величайшая ценность, данная нам во времени, и будет прекрасно, когда в мире никто не будет считать себя вправе лишать её других людей. И нам всем надо время от времени об этом напоминать. Но в современном мире, к сожалению, есть те, кто, провозглашая эту мысль как определяющую, ради блага своего общества и утверждения гуманитарных идей, готовы одобрять убийства других, если они их образ жизни и ценности не разделяют. И в первую очередь это касается т.н. Запада, который давно уже присвоил себе право решать, кто живёт правильно, а кто должен измениться или умереть. Так Запад взял на себя роль исторического

судьи, которому дано право решать судьбу тех, кто его слабее, и оценивать другие народы на том основании, что он достаточно силен, чтобы контролировать весь мир, поглощая около 90% мировых ресурсов и материальных благ.

При этом на Западе принято гневно обличать нацизм за уничтожение миллионов невинных людей, давая этим понять, что подобные принципы и методы политической традиции Западу совершенно не свойственны. Однако напомним, что так или иначе нацистскому Рейху в конце 30-х – начале 40-х годов XX века удалось объединить под своим началом практически всю континентальную Европу и использовать её ресурс для попытки уничтожения СССР [4]. А с учётом того, что военно-промышленный комплекс нацистской Германии не прерывал экономических связей и финансировался через швейцарские банки американским капиталом на протяжении большей части Второй мировой войны, осуждать его, что активно сейчас делает Запад, значит не понять того, что нацистская Германия на тот момент являлась авангардом Запада, задача которого была сокрушить Советский Союз [7]. Сокрушить, в первую очередь, в интересах США.

Что же из этого следует? *«Германский нацизм, впитавший евроамериканскую идеологию расового и культурного превосходства, был лишь особо летальным выражением этой традиции, был западным империализмом в высшей степени»* [1]. А политика Германии, включая технологию истребления местного населения, так ныне всеми осуждаемая, являлась естественным продолжением той традиции, которая сложилась в рамках осуществляемой европейскими государствами мировой экспансии, начавшейся, как минимум, со времён открытий Христофора Колумба и Васко да Гамы. Если не раньше. Следствием их были испанский, португальский, голландский, английский, французский и американский аналоги немецкого плана «Ост». Только, в отличие от последнего, они были проведены в жизнь полностью в силу имевшихся у завоевателей возможностей. И в какой-то мере проводятся до сих пор. В результате этого страны Запада за счёт покорённых народов, значительная часть которых была просто истреблена, расчистили для себя «жизненно важное пространство» и получили необходимый для своего индустриального развития ресурс. Естественно, что их отношения с этими народами в целом строились на принципах рабства, апартеида и сегрегации, закреплённых в законах, которые существовали даже в США и Австралии вплоть до 60-х годов XX века¹, а на бытовом уровне повсеместно встречаются до сих пор.

Однако, несмотря на такие позорные страницы их исторического прошлого, именно эти страны присваивают себе право оценивать других на предмет соблюдения прав и свобод, используя либеральные идеи как прикрытие своих глобальных планов по созданию «нового мирового порядка», когда объектом их «плана "Ост"» является уже не Россия, а весь мир. Собственно, судя по тому, какую роль в мировой экономике играет доллар, позволяя Америке откачивать в свою пользу ресурсы других стран всего лишь за счёт выпуска нужного количества зелёных банкнот, которые стали аналогом раздаваемых индейцам в обмен на золото дешёвых погремушек, можно сказать, что американский мировой порядок уже состоялся. И для сохранения его США не остановятся и перед большой войной [8], которая позволит им закрепить за собой те преимущества и завоевания, что они сумели обеспечить себе в 90-е годы XX века после распада СССР. Для этого нет никаких препятствий. Только нужно подобрать те страны, которые сцепятся между собой в большой войне во благо мировой гегемонии и процветания США, как то было во Второй мировой войне. Однако, несмотря на это, именно Америка решает, какой из народов «хороший», а какой «плохой». С каким из них стоит дружить, а с каким следует воевать. Как поступить с теми, кто им не подчиняется, представляя для выступающей от имени всего мирового сообщества «западной цивилизации» очередную угрозу.

Причём, что важно: присвоив себе право оценивать другие народы, они ведут себя так, будто в их истории если и была борьба, то только хорошего с ещё лучшим. И будто не

¹ 2 июля 1964 года президент США Л. Джонсон принял закон о гражданских правах, поставивший сегрегацию вне закона. Однако, и после этого в США продолжалась борьба за равенство белого и чёрного населения, включая мирное движение во главе с убитым в 1968 году Мартином Лютером Кингом, а также акции «чёрных пантер».

было в истории Запада ни крестовых походов, ни инквизиции, ни опустошительных религиозных войн, ни истребления во имя процветания белой расы целых народов. Словно не было в Европе опустошительных религиозных войн и революций, в ходе которых погибли миллионы людей. Словно не было в истории либеральной Европы и Америки самого масштабного геноцида в истории человечества, когда для белых был очищен от местных жителей почти весь американский континент. Теперь они осуждают нацизм и коммунизм, пропагандируя «Чёрные книги» [5] их истории, словно не Запад породил их, а идеи либерализма не в той же степени являлись орудием насилия. А ведь для многих на Западе это совсем не секрет [10; 14].

Только вот история удивительного тождества и даже содружества западного либерализма и еврейского сионизма с германским нацизмом пока ещё остаётся тайной. Возможно, поэтому в мире так много пишут, снимают, рассказывают о Холокосте, но стараются не упоминать о тех 19 миллионах советских граждан, которые были уничтожены во время нацистской оккупации. Старательно изучают советский террор, но тщательно избегают темы террора американского. Любят вспоминать об ужасах правления Ивана Грозного¹, но совсем забыли о том, что в тот же период правители Европы – Филипп II (Испания) и Карл IX (Франция)², погрузили свои королевства в ад религиозных войн, а Генрих VIII (Англия) хоть и не допустил войны, но за время своего правления умудрился казнить около 72 тысяч человек [13].

Причём, что особенно занимательно, даже выискивают «военные преступления» советского режима в период Второй мировой и Великой Отечественной войн, сопоставляя их с нацистскими преступлениями, как, например, это делается с историей бомбардировки Таллина, раскручиваемой посольством США в Эстонии [2]. Хотя потери мирных жителей от бомбардировок союзников СССР во Второй мировой войне были в тысячи раз больше.

Однако, чем массированные бомбардировки городов без особой военной необходимости с целью выбомбить Германию и Японию, которые привели к гибели сотен тысяч мирных жителей, включая полностью уничтоженные Дрезден³ и Токио, а также более известные Хиросиму и Нагасаки, лучше уничтожения людей в нацистских концлагерях? Что было для обречённых лучше: попасть в газовую камеру нацистского концлагеря или в огненное торнадо на улицах пылающего Дрездена? Оказаться на лесоповале советского концлагеря или в руках «мясников» из ОУН-УПА? Чем массовый террор американских солдат с помощью «высоких технологий», включая использование напалма и химической смеси под названием «Эйджент Оранж»⁴ во Вьетнаме гуманнее установленного в Восточной Европе нацистами «нового порядка»? Какая принципиальная разница между убийцами жителей белорусской Хатыни [9] и вьетнамской деревни Сонгми⁵? В том, что одни из

¹ На Западе Иван Грозный известен под прозвищем «Terrible», что переводится как «Ужасный». За время его правления было казнено от 4 тысяч (Р.Г. Скрынников) до 15 тысяч (В.Б. Кобрин) человек

² Напомним, что только в одну Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 года во Франции было убито до 30 тысяч гугенотов. Всего религиозные войны во Франции шли более 30 лет (1562-1598 гг.), а отдельные вспышки противостояния католиков и протестантов продолжались вплоть до окончания Тридцатилетней войны (1648 г.)

³ Площадь зоны полных разрушений в Дрездене в 4 раза превышала площадь зоны полных разрушений в Нагасаки. Численность населения до налета была 629.713 человек (не считая беженцев), после — 369.000 человек (См.: [Бомбардировка Дрездена. Википедия]).

⁴ «Агент Оранж», Эйджент Оранж (англ. Agent Orange) — название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Применялся как химическое оружие американской армией во Вьетнамской войне с 1961 по 1971 годы в рамках программы по уничтожению растительности «Ranch Hand». Содержал значительные концентрации диоксинов, которые вызывают рак и генетические мутации у соприкасающихся с ними людей. В общей сложности около 14 % территории Вьетнама было подвергнуто воздействию этого яда. По данным министерства обороны США, с 1962 по 1971 годы американцы распылили 77 миллионов литров дефолианта «Агент Оранж», в том числе 44 миллиона литров, содержащих диоксин. По данным вьетнамского Общества пострадавших от диоксида, из трёх миллионов вьетнамцев — жертв химиката к настоящему времени свыше миллиона человек в возрасте до 18 лет стали инвалидами, страдающими наследственными заболеваниями. Вьетнамским жертвам в выплатах компенсации за ущерб, причинённый жизни и здоровью воздействием дефолианта, было отказано.

⁵ Речь идёт о военном преступлении, совершённом американскими солдатами в деревенской общине Милай в округе Сонтинь провинции Куангнгай в Южном Вьетнаме, которое получило мировую известность в 1969

них были украинскими нацистами из карпатских лесов, а другие – носителями либеральных ценностей из США? А о том, на что были способны воспитанные в самой свободной стране мира американские солдаты, можно узнать хотя бы из книги Марка Лейна «Устами американцев» [6], составленной из текстов признаний американских военных по расследованию их преступлений, совершённых во Вьетнаме. И чем в этом случае «зелёные береты» были лучше «резунов» из УПА? Принципиальной разницы между ними в отношении к населению, которое они собирались «зачистить», не наблюдается.

И если бы для Америки на Вьетнаме всё закончилось. Не случайно, по мнению большинства историков, разрушения и жертвы среди гражданского населения были крайне непропорциональны достигнутому военным результатам практически во всех войнах, которые организовывали и проводили США: непосредственно, либо под прикрытием НАТО – от Второй мировой войны до вторжения в Ирак и Афганистан.

Или истории о солдатах из американских «команд смерти» в Афганистане, снявшихся на фоне убитых ими мирных жителей [15], или об охранниках тюрьмы Абу-Грейб, оставивших сотни фотографий своих издевательств над иракскими заключёнными, можно оправдать либеральными идеями? И как тогда быть с пособиями по пыткам для британских солдат («*Унижайте, раздевайте догола, угрожайте: обнаружены учебные пособия британских ВС*») [11]? Как с новым витком «опиумной войны», которую ведёт США («Афганистан, наркотики и война») [12], втягивая в неё другие страны?

А ведь поведение солдат в современной «зоне войны», в которую превращён весь третий мир, является большой проблемой и очевидной трагедией и для мира, и для Америки, и даже для них самих. И не удивительно, что, по мнению известного журналиста Сеймура Херша, *«у этих солдат сложилось ощущение, что убийство мирных жителей, будь то по ошибке, из мести, или ради забавы, - неотъемлемый элемент современных «асимметричных» войн. Иными словами, убийство людей – талибов в перестрелке, или невинных прохожих ради «спортивного интереса» в чуждой стране с незнакомым языком и чуждыми обычаями – стало будничным делом. В ходе продолжительных безуспешных войн, когда противник – тот, кто пытается вас убить – не носит форму, и чаще всего остается невидимым, некоторые солдаты теряют ориентиры, в том числе и нравственные. Последствия этого могут быть ужасны»*¹. И не только потому, что *«лица, подозреваемые в сочувствии талибам, которых мы передаем афганской полиции и армии, подвергаются пыткам, а то и бессудным казням»*², о чём иногда пишут с болью на Западе. А потому, что таким войнам не видно конца. Войнам, основанным на расистской идеологии, которую сейчас как бы принято осуждать, но на деле в более мягкой форме положили в основу доктрины грядущего мирового порядка. Мирового порядка, к проекту которого все 20 лет пытается приспособиться Украина, используя для соответствующей «евровыбору» перекодировки сознания миф о «батуринской резне».

году в ходе войны во Вьетнаме. Как стало известно, годом ранее военнослужащие армии США совершили массовое убийство гражданского населения нескольких деревень, входивших в состав общин Милай и Михе (Михэ), уничтожив, по различным оценкам, более 500 мирных жителей. Многие жертвы перед убийством были подвергнуты американскими солдатами пыткам, а женщины — групповым изнасилованиям. Преступление вызвало возмущение мировой общественности и стало одним из самых известных и символических событий войны во Вьетнаме. Только один человек – лейтенант У. Келли – был признан виновным в убийстве 22 человек и приговорён к пожизненным каторжным работам. Через 3 дня по особому распоряжению президента США Ричарда Никсона он был переведён из тюрьмы под домашний арест в Форт-Беннинге (Джорджия). Срок его заключения несколько раз уменьшался, пока в ноябре 1974 года он не был помилован и освобождён.

¹ «these soldiers had come to accept the killing of civilians—recklessly, as payback, or just at random—as a facet of modern unconventional warfare. In other words, killing itself, whether in a firefight with the Taliban or in sport with innocent bystanders in a strange land with a strange language and strange customs, has become ordinary. In long, unsuccessful wars, in which the enemy—the people trying to kill you—do not wear uniforms and are seldom seen, soldiers can lose their bearings, moral and otherwise. The consequences of that lost bearing can be hideous» (англ.)

² Более полно: «There are also reports of suspected Taliban sympathizers we turn over to Afghan police and soldiers being tortured or worse» (англ.)

Источники и литература.

1. Баумгартен А. Американский Геноцид. Часть 1: Эпоха Колумба [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.left.ru/2002/22/baumgarten72.html>
2. Бомбардировка Таллинна [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://russian.estonia.usembassy.gov/sp1_rus030912.html
3. Ветхий завет. Числа 31:7-18.
4. Мухин Ю. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой. М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2005. 352 с., илл.
5. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А. и др. Чёрная книга коммунизма. 2-е издание. М., 2001. 780 с.
6. Лейн М. Устами американцев. - М.: Военное издательство, 1972. 184 с.
7. Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? Роковая ошибка Гитлера? СПб.: Лидер, 2010. 365 с.: ил.
8. Стариков Н. Спасение доллара – война. СПб.: Питер, 2010. 256 с.: ил.
9. Хатынь. Трагедия и память: док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск.: НАРБ, 2009. 272 с.: ил.
10. Хомский Н. Гуманитарный империализм. Новая доктрина имперского права [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.scepsis.ru/library/id_2334.html
11. Cobain I. Humiliate, strip, threaten: UK military interrogation manuals discovered [Internet resource]. Access mode: <http://www.guardian.co.uk/uk/2010/oct/25/uk-military-interrogation-manuals>
12. Esquerre H. L'Afghanistan, la drogue et la guerre [Internet resource]. Access mode: <http://www.liberation.fr/monde/0101649386-l-afghanistan-la-drogue-et-la-guerre>
13. Kings of England [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.genuki.org.uk/big/royalty/kingh.html>
14. Livre Noir du Capitalisme / Gilles Perrault (ed). Le Temps des cerises, 1998. 427 p.
15. Hersh S. M. The «Kill Team» Photographs [Internet resource] / Seymour M. Hersh. Access mode: <http://www.newyorker.com/online/blogs/newsdesk/2011/03/the-kill-team-photographs.html>

II

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ШИИТСКОЙ ДОКТРИНЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ САИДА КУТБА

Автушенко М.Н.

Газета «Севастопольский бриз»

В современном исламоведении общепризнанным является то влияние, которое оказал Саид Кутб (1906-1966) на формирование исламистской идеологии. В этой статье мы хотели бы обратить внимание на некоторые положения шиитской доктрины, которые были явно или латентно заимствованы Саидом Кутбом.

Так же, как и основатель Ассоциации «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна, Саид Кутб закончил педагогический колледж в Каире, а затем и каирский институт Дар аль-улум. Под влиянием своего отца, он рано занялся научной деятельностью, но в его ранних работах гораздо большее внимание уделялось поэзии и литературной критике, чем проблемам ислама.

И лишь поездка в США, где он столкнулся с непривычным ему образом жизни, заставила Кутба изменить свое мировоззрение кардинальным образом. Он осознает свое полное неприятие западного образа жизни и культуры и вступает после возвращения из США в Ассоциацию «Братьев-мусульман». Кутб обращается к исламу как к единственной системе ценностей, способной противостоять *«индивидуализму, культу доллара меркантильного Запада и воинствующему атеизму коммунистического Востока, ведущего человеческую личность к полной деградации»*.

С 1951 по 1966 гг. Саид Кутб написал восемь работ, в которых развивались различные аспекты идеологии «Исламского возрождения». Содержание его последнего сочинения, своего рода политического завещания – «Маалим фи-т-тарик» («Вехи на пути»), четыре из тринадцати глав которого он целиком взял из своего тафсира, послужило причиной последнего ареста и казни автора. Фанатическая убежденность, незаурядный литературный и полемический талант и, не в последнюю очередь, мученическая смерть превратили Саида Кутба в одну из наиболее почитаемых фигур среди современных исламистов.

В своих трудах, и прежде всего, в концептуальной работе «Вехи на пути» Сайид Кутб сформулировал основные постулаты своего учения. Во-первых, Кутб развил оригинальное положение о джахилии [3]. Для Кутба нет различия между государствами Западного мира и странами мусульманского мира, так как все они являются языческими.

Согласно его воззрениям: *«Общество Джахилии, это любое общество, отличное от Мусульманского общества. И если мы хотим уточнить это определение, то мы скажем, что общество Джахилии, это общество, которое отказывается подчинять себя Всемогущему Аллаху»* [3, р. 91]. В соответствии с этим определением, продолжает Кутб, все общества в современном мире, являются джахилийскими, то есть, неисламскими [3, р. 91].

Таким образом, для Кутба современное общество находится в войне с Аллахом. *«Весь современный мир погряз в джахилии... Джахилийя, наделяет человека одним из величайших атрибутов Аллаха – суверенитетом, тем самым превращает одних людей в рабов других»* [3, р. 27]. И в другом месте еще более жестко: *«Пока мусульмане живут жизнью джахилии, они не могут считаться мусульманами, как они это провозглашают»* [3, р. 154].

«Бесполезно, - утверждал Кутб, - пытаться построить систему жизни, которая состояла бы наполовину из Ислама, а наполовину из Джахилии... так как такая система все равно будет по своей сути ширком» [3, р. 149].

Исходя из этого положения, Кутб утверждал, что в современном мире не существует и мусульманской уммы: *«Мусульманская община исчезла за несколько столетий. Так как самоназвание «мусульманская община» не обозначает исламские земли или людей, чьи предки некогда жили по исламским законам, но имя группы людей, чьи манеры, идеи, концепции, правила, ценности и критерии, зависят от исламского источника»* [3, р. 25].

Согласно воззрениям Кутба, *«человечество находится на краю пропасти, потому что оно отбросило те жизненные ценности, которые необходимы, не только для нормального развития, но и для настоящего прогресса. Даже Западный мир осознает, что у него нет ничего, что могло бы успокоить его совесть и оправдать его существование»* [3, р. 23].

Во-вторых, Кутб переносит центр тяжести борьбы со странами Запада с военно-политического на духовно-идеологический уровень: *«Подлинная опасность лежит в духовном и умственном империализме, потому что в отличие от политического империализма, который рождает оппозицию, этот тип империализма усыпляет, успокаивает, обманывает своих жертв»* [3, р. 28].

По Кутбу, основная вина Запада заключается в том, что он больше не живет по законам, установленным Богом, подменив их человеческими установлениями, что в свою очередь привело к тому, что одни люди оказались в рабстве у других. Но, несмотря на то, что Запад погряз в джахилии, и это очень важная оговорка, мусульмане, могут учиться у него абстрактным наукам, то есть перенимать достижения технической цивилизации [3, р. 26].

В-третьих, Кутб говорит о необходимости формирования авангарда, который должен не только возглавить борьбу против западной колонизации, но и восстановить мусульманскую общину в ее первоначальной форме: *«Необходимо возродить мусульманскую общину, которая погребена под обломками человеческих традиций нескольких поколений и которая рухнула под напором тех фальшивых законов и традиций, не имеющих даже отдаленного сходства с учением Ислама, но которую продолжают называть «миром Ислама»* [3, р. 28].

Однако, по мнению Кутба, люди, входящие в авангард, должны сначала изменить себя, *«и лишь затем, мы сможем изменить общество»* [3, р. 28]. Он утверждал, что те, кто собирается стать частью авангарда, не должны проявлять слабости в каких-либо вопросах: *«человек, который чувствует необходимость защиты, оправдания и апологии, не может представлять Ислам людям»* [3, р. 154].

Кутб требует от тех, кто войдет в авангард, занимать активную наступательную позицию в спорах со сторонниками джахилии и приводит свой личный опыт подобных дискуссий: *«Я, во время пребывания в США, занимал позицию атакующего Западную Джахилию, чтобы «потрясти» ее религиозные верования, социально-экономический образ жизни и аморальность»* [3, р. 155].

Вместе с тем, Кутб прекрасно понимал, что работа авангарда по возрождению мусульманской общины займет много времени и потребует больших усилий: *«Я боюсь, что между попытками возрождения и достижения лидерства – большое расстояние... Разрыв нельзя преодолеть, как минимум, несколько столетий»* [3, р. 25].

В-четвертых, и это логически следует из воззрений Кутба, главная цель джихада это – отступники и предатели в странах мусульманского мира, посредством которых западные колониалисты осуществляют господство над мусульманским миром. Это утверждение Кутб подтверждает ссылкой на опыт пророка Мухаммада, отмечая, что его призвание за-

ключалось не в том, «чтобы избавить землю от римской и персидской тирании с целью установления арабской тирании. Любая тирания – зло!» [3, р. 15].

В-пятых, это опять же является следствием его предыдущих утверждений, Кутб рисует поистине апокалипсическую картину противостояния ислама и мира джахилийи: «Из-за того, что эта религия провозглашает свободу человека на земле от любых властей, кроме Бога, она находится в противостоянии с любым периодом человеческой истории – вчера, сегодня, завтра...» [3, р. 81].

В-шестых, Кутб развивает идею о подлинно исламском государстве: «Есть только одно место, которое может быть названо домом ислама (Дар-уль-Ислам), и это место там, где возникнет Исламское государство» [3, р. 131].

Кутб жестко выступает против национализма, заявляя: «У мусульманина нет страны (исключая ту часть земли, где правит шариат), у мусульманина нет национальности, исключая его веру, у мусульманина нет отношения с его матерью, отцом, братом и женой, а также другими членами семьи, если они не разделяют его веру» [3, р. 133].

В-седьмых, и это очень важно для понимания идей Кутба, анализируя время правления четырех праведных халифов, он отдавал предпочтение четвертому халифу Али. По его мнению, первые признаки разложения мусульманской общины начались уже при втором халифе Омаре и усилились при Османе. Али пытался вернуться к принципам пророка Мухаммада, но было уже поздно. Кутб считал, что если бы Али пришел к власти раньше, вся история человечества могла бы сложиться по-другому [1, с. 244].

По мысли Кутба, «исламское общество, это не прошлое, но требование настоящего и надежда будущего» [3, р. 118]. Таким образом, Кутб вполне сознательно рисует дуалистическую картину мира, где противостоят друг другу сторонники ислама и джахилийи. И этот свой основной вывод он подкрепляет хадисом Ибн Катира, в котором рассказывается об исламском кредо, выраженном в ответе Рабати бин Амира иранскому полководцу Рус-тему: «Бог послал нас взять тех, кто желает перейти из услужения людям на службу одному Богу, из узости этого мира в обширность мира последующего, от тирании религий в справедливость Ислама» [3, р. 160].

Отметим лишь некоторые черты сходства идеологии Кутба и его предшественников и последователей с шиитской доктриной. Во-первых, это подчеркнуто положительное отношение Кутба к четвертому халифу Али. Примечательно, что шииты считают первых трех халифов узурпаторами, которые захватили власть вопреки воле Аллаха и завещанию пророка Мухаммада. Кутб сохраняет определенную лояльность ко второму халифу Омару, но замечает, что именно в его время начался отход мусульманской общины от заветов пророка Мухаммада, а, следовательно, и избрание Омара явилось нарушением воли Аллаха и пророка Мухаммада.

Как и шииты, Кутб резко отрицательно относится к личности Муавии, который считается шиитами узурпатором и чуть ли не слугой Иблиса. Кутб также обвиняет Муавию в создании режима наследственной монархии и последующей деградации мусульманской общины.

Во-вторых, Кутб, как и шииты, выступает за право мусульманской уммы на вооруженное восстание против неправедных правителей. Это положение шиитской доктрины всегда критиковалось правоверными суннитами.

В-третьих, и это уже следствие влияния доктрины крайних шиитов, а возможно и исмаилитов, Кутб делит мир и людей на два враждующих лагеря, которые ведут войну между собой. К первому миру принадлежит мусульманская умма, действующая на основе воли и закона Аллаха, второй мир это – мир джахилийи, который принадлежит Иблису и который должен быть уничтожен во исполнение воли Аллаха.

В-четвертых, Кутб, как и шииты, отказывает в праве даже называться мусульманами своим идеологическим противникам. А значит, следуя логике Кутба, что они относятся к миру джахилийи и слугам Иблиса.

В-пятых, идея Кутба о создании авангарда, по нашему мнению, может восходить к шиитским мистическим учениям о «друзьях Аллаха», которые в силу дарованной им бараки, стоят выше рядовых мусульман и на которых, вследствие этого, возложена особая

миссия в мире. Кутб всего лишь перенес это положение шиитского мистицизма на современную ему общественно-политическую реальность. Авангард Кутба так же, как и «друзья Аллаха», имеет свою миссию в мире – возрождение мусульманской общины.

Примечательно, что уже основатель Ассоциации «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна считал себя «избранником Аллаха», а также что ему дано «озарение и благословение». Подобные воззрения были заимствованы аль-Банной или из шиитской мистической практики или непосредственно из мистической практики суфийских тарикатов.

В-шестых, под влиянием репрессий со стороны государства, члены Ассоциации «Братьев-мусульман» в своей общественно-политической деятельности стали использовать принцип «ат-такыйа», который является одним из руководящих принципов шиитской доктрины. Это позволило значительно расширить влияние братства среди армейских офицеров и государственных чиновников, которые не могли открыто объявлять о своей принадлежности к «Ассоциации братьев-мусульман».

В-седьмых, Кутб, как и практически все идеологи пансиламизма, начиная с аль-Афгани, проповедовал принцип открытия дверей иджитхада, что также является частью шиитской доктрины. Это положение доктрины основателей панисламизма послужило причиной жесткой критики их как со стороны салафитов, так и традиционалистов, которые обвиняли их в нововведениях, что считается недопустимым с точки зрения исламского вероучения.

Наконец, в-восьмых, создание иерархии, основанной на разных степенях посвящения членов «Ассоциации братьев-мусульман», и восходящее через суфийские тарикаты к шиитским мистическим учениям, также привело к нападкам на представителей братства и вышедшим из него движениям, которые обвинялись в создании особой эзотерической доктрины для посвященных, неоисмализме и фактическом отходе от ислама.

Таким образом, на наш взгляд, те исследователи, которые считают, что салафитская идеология сыграла главную роль в возникновении и развитии исламизма, недооценивают влияние на нее шиитских идей, которые воздействовали или непосредственно на его идеологов (Кутб и др.), или латентным путем через практику и структуру суфийских тарикатов.

Неудивительно, что многие исламисты восторженно встретили революцию 1979 г. в Иране и активно поддерживали аятоллу Хомейни. Примечательно, что в Каире, в конце 70-х гг. XX в. членов «Ассоциации братьев-мусульман» даже называли хомейнистами [1, с. 251].

Безусловно, не стоит отрицать и определенное влияние салафитской идеологии на исламистские движения, особенно в 70-х гг. XX в., когда многие члены «Ассоциации братьев-мусульман» спасаясь от преследований, бежали в Саудовскую Аравию [2, р. 30]. Но это влияние лишь способствовало усилению дуалистического мировосприятия членов исламистских организаций и привело к выработке более жесткого отношения к светским режимам в странах мусульманского мира.

Источники и литература.

1. Миккульский В.Д. "Ассоциация братьев-мусульман" в Египте и ее социально-политическая доктрина [Электронный ресурс] // Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. Официальный сайт. Режим доступа: religio.rags.ru/journal/anthology2/a2_15.pdf
2. About-Enein H.Youssef Al-Ikhwan Al-Muslimeen: The Muslim Brotherhood / Military Review. July-August, 2003.
3. Qutb S. Milestones. Birmingham. 2006. 416 p.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИИ)

ГАРАС А.Н.

Севастопольский национальный технический университет

Миграция как сложный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни, в XXI столетии обрела планетарные масштабы. В результате этого во многих странах Запа- да сформировались сообщества с доселе неизвестным этническим, культурным и религи- озным разнообразием, а миграция стала восприниматься не только как вызов, но и как уг- роза безопасности личности, общества и государства. Это обострило проблему поиска эффективных механизмов интеграции иммигрантов в страны-реципиенты.

Диаспоры мусульманских народов существуют во многих странах немусульманского мира, однако большая доля их приходится на страны Европы. Сегодня отсутствуют досто- верные карты размещения мусульман и статистические данные относительно их количе- ства на континенте. По приблизительным подсчетам, численность проживающих в Европе мусульман уже превысила население Финляндии, Ирландии и Дании вместе взятых, и со- ставляет приблизительно 15-20 млн. человек [3, с. 230]. Несмотря на этническую, эконо- мическую, социальную и политическую раздробленность, мусульмане Западной Европы не только ощущают принадлежность к единой общности (в силу характерных для совре- менного ислама процессов интеграции), но и воспринимаются в качестве таковой населе- нием принимающих стран [5, с. 3]. Все это позволяет утверждать, что ислам прочно вошел в жизнь Европы.

Переосмыслению современных европейских реалий, анализу иммиграционной поли- тики отдельных стран Европейского союза, исследованию факторов, обуславливающих политику интеграции мусульманских общин, посвящены работы многих зарубежных ис- следователей: П. Брамелоу, А. Конвей, Ф. Мартин, О. Руа, Т. Севедж, Г. Фриман, Р. Холз- ман, С.А. Червонной, З.С. Чертина и других. Хотя различные аспекты мусульманского присутствия в Европе и Украине также интересуют наших ученых (А. Богомолов, В. Ко- тигоренко, В. Григорянц, Н. Кирюшко, Э. Муратова, М. Якубович, С. Зинько и другие), но проблемы интеграции мусульман в принимающие общества являются все еще недоста- точно разработанными. Особый интерес представляет анализ существования мусульман- ской диаспоры в Западной Европе, в данном случае в Бельгии, где сталкиваются различ- ные социокультурные традиции Запада и Востока.

С начала XX в. в Бельгию из исламского мира началась рабочая иммиграция, однако наиболее массовой она стала в 60-х – начале 70-х гг., когда были заключены соглашения с Марокко, Турцией, Алжиром и Тунисом, регулирующие приток рабочей силы из этих стран. Вводимые позже ограничения на въезд рабочих в Бельгию не уменьшили масштаб миграции. По состоянию на 1 января 2012 г. население Бельгии составило 10,951 тыс. че- ловек [1], из которых мусульманская диаспора – более 600 тыс. человек (около 6% насе- ления страны), представлена двумя основными этническими группами — марокканцами (70%) и турками (20%). Уже сегодня «столица Европы» Брюссель является наиболее му- сульманским городом Европы. По результатам исследований, в настоящее время, в Брюс- селе проживают более 300 тысяч мусульман, а к 2030 году мусульмане составят большин- ство жителей бельгийской столицы, что превращает ее в столицу «Евразии» [8].

Процесс становления и существования ислама в Бельгии, как и в других странах За- падной Европы, оказался сложным и противоречивым. По численности приверженцев, ислам является второй по значению религией страны. В 1974 г. Бельгия первая в Европе официально предоставила ему статус традиционной конфессии (наряду с католицизмом, протестантизмом, англиканской церковью, иудаизмом, православием и светской гумани-

тарной философией). Благодаря этому мусульмане получают субсидии на строительство и реставрацию культовых учреждений, государство выплачивает жалование и пенсии священнослужителям, ислам преподается в государственных школах. Однако об интеграции мусульман в бельгийское общество говорить пока преждевременно.

Первоначально в правящих кругах страны существовала уверенность в полном контроле миграционных потоков, а привлечение рабочей силы рассматривалось как «приезд с обратным билетом». Только с середины 1980-х годов, после того, как страну захлестнула «мигрантофобия», начала проводиться политика интеграции мигрантских сообществ. Бельгия стала применять модель мультикультурализма (немецкий вариант), однако это был «иностранный рецепт» разрешения новейшей для нее проблемы. Она оказалась страной, не имевшей опыта «сосуществования» с исламом, и показавшей психологическую неготовность к его инкорпорированию. В результате чего коренное население страны начало обвинять мусульман в нежелании интегрироваться в европейское общество, а те в свою очередь считать интеграцию в таком виде новой формой колониализма. Это обусловило зарождение взаимного кризиса идентичности, проявлением которого у коренного европейского населения стало усиление ксенофобских тенденций, а у мусульман - радикализация, содействующая образованию анклавов. Мигранту оказалось проще интегрироваться в локальное сообщество (льежское, шарлеруанское, антверпенское, брюссельское), игнорируя национальный уровень [7]. Доступные мигрантам преимущества европейского образа жизни оказались недостаточной компенсацией болезненного разрыва со своей группой, и многие адаптируются к новой среде на основе наращивания социального капитала внутри своего этнического сообщества [5, с. 18]. Однако концентрация мусульман в конкретных районах и городах в рамках своих традиционных общин имеет еще одно серьезное следствие. Оно заключается в том, что подобные общины могут импортировать со своей родины и воспроизводить в западных городах свои социальные, этнические предрассудки, расколы и конфликты.

Сегодня наблюдается процесс усиления внешних проявлений ислама. В значительной мере, это – результат поисков национальной и религиозной идентичности через посредство ношения платков, бород, строительства минаретов и т.д. Интересным является и факт создания параллельной Шариатской правовой системы, наряду с официальной бельгийской. В Антверпене открылся первый Шариатский суд (в сентябре 2011 г.), не подчиненный светской правовой системе Бельгии, инициатором создания которого стало салафитское движение «Шариат для Бельгии». В суде рассматриваются дела, связанные с семейным правом: это вопросы брака и развода, опеки над детьми и выплаты алиментов, а также наследования. В будущем планируется расширить его юрисдикцию.

С другой стороны, присутствие мусульман все больше бросается в глаза, потому что их диаспора становится все более многочисленной. Объективные тенденции в демографической динамике таковы, что показатели рождаемости различных сегментов бельгийского общества резко отличаются (в мусульманских семьях, как правило, больше трех детей). Как и в других европейских странах, мусульманское население Бельгии очень молодо: около 35% марокканцев и турок моложе 18 лет, тогда как бельгийцев такого возраста всего 18%.

Таким образом, постоянный рост мусульманской диаспоры, а в большей степени внешние проявления ислама, вызывают озабоченность среди коренного населения, и воспринимаются как фактор нестабильности, усиливая националистические настроения. Коренные бельгийцы обеспокоены ростом безработицы, демографическими изменениями, потерей национальной идентичности, преступностью, ассоциируют данные тенденции с мигрантами. Экстремизм и терроризм часто воспринимаются как неотъемлемый атрибут мусульманской цивилизации. Такой риторикой активно пользуются радикальные правые партии (например, Фламандский национальный альянс), а антииммиграционные инициативы получают немалую поддержку в государстве.

Среди бельгийцев существует убеждение, что страна и, в частности, бельгийская культура проиграли в результате проводимой мультикультурной политики. В августе 2011 г. были опубликованы результаты опроса «Общественное мнение по вопросам иммиграции в глобальном разрезе», выявленное в его ходе отношение к иммиграции в Бельгии оказалось одно-

значно отрицательным. Так, на вопрос «Увеличилось ли, по вашему мнению, количество иммигрантов в вашей стране за последние 5 лет?», положительно ответили 94% бельгийцев. Утверждение «В нашей стране слишком много иммигрантов» поддержали 72% опрошенных в Бельгии. На вопрос «Положительное или отрицательное влияние оказывает иммиграция на вашу страну?» - 72% бельгийцев ответили, что считают это влияние отрицательным [7].

Исламский фактор модифицирует и основы внутренней политики государства, обостряя проблему обеспечения лояльности и соблюдения большинством мигрантов минимальных требований либерально-демократической системы. В стране существует значительный слой потенциальных граждан (преимущественно мусульман), не готовых к участию в управлении государством, не понимающих сути института гражданства и не требующих реализации их индивидуальных политических прав. В то же время, нет полной уверенности в том, что к признанию права на различие и к мирному сосуществованию различных культурных идентичностей готовы как политические элиты, так и большая часть населения стран Европы [6, с. 6]. Так, 23 апреля 2011 года в Бельгии вступил в действие Закон о запрете ношения в общественных местах на территории государства традиционных женских мусульманских одеяний - паранджи и никаба (в Бельгии паранджу постоянно носят около 300 женщин-мусульманок). За нарушение запрета предусмотрены: тюремное заключение на срок до семи дней и штраф в 137,5 евро. Данный закон способствует стигматизации мусульман, особенно ввиду того, что проблема никаба все время упоминается в контексте терроризма, хотя официальные исследования показывают, что между ними нет никакой связи [2].

Роль ислама может усилиться и во внешней политике государства. Во-первых, европейские мусульмане активно реагируют на развитие событий на международной арене. Во-вторых, для политиков значительно проще обеспечить внешнеполитические потребности мусульман, что требует меньше политических и финансовых ресурсов, а также приветствуется немусульманской частью населения. Решение же внутренних проблем воспринимается как финансовая нагрузка на собственные плечи и тяжелое бремя для социальной сферы страны, здравоохранения, образования и транспорта.

Однако, несмотря на ряд проблем, сопутствующих интеграции, правительство Бельгии пытается наладить продуктивный диалог с мусульманской общиной страны. В большинстве бельгийских муниципалитетов созданы службы интеграции, которые заняты не только адаптацией иммигрантов к бельгийским порядкам, но и подготовкой коренного населения к жизни в новом окружении. Например, служба интеграции часто устраивает «межнациональный ликбез» не только для школьников и студентов, но и для работников социальной сферы, государственных чиновников, полицейских, активистов различных политических партий. Одной из доходчивых форм межнационального просвещения признана разборка так называемых «традиционных сундуков», в которых собраны предметы, типичные для культур разных народов мира. Разобрав такой сундук вместе с сотрудником службы интеграции, люди в большей части избавляются от ложных стереотипов и начинают лучше понимать традиции своих новых соседей [4].

Таким образом, ислам, безусловно, стал частью реальности Брюсселя. Однако бельгийское государство оказалось не готово к «бесконтрольной интеграции» мусульман в свое общество. Ассимиляция была отвергнута мусульманами, а мультикультурная модель спровоцировала социальную дезинтеграцию. Интегрируемый ислам не секуляризовался, а начал более настойчиво утверждать свою религиозно-культурную самобытность, используя светский характер политических структур и принцип свободы вероисповедания. Сложившаяся ситуация не способствует развитию диалога между иммигрантами-мусульманами и коренным населением, а приводит к усилению мигрантофобии и ксенофобии. Это обусловило закрепление в бельгийском обществе негативных стереотипов в отношении исламской религии, что активно используют ультраправые группировки для получения политических дивидендов.

Бельгии в ближайшие годы предстоит научиться быть страной иммиграции, выработать взвешенную миграционную политику и сформировать систему эффективного взаимодействия с мусульманскими общинами.

Опыт Бельгии в области иммиграции, включающий в себя как различные достижения, так и ошибки, может стать весьма полезным не только для стран Европы, но и для нашего государства.

Источники и литература.

1. Бельгия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/be/about_be/review_be
2. Закон о запрете ношения паранджи вступил в силу в Бельгии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110723/405940362.html#13562540207512&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>
3. Зінько С.Ю. Проблеми інтеграції мусульманських спільнот у Європі: досвід для України // Стратегічні пріоритети. 2008. № 4(9). С. 229-240.
4. Ислам в Бельгии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.islamdag.ru/vse-ob-islame/1378>
5. Пономарева А.М. Социокультурная адаптация мусульманских общин в западноевропейских обществах: автореф. дис...канд.социолог.наук: 22.00.01. М., 2010. 24 с.
6. Сахарова В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада в условиях глобализации: автореф. дис...канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2010. 21 с.
7. Соловьева З.А. Мусульмане в Бельгии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/9815>
8. «Столица Еврабии»: в Бельгии опубликовано исследование о растущем влиянии ислама [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-28947.html>

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АССИМИЛЯТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ ТУРОК В БОЛГАРИИ В 1984-1989 ГГ.**

Грушецкий П.Б.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Балканский полуостров, бывший ареной острых этнических конфликтов на протяжении XIX – первой половины XX вв., к концу столетия сохранил потенциал возникновения новых серьезных противостояний на национальной и религиозной основе. Относительная стабилизация межэтнических отношений в условиях установления в большей части государств региона коммунистических режимов, одной из идеологических составляющих которых был интернационализм и приоритет классовых интересов над национальными, к 1990-м гг. сменяется новым ростом напряженности в отношениях между проживающими здесь народами. В последнем десятилетии прошедшего века это вылилось в ряд кровавых конфликтов на территории Югославии, многие из которых не разрешены окончательно по сегодняшний день и могут вновь перейти в «горячую» фазу. В этой связи важно понимание процессов, начавшихся в декабре 1984 г. в Болгарии и связанных с проведением интенсивной ассимиляционной политики в отношении болгарских турок, получившей название «Возродительный процесс».

Целью данной статьи является выявление внешнеполитических причин и последствий Возродительного процесса путем анализа глобальной и региональной международной обстановки на протяжении 1980-х – начала 1990-х гг. В процессе исследования использовались официальные документы Народной Республики Болгария, мемуары генерального секретаря ЦК КПСС в 1985-1991 гг. М. Горбачева, научные работы болгарских, турецких и американских авторов И. Атанасовой, И. Баевой, Б. Демирташ-Кошкуна, Р. Крэмптона, Е. Калиновой, Л. Петковой.

К началу 1980-х гг. в Северо-восточном Средиземноморье и Южных Балканах сложилась напряженная обстановка, связанная, в первую очередь, с греко-турецким противостоянием вокруг о. Кипр и шельфа Эгейского моря. Ситуация обострялась нестабильной внутривосточной ситуацией в Турции, где активизировалась борьба курдов, а в 1980 г. произошел военный переворот. Болгария в двустороннем конфликте не занимала категоричную позицию, однако, более склонялась на сторону Греции.

С Турцией поддерживались достаточно активные дипломатические и экономические связи. В 1975 г. между двумя странами был подписан Договор о добрососедстве и сотрудничестве. На протяжении длительного времени Турция не вмешивалась во внутривосточные проблемы в Болгарии, даже если они касались прав мусульманского населения страны. Относительно спокойно была воспринята замена мусульманских имен болгар-помаков и цыган на христианские, проведенная в течение 1970-х гг.

Однако, в течение 1983-1984 гг., ситуация кардинально изменилась. В ноябре 1983 г., как логический финал длительного межэтнического конфликта, была провозглашена независимость Турецкой Республики Северного Кипра [5, с. 780]. Это событие создало опасный прецедент, заключающийся в возможности вмешательства под предлогом защиты прав своего народа во внутренние дела соседней страны, в которой он является национальным меньшинством, с дальнейшим отторжением от нее части территории.

Болгарское руководство во главе с генеральным секретарем ЦК БКП Т. Живковым с настороженностью отнеслось к действиям Турции, всеми средствами поддерживавшей турецких сепаратистов на Кипре. Турки, согласно переписи 1975 г., составляли свыше 8% населения Болгарии и были компактно расселены в пограничных с Турцией южных районах и на северо-востоке страны [7]. При этом естественный прирост населения среди ту-

рок значительно превышал аналогичные показатели у болгар, что вызывало опасение у большей части общества относительно возможности тюркизации ряда районов Болгарии.

Правительство НРБ проводило ассимиляторскую политику в отношении иноэтнических и инорелигиозных групп с целью создания «единой социалистической болгарской нации» в течение нескольких десятилетий, но она касалась, в основном, болгар и цыган, исповедующих ислам. Однако, со второй половины 1982 г. этот курс затронул и детей от смешанных болгаро-турецких браков, которых предписали называть христианскими именами. Такие действия вызвали неодобрительную реакцию со стороны турецких властей, которые в 1983-1984 гг. несколько раз выражали официальные протесты [5, с. 803-805].

Позиция Турции вызвала подозрение у Т. Живкова и его окружения по поводу того, что события могут развиваться по кипрскому сценарию. Хотя продолжавшаяся «холодная война» сводила к минимуму возможность открытой турецкой агрессии против страны-члена Организации Варшавского договора, однако, тайная финансовая и организационная поддержка сепаратистских движений могла бы иметь место.

Два главных фактора: внутренний, связанный с этническими диспропорциями прироста населения, а также внешний, заключающийся в опасении реализации Турцией курса на раскол Болгарии по национальному признаку, привели, в конечном счете, к началу масштабной кампании, получившей официальное название «Возродительный процесс». Главной ее целью было лишение этнической идентичности болгарских турок, которые объявлялись потомками исламизированных болгар. Кампания началась в декабре 1984 - январе 1985 гг. принудительной сменой мусульманских имен 850-тысячного турецкого населения на христианские [11, с. 6-7]. На дальнейших этапах предполагались такие действия, как поощрение смешанных браков [4, с. 9], пропаганда среди турок болгарской культуры, отказ от упоминания религиозной принадлежности болгарских мусульман, ограничение использования турецкого языка бытовой сферой [8, с. 26-28].

Турецкое правительство отреагировало на происходящее быстро, но в достаточно умеренном тоне, так как стремилось сохранить экономические отношения и опасалось большой миграционной волны из Болгарии. Президент страны К. Эврен отправил к Т. Живкову нескольких посланников с целью повлиять на действия в отношении болгарских турок, но тот заявил о недопустимости вмешательства во внутренние дела [5, с. 806].

Проблемы в турецко-болгарских отношениях, связанные с Возродительным процессом, возникают в условиях обострения международной обстановки, разворачивания новой гонки вооружений. Правительства СССР и США внимательно следили за действиями как своих союзников, так и противников, любые неоднозначные действия которых могли использоваться в соответствующих целях. Американское руководство, взявшее на вооружение во внешнеполитической сфере защиту прав человека во всем мире, не могло не использовать факт притеснения турецкого населения Болгарии в своей политике. В феврале 1985 г. Государственный департамент выступил с официальным заявлением, в котором выражалась обеспокоенность в связи с насильственной сменой имен болгарских турок [5, с. 807]. После этого Турция уже не могла ограничиваться кулуарными переговорами с Болгарией, к тому же правительство из-за нерешительных действий попало под критику оппозиции. 22 февраля турецкое правительство предложило Болгарии заключить новое миграционное соглашение, однако та расценила подобные действия как вмешательство во внутренние дела и категорически отказалась. В ответ Турция ограничила экономические и культурные отношения между двумя странами [15, р. 47]. С момента ознакомления турецким правительством послов мусульманских государств со своей позицией по Возродительному процессу, болгаро-турецкий конфликт окончательно выходит за рамки двусторонних отношений [5, с. 807].

В течение второй половины 1980-х – начале 1990-х гг. главной целью болгарской дипломатии было восстановление нормальных дипломатических и экономических отношений с Турцией без предварительных условий, отказ от вмешательства во внутренние дела Болгарии [4, с. 10]. На международной арене следовало доказать, что *«Болгария является однонациональным государством, в границах которого нет ни чужой земли, ни национальных меньшинств»* [4, с. 2]. Турция, в свою очередь, добивалась отказа болгарских

властей от ассимиляторской политики в отношении турок, пытаясь привлечь к проблеме максимальное внимание мировой общественности.

Обе стороны весной 1985 г. начали активный поиск союзников на международной арене. Естественно, что они, в первую очередь, рассчитывали на поддержку союзников по военно-политическим блокам, однако, конфликт вышел за рамки блокового противостояния. С осуждением болгарской политики в отношении турок выступили как союзники Турции по НАТО – США и Великобритания, так и один из лидеров Движения неприсоединения – Югославия, что было связано с существованием схожего македонского вопроса [5, с. 807-809]. Проблема Возродительного процесса заняла видное место в переговорах Т. Живкова с заместителем госсекретаря США Д. Уайтхедом 4 февраля 1987 г. Руководитель правящей партии Болгарии в соответствии с внешнеполитической линией страны, направленной на недопущение обсуждения Возродительного процесса на международном уровне, выразил недоумение в связи с тем, что вопросы болгаро-турецких двусторонних отношений затрагиваются представителями США [9, с. 20-24]. ФРГ, Франция и Италия высказались за рассмотрение конфликта в рамках СБСЕ [15, р. 47].

Страны советского блока также не заняли общей позиции, что свидетельствовало о нарастании противоречий внутри социалистического содружества. В то время как ГДР и Чехословакия выразили полную поддержку Болгарии и оказали ей содействие в распространении своей позиции по Возродительному процессу, Польша и Венгрия отказались выступить единым с ними фронтом на международной арене. В венгерском официальном издании появились сообщения о Возродительном процессе, основанные на западных материалах, при этом редакция отказалась опубликовать болгарское опровержение [1, с. 707-708].

Позиция СССР, на поддержку которого Болгария рассчитывала больше всего, также не была однозначной. В октябре 1985 г. во время визита генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева в Болгарию, Т. Живков на встрече с гостем Политбюро ЦК БКП поднял тему Возродительного процесса, однако, ответ М. Горбачева был очень уклончивым: *«Мы сами должны по-дружески, по-братски решать вопросы... Проблемы социалистических стран – это собственные проблемы Советского Союза»* [1, с. 707]. Сам М. Горбачев утверждает в своих мемуарах, что в разговорах с Т. Живковым он указывал на недопустимость осуществляемых в отношении турок вышеназванных действий, после чего тот пошел на смягчение своей политики [2, с. 369].

Полное понимание своего политического курса по национальному вопросу болгарское руководство встретило со стороны Греции, которая, хоть и являлась членом НАТО, но имела крайне напряженные отношения с Турцией в связи с указанными проблемами. Суть греческой позиции выразил заместитель министра иностранных дел и постоянный представитель Греции в ЕС Т. Пангалос, заявивший, что Турция не имеет ни морального, ни политического права интересоваться национальными меньшинствами в других странах, поскольку сама подвергает дискриминации меньшинства на своей территории. По его мнению, болгаро-турецкие противоречия следовало решать на двусторонней основе, а не выносить на международное обсуждение. Греческие дипломаты оказали всемерную поддержку Болгарии на международной арене и сумели провалить принятие турецких резолюций по Возродительному процессу в ООН, НАТО и Совете Европы [5, с. 780-781].

Попытки Турции привлечь внимание мирового сообщества к проблеме ассимиляторской политики в отношении болгарских турок принесли определенные результаты. В 1985 г. Совет Европы призвал Болгарию немедленно прекратить репрессивную политику и восстановить мусульманские имена. 16-я конференция министров иностранных дел исламских государств, состоявшаяся в 1987 г., также выразила беспокойство по поводу действий болгарского руководства [14, р. 28].

После принудительной смены мусульманских имен, в течение четырех лет Возродительный процесс проходил с меньшей интенсивностью. Его активизация началась в 1989 г., поводом к чему стало завершение Венской встречи представителей СБСЕ, принявшей ряд документов, обязывающих государства-участники обеспечить свободное передвижение своих граждан, в том числе и за границу. В результате этого в районах Болгарии, населенных преимущественно турками, началось массовое движение за переселение в Тур-

цию. Используя такие настроения, правительство Болгарии приняло законы о свободе выезда за пределы страны всем гражданам. Т. Живков 29 мая специально выступил по национальному телевидению и радио, всенародно призвав Турцию открыть границу для *«всех болгарских мусульман, которые желают выехать в Турцию временно или остаться жить там»* [5, с. 811]. О причине такого повышенного внимания болгарского руководства к проблеме Т. Живков заявил на встрече Политбюро ЦК КПСС с первыми секретарями областных комитетов БКП и другими высокопоставленными лицами страны 7 июня: *«Такой психоз [переселенческий] является для нас необходимым... Если мы не выведем 200-300 тыс. чел. того населения, через 15 лет Болгарии не будет. Она будет чем-то вроде Кипра или чем-то похожим»*. Генеральный секретарь ЦК БКП выражал надежду на открытие границы Турцией, однако полагал, что оно продлится не более 15 дней [10, с. 2].

Прогнозы Т. Живкова оправдались достаточно точно. Турция разрешила свободный въезд на свою территорию болгарским туркам. Однако, 22 августа 1989 г., когда границу пересекли около 320 тыс. чел., что составляло более трети мусульманского населения Болгарии, и еще 10 тыс. ждали пропуска на границе, премьер-министр Т. Озал распорядился перекрыть границу, так как страна уже не могла справиться с таким количеством иммигрантов [6, с. 542].

Резко осудив действия Т. Озала и обвинив турецкое правительство в мнимости заботы об интересах мусульманского населения Болгарии, Политбюро ЦК БКП предложило перейти к наступательной внешней политике по вопросу Возродительного процесса. В отношениях с турецкой стороной следовало акцентировать внимание на защите прав болгарских граждан в Турции. Для западных стран предлагалось указывать на исторические аспекты: Болгария, как указывалось, длительное время являлась щитом для Европы от внешних вторжений, а полная ее дехристианизация стала бы концом здесь европейской цивилизации [8, с.6, 20-21].

«Большая экскурсия», как получил название массовый выезд турок из Болгарии летом 1989 г., резко ухудшила международное положение страны, еще сильнее, чем на рубеже 1984-1985 гг. Этому способствовал ряд причин. Во-первых, серьезные политические и экономические перемены происходили в государствах советского блока. Венгрия и Польша, изначально не поддерживавшие Возродительный процесс, все более отходили от социалистической ориентации. Чехословакия испытывала экономические трудности и надеялась на финансовую помощь Запада, поэтому, неофициально поддержала действия Болгарии, но попросила не афишировать свою позицию. Лишь ГДР выразила полную поддержку и обещала дипломатическую помощь [1, с. 709].

Во-вторых, в 1989 г. «холодная война» близилась к своему окончанию. Руководство Советского Союза, переживавшего тяжелые времена в связи с проводимой политикой перестройки и ростом межнациональной напряженности, провозгласило новые идеологические принципы. Как следствие этого, в ходе встречи Т. Живкова и М. Горбачева 23 июня 1989 г. последний заявил, что Возродительный процесс противоречит новому политическому мышлению, и предложил кандидатуру советского посла в Анкаре А. Чернышева в качестве посредника между Т. Живковым и Т. Озалом [1, с. 709; 15, с. 48]. Предложение о посредничестве для нормализации болгаро-турецких отношений было официально озвучено в советской декларации от 1 сентября 1989 г. [8, с. 13-14].

Наконец, в-третьих, с 1988 г. после нескольких встреч глав правительств Турции и Греции – Т. Озала и А. Папандреу – в отношениях двух стран началось заметное потепление. Позиция греческих властей в отношении Возродительного процесса становится все более нейтральной, а оппозиция жестко критикует действия болгарского руководства. Посол Греции в Софии Г. Христоянис в разгар болгаро-турецкого противостояния летом 1989 г. уклончиво заявил, что проблемы меньшинств на Балканах требуют специального подхода для сохранения нормальных отношений между странами [5, с. 781].

Таким образом, Болгария потеряла ключевых союзников на международной арене по вопросу Возродительного процесса, притом, что курс ее противников ужесточился: США прекратили торговые отношения с Софией, а ЕЭС отменило подписание договора об экономическом и торговом сотрудничестве с Болгарией, что негативно отразилось на испы-

тывающей трудности болгарской экономике. Вопрос массовой миграции болгарских турок, хотя и безрезультатно, обсуждался в ходе проведения саммита НАТО в мае 1989 г. [14, р. 28-29].

Понимая слабость своего положения, болгарское руководство было вынуждено уже 30 октября пойти на переговоры с Турцией, которые состоялись в Кувейте. Стороны смогли прийти к определенному согласию и договорились снова встретиться в Кувейте для обсуждения трех вопросов: развития двусторонних контактов, облегчения процедуры воссоединения разделенных семей и урегулирования перемещения граждан [5, с. 812].

Однако в логику развития конфликта вмешались внутривластные события в Болгарии. Перемены в руководящем составе ЦК БКП в ноябре-декабре 1989 г. приводят к коренному пересмотру политики в отношении болгарских турок. Уже 29 декабря 1989 г. новый лидер Болгарии П. Младенов официально отменил действие ограничений, связанных с Возродительным процессом [13, р. 213]. 15 января 1990 г. Народное собрание приняло Декларацию по национальному вопросу, в которой категорически осудило Возродительный процесс, назвав его одним из «наибольших преступлений тоталитарного режима» и восстановив все права турецкого населения [3, с.2]. С этого момента начинается восстановление добрососедских отношений с Турцией, хотя премьер-министр Болгарии А. Луканов в марте 1990 г. жаловался М. Горбачеву на медленный темп нормализации в связи с осторожной политикой Турции [2, с. 375]. Как полагают исследователи, такая позиция турецкого руководства была связана с существованием сомнений в отношении искренности и бесповоротности болгарских намерений [14, р.35]. Окончательная точка в длительном двустороннем конфликте была поставлена лишь 6 мая 1992 г., когда был подписан Договор о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве и безопасности между Болгарией и Турцией. В нем стороны одобрили принципы территориальной целостности, суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга [12, р. 44-45].

Таким образом, Возродительный процесс как ассимиляторская кампания болгарского руководства в отношении турецкого населения страны привел к серьезным внешнеполитическим последствиям для Болгарии. Являясь следствием как внутренних, так и внешних причин, в частности, стремления обезопасить Болгарию от варианта раздела по этническому принципу, он вызвал резкое ухудшение болгаро-турецких отношений, демонстрировавших перед этим позитивную динамику. Анкара в ходе конфликта стремилась обеспечить соблюдение прав болгарских турок, привлечь к проблеме внимание мирового сообщества. София же рассматривала подобную деятельность как вмешательство во внутренние дела и доказывала моноэтнический характер своей страны. Две основных составляющих Возродительного процесса – замена мусульманских имен на христианские на рубеже 1984-1985 гг. и массовая эмиграция болгарских турок в 1989 г. – имели различные внешнеполитические последствия для Болгарии. Если первоначально болгарскую сторону в конфликте поддерживали часть стран советского блока и член НАТО и ЕЭС Греция, то в 1989 г. – лишь ГДР, притом что США и ЕЭС значительно ужесточили свою позицию. Это свидетельствует о неудаче болгарской дипломатии, использовавшей неподходящие аргументы в защиту своей позиции, и относительной победе турецкой политики в ходе конфликта по Возродительному процессу в условиях изменения международной обстановки в конце 1980-х гг. Нормализация болгаро-турецких отношений началась лишь после смены руководства в Болгарии и полного отказа от ассимиляторской политики на рубеже 1989-1990 гг., завершившись подписанием Договора о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве и безопасности в 1992 г.

Источники и литература.

1. Баева И. България и социалистическите страни от Източния блок // Изследвания по история на социализма в България / Съст. Е. Кандиларов. София, 2010. С. 662-711.
2. Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. 656 с.
3. Декларация на Народното събрание на Народна Република България по националния въпрос // Сайт «Ethnodoc». Режим доступа: <http://dediserver.eu/hosting/ethnodoc/data/BG19900115.pdf>

4. За по-нататъшно единение на българската социалистическа нация. Решение на Политбюро на ЦК на БКП. 21.04.1989 // Сайт журнала «Anamnesis». Режим доступа: http://anamnesis.info/documents/Edin_soc_naciq_11-04-89.pdf
5. Калинова Е. Балканската политика на България – предизвикателствата от Запад и от Юг (1944-1989 г.) // Изследвания по история на социализма в България / Съст. Е. Кандиларов. София, 2010. С. 712-813.
6. Калинова Е., Баева И. Етнически и религиозни общности в следвоенна България // Изследвания по история на социализма в България / Съст. Е. Кандиларов. София, 2010. С. 517-559.
7. Население по местоживеене, пол и етническа група // Сайт переписи населения и жилищного фонда в Республике Болгария 2011. Режим доступа: <http://censusresults.nsi.bg/Census/Reports/1/2/R7.aspx>
8. Протокол «А» № 183 от заседание на Политбюро на ЦК на БКП на 1 септември 1989 г. // Сайт Нового българского университета. Режим доступа: http://www.nbu.bg/webs/historyproject/dokumenti_63-89/razdel7t8/flbop68ae3748.pdf
9. Среща на др. Тодор Живков – генерален секретар на ЦК на БКП и председател на Държавния съвет на НРБ, с Джон Уайтхед – първи замесник-държавен секретар на Съединените американски щати. 04.02.1987 // Сайт журнала «Anamnesis». Режим доступа: <http://anamnesis.info/documents/870204bg.pdf>
10. Среща на Политбюро на ЦК на БКП с първите секретари на областните комитети на БКП, на председателя на Постоянното присъствие на БЗНС, секретаря на ЦК на ДКМС и министъра на вътрешните работи. 07.06.1989 // Сайт журнала «Anamnesis». Режим доступа: http://anamnesis.info/documents/Sre6ta_PВ_7789.pdf
11. Стенограма от служебно съвещание с ръководния състав МВР. 04.01.1985 // Обектив. 2009. № 2. С. 4-11.
12. Atanassova I. N. The Impact of Ethnic Issues on the Security of South Eastern Europe // Сайт НАТО. Режим доступа: <http://www.nato.int/acad/fellow/97-99/atanassova.pdf>
13. Crampton R. J. A Concise History of Bulgaria. New York, 2005. 287 p.
14. Demirtas-Coskun B. Turkish-Bulgarian Relations in the Post-Cold War Era // The Turkish Yearbook. 2001. Vol. 32. P. 25-60.
15. Petkova L. The Ethnic Turks in Bulgaria: Social Integration and Impact on Bulgarian-Turkish Relations, 1947-2000 // The Global Review of Ethnopolitics. 2002. Vol. 1. № 4. P. 42-59.

ГРЕЧЕСКАЯ ДИАСПОРА КАК ФАКТОР ГРЕКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Сичная А.В.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Исторически сложилось, что греческая диаспора в Украине является одной из наиболее древних, организованных и влиятельных. В мире греческая диаспора занимает шестое место среди крупных исторических диаспор. В Украине греки – одно из самых многочисленных и представительных сообществ. Вопрос о численности греческого населения в Украине является сложным, в силу того, что в советский период развития украинского государства, в соответствии с данными Всесоюзной переписи 1989 года, 88% греков назвали родным языком русский, и только 2,9 % населения – греческий. Еще одной из возможных причин снижения численности греческого населения с 98,6 тыс. в 1989 году до 91,5 тыс. в 2001 году стал процесс репатриации греков.

По данным всеукраинской переписи населения 2001 года, численность греков в Украине составила 91,5 тыс. человек по отношению к 1989 году (98,6 тыс.) [21], занимая 12 место вслед за украинцами, русскими, белорусами, молдаванами, крымскими татарами, болгарями, венграми, румынами, поляками, евреями и армянами. В конце рассматриваемого периода прослеживается незначительное снижение количества греческого населения в Украине. Представители греческого населения Украины наиболее широко представлены в Донецкой области, где проживает 80% всех греков страны. К концу рассматриваемого периода, по данным всеукраинской переписи населения за 2001 год, в Донецкой области численность греческого населения составила 77,5 тыс. человек [13].

В Автономной Республике Крым на 2001 год греческая диаспора насчитывала 2,8 тыс. человек, заняв 13 место среди всех народностей полуострова. В данном регионе численность греков с 1989 года в процентном соотношении осталась неизменной (0,1 %) [9].

До обретения независимости Украины греческая диаспоральная часть населения выступала как объект внешней политики Греции и СССР, но начиная с 1990-х годов, увеличивается субъектность греческой диаспоры во внешнеполитических отношениях Греческой Республики и Украины. Представители греческого населения активно участвовали как в культурной, так и в экономико-политической жизни украинского государства, что способствовало активизации сохранения их этнических черт и передачи их будущим поколениям.

Исходя из вышеизложенного, в данной статье предпринята попытка изучить влияние греческой диаспоры на греко-украинские отношения в сфере культуры и образования в 1990-е годы, как одного из факторов внешней политики Греческой Республики, наряду с экономическим, политическим, религиозным и военным факторами отношений между странами.

Автором выдвигается рабочая гипотеза о том, что диаспора, как один из составляющих компонентов культурного фактора внешней политики Греческой Республики, в дополнении к экономическому, политическому, военному факторам, оказывала влияние на развитие международных связей между Грецией и Украиной. В эти годы представители диаспор являются бизнесменами или занимают должности директоров крупных предприятий. В сфере политики представители греческой диаспоры избираются депутатами правящей, либо имеющей крупный авторитет в украинском обществе партии, таких как Партия Регионов и Блок Владимира Литвина, среди них можно выделить Василия Георгиевича Джаргы, депутата Верховной Рады Автономной Республики Крым 5-го созыва, Геннадия Андреевича Васильева, члена депутатской фракции Партии регионов в Верховном Совете Украины, Виктора Леонидовича Нусенкиса, совладельца и главу концерна «Энерго», крупнейшего церковного мецената.

Актуальность исследования заключается в том, что рост миграции и консолидация населения в сообщества в 1990-е годы вызвали интерес мировой общественности к «диаспоризации мира» как к сценарию развития общества, где происходит процесс обмена моральными ценностями разных народов. В данном случае возникает потребность в развитии у последующих поколений чувства уважения к культурным традициям различных этносов.

Целью данной статьи является определение роли греческой диаспоры в греко-украинских отношениях в период 1990-х годов, а также выявление основных аспектов и результатов сотрудничества Греции и Украины в сфере культуры и образования.

Из поставленной нами цели вытекают следующие задачи: установить место греческой диаспоры в сфере диаспоризации мира, как глобального явления на примере Украины; осветить основные моменты сотрудничества Греческой Республики и Украины в сфере культуры и образования в период 1990-х гг.; рассмотреть деятельность крупных греческих обществ диаспоры на территории Украины и Крыма. Установить значение деятельности данных обществ.

Предметом исследования выступает греческая диаспора, проживающая на территории Украины, которая является одним из компонентов культурного фактора внешней политики Греческой Республики в отношении Украины в 1990-х годах.

В исследовании были использованы методы статистики и исторического анализа, которые позволили определить и проанализировать основные факты греко-украинских отношений в 1990-е годы.

Широкое распространение диаспоральная тематика и ее исследование получили лишь с 1990-х годов, когда диаспоры стали приобретать черты транснациональных сообществ [1]. Бархатные революции в Центральной и Восточной Европе, а позже и снятие «железного занавеса» между капиталистическим и коммунистическим блоками, привели к трудовой миграции населения. Представители различных этносов на чужой территории стали объединяться в сообщества. Но главной причиной пристального внимания к диаспорам со стороны ученых стала активизация фактора сохранения и развития этничности народов в чужих странах, а также активное участие представителей различных культур в политической жизни государства.

«Процесс образования диаспор принял уже столь значительные масштабы, что в мире уже невозможно найти страну, где не существовало бы диаспоры другого народа» [5]. Индивидуальная интеграция населения в принимающее их общество, начала заменяться коллективной интеграцией, вследствие чего возникла новая форма расселения народов – диаспоральная.

Профессор из Иерусалима Г. Шеффер определил наиболее известные мировые диаспоры. Самые крупные диаспоры мира определяются как исторические. Среди исторических диаспор, греческая занимает шестое место после китайской, индийской, еврейской, цыганкой и армянской, насчитывая 4 млн. человек из 15 млн. греков, населяющих мир [23].

Общепризнанна идея о том, что диаспоры далеки от исчезновения и являются весьма влиятельными фигурами в политической и социальной жизни государств, с целью улучшения условий жизни на занимаемой ими территории того или иного государства [23]. Это доказывает рост миграции групп населения из государства в государство. Диаспоральными обществами создаются трансграничные сети коммуникаций, использующих новейшие средства сообщения. Это – разнообразные контакты и связи, установленные социальными группами, политическими структурами и экономическими институтами. Такие сети устанавливаются поверх государственных границ. Эти трансграничные сообщения, являются самыми эффективными в деле сохранения этничности народов, проживающих за пределами своей страны.

В истории греческого эмигрантского движения традиционно можно выделить два периода: 1) колонизация античными греками Северного Причерноморья и 2) переселение с исторической родины в период османского правления в Греции. Первое связано с освоением незаселенных районов черноморского и азовского побережья Крыма с VII века до н. э. В этот период многочисленные группы греческого населения переселялись в Крым и на юг современной Украины, создавая греческие города-государства (полисы).

Вторая группа переселения связана с правлением Османской империи на территории современного греческого государства. В период с XV по XVIII века греки расселялись на предоставленных им территориях в России, в том числе – на Украине, и особенно в Одессе.

Новое законодательство и знакомство с европейскими стандартами в сфере прав человека и национальных отношений в конце 1980-х - начале 1990-х годов XX столетия способствовали консолидации и национально-культурному возрождению этносов на территориях стран СНГ, в частности, греческого. В этих условиях зародилось организованное греческое национальное движение, объединяющееся в общества.

На современном этапе развития мировой общественности, нет ни одной европейской страны, где бы не проживали представители греческой диаспоры. В Европе греческая диаспора – одна из самых крупных и самая многочисленная по количеству обществ, в которые греки зарубежья объединяются. Г. Шеффер определяет греков, турок и поляков как «молодую» диаспору [23].

Проживание греков на территории современной Украины началось 2500 лет назад, и продолжается сегодня. На территории Украины в основном проживают потомки античных греков, селившихся на территории Северного Причерноморья. В период правления Екатерины II, греческая диаспора начала свое переселение с территории Крыма вглубь Украины, расселившись преимущественно на землях современной Донецкой области. В результате русско-турецкой войны 1768-1774 годов Российская империя завоевала Северное Приазовье, часть Северного Причерноморья и добила независимости Крымского ханства от Османской империи, что повлекло за собой этнические и социально-экономические изменения на Крымском полуострове [18]. В 1778 году царское правительство организовало массовое переселение из Крыма в Северное Приазовье греков, армян, болгар, молдаван и других православных народов. Так на территории современных Донецкой, Харьковской, Житомирской, Черниговской областей были образованы города и села с преимущественно греческим населением.

В 1990-е годы происходит либерализация контактов между Грецией и Украиной, в этих условиях греческое правительство начало процесс репатриации греков на историческую родину. Греческой Республикой был издан закон о возвращении своих сограждан из-за границы. Законом № 2790 от 16.02.2000 года [10] предусматривается возможность получения гражданства Греции для греческого населения, проживающего на территории стран бывшего СССР.

В этой связи, перед представителями греческой диаспоры Украины встала проблема выбора: вернуться на родину и стать полноправными гражданами греческого государства, либо остаться на правах диаспоры с предоставлением им льгот, как от Греции, так и от Украины. В результате большинство греков признали своей родиной Украину, но при этом, сохранили за собой черты диаспоры, путем активизации деятельности в области сближения между Грецией и Украиной.

В настоящем исследовании главное внимание уделяется изучению отношений между Грецией и Украиной в сфере культуры и образования. Консолидация внимания на культуре объясняется тем, что современная диаспоральная молодежь греческого происхождения, в основном, не владеет новогреческим языком, и существует недостаток знаний в области культуры, традиций и обычаев греческого народа. В этой связи генеральный консул Греции господин Папандреу обратился с официальным письмом к директору евангелической школы в Новой Смирне, расположенной в Греческой республике, с просьбой о рассмотрении сотрудничества со школой с углубленным изучением греческого языка в Саратане на Украине. Предполагается обмен учащимися и преподавателями, введение современных образовательных методик, а также публикация учебных и научных изданий.

Отношения между странами в сфере образования и культуры регулируются Договором между Правительством Греческой Республики и Правительством Украины о сотрудничестве в области образования, науки и культуры [16]. Он вступил в силу в 2000 году и дополнен двухсторонней Программой образовательного и культурного сотрудничества на 2002-2005 годы, которая автоматически возобновляется каждые три года.

На основе этих документов, на территории Греции и Украины ежегодно проходят различные мероприятия в области культуры и образования. Мероприятия, проводимые украинским и греческим населением, связаны с проведением культурных фестивалей стран-партнеров. Многие из них осуществляются в сотрудничестве с украинскими структурами, либо с греческими культурными обществами Украины, по случаю какой-либо годовщины или иного события исторической важности. Основная задача таких обществ состоит в формировании единого центра, который объединяет всех представителей греческой диаспоры.

На протяжении 11 лет в Одессе успешно работает Филиал Греческого Фонда Культуры. Филиал был открыт в 1994 году с разрешения Министерства юстиции Украины, (рег. № 27 от 8.04.1994 г.) [22]. Он располагается в трех домах, выделенных городской властью Одессы. Один из них принадлежал Григорию Ивановичу Маразли, в котором собирались члены общества «Филики Етерия». Тайное общество греков, существовавшее в начале XIX века, ставило перед собой цель создания независимого греческого государства.

На современном этапе филиал сотрудничает со многими организациями Украины в различных областях знаний и культуры. Основной вид его работы заключается в следующем: дать возможность гражданам Украины, учащимся, студентам, ученым изучать греческий язык; вызвать интерес учащихся к греческой истории, культуре, обучая их на летних курсах греческих университетов; способствовать лучшему взаимопониманию и укреплению связей греческого и украинского народов.

В греко-украинских отношениях значима деятельность Посольства Греции на Украине в области образования: кроме стипендий, которые Греция предоставляет украинским гражданам, установлено сотрудничество с университетами и школами в деле преподавания греческого языка. Министерство иностранных дел Греческой Республики предоставляет ежегодно ограниченное количество стипендий для преддипломного и последипломного обучения в университетах Греции и по изучению истории греческого государства.

В рамках двухсторонней Программы сотрудничества в области образования и культуры, Министерство образования и религии Греческой Республики предоставляет ежегодно две стипендии для последипломного образования или научно-исследовательской работы и две стипендии для участия в летнем семинаре по изучению греческого языка и культуры [17]. Также Министерство образования и религии Греции предоставляет стипендии для изучения греческого языка и обучения в аспирантуре на территории Греческой республики.

В частности, в Киеве работает Кафедра эллинистики в Национальном университете им. Т.Г. Шевченко. Греческий язык также преподается в Национальном торгово-экономическом университете, Государственном лингвистическом университете, Славистическом университете и Международном институте лингвистики и права, а также в средней общеобразовательной школе № 94 г. Киева.

Кроме Киева, кафедры греческого языка есть в Таврическом Национальном университете им. В.И. Вернадского в г. Симферополе и в Мариупольском гуманитарном университете. В Национальной академии наук Украины существует Отдел украинско-греческих отношений, сотрудники которого с успехом участвуют в международных конференциях под общим названием «Украина – Греция» и всесторонне исследуют вопросы исторических связей между нашими народами. В Мариуполе и Саратане множество школ и ВУЗов специализируются на углубленном изучении новогреческого языка.

Граждане Украины любой национальности имеют право поступать в образовательные учреждения, созданные греческой диаспорой, могут изучать греческий язык и историю Греческой Республики. По такой же системе работают многие украинские учебные заведения, принимая студентов греческого происхождения.

Помимо высших учебных заведений, партнерство государств осуществляется через греческие общества, расположенные на территории Украинского государства. В качестве девиза общества используют «Вчера. Сегодня. Завтра» [12]. Первые греческие общества

появились еще в советское время: в 1988 году - греческий клуб «Эллада» в Одессе, в 1989-1990 годах греческие общества в Мариуполе, Донецке, Харькове, Киеве, Керчи. Прогрессивным фактом в национальном движении было создание в 1990 году областного, затем республиканского общества греков, впоследствии, в 1991 году преобразованного в Союз греков Украины.

Выразителем идеи консолидации греческих обществ, сохранения диаспоры, защиты и представления прав, интересов греков в Украине и за рубежом, развития украинско-греческих связей и толерантных межнациональных отношений в стране, стала Федерация греческих обществ Украины, созданная 8 – 9 апреля 1995 года.

Федерация греческих обществ Украины – всеукраинское объединение гражданских организаций, которое является добровольным образованием. Она включает в себя 102 греческих общества, расположенных на территории Украины. Целью деятельности федерации является объединение греков для защиты их прав и интересов, сохранения греческой диаспоры, истории и памятников культуры, возрождение национального самосознания греков, духовности, традиций и обычаев. Федерация является членом Международного Союза греческих общественных организаций «Понтос» и Всемирного Совета Греков Зарубежья. К числу наиболее актуальных задач, которые решает на современном этапе Федерация греческих обществ Украины, относятся углубление греко-украинских отношений.

К самым крупным культурным мероприятиям, которые организуют представители греческой диаспоры, относятся: историко-культурный фестиваль «Мега Йорты», Боспорские агоны, Всеукраинский фестиваль греческой песни им. Тамары Кацы. Кроме этого, представители греческих обществ организуют в течение года менее крупные по своему размаху культурные фестивали и праздники.

Фестиваль греческой культуры «Мега Йорты» - традиционный праздник греков и всего многонационального населения Донбасса [11]. Его организаторами с 1988 года являются Донецкий областной научно-методический центр, возглавляемый Д.К. Патричей, и греческие общества. С 1995 года праздник греческой культуры на Украине организует Федерация греческих обществ Украины при активном участии местных органов власти, учреждений культуры и меценатов. Одним из первых инициаторов фестиваля был, Донат Константинович Патрича – заслуженный работник культуры, поэт, прозаик, переводчик, композитор, патриарх греческого национального движения. С 2005 г. фестивалю присвоено его имя в память о Патриче [15].

В рамках программы фестиваля проводятся выставки народного творчества и национальных греческих видов искусств. Также посетителям праздника предлагается: греческая традиционная кухня, участие в театральном представлении «Украина – Греция: сквозь призму веков». Представление призвано провести историческую параллель гармонии культур двух народов от бытового до художественного уровня, средствами искусства достичь мира, взаимопонимания между этносами. Лучшие творческие коллективы стран-участниц фестиваля представляют концертную программу «Феерия талантов».

Фестиваль, в первую очередь, направлен на удовлетворение возросшего интереса общества к истории своей культуры, сохранение культурных традиций греков, содействие развитию общечеловеческих и греческих духовных ценностей, укрепление толерантных межнациональных отношений Украины и Греции, привлечение молодого поколения к лучшим культурным достижениям греческого народа. Фестиваль проходит при содействии и поддержке Министерства культуры Украины, Донецкой областной государственной администрации и Донецкого областного совета, Мариупольского горсовета, ПАО «ММК им. Ильича», ОАО «Азовмаш».

Второй по своей масштабности праздник – Боспорские агоны проводится летом на территории Автономной Республики Крым. Фестиваль был основан в Керчи, и долгое время оставался лишь праздником Керченского полуострова, но начиная с юбилейного десятого празднования дней греческой культуры в Крыму, фестиваль кочует по крымским городам. Главной его целью является возрождение античных ценностей греческой культуры и приобщение молодежи к изучению истории Греческой Республики. Во время фестиваля осуществляются театральные постановки по произведениям античных авторов.

Всеукраинский фестиваль греческой песни имени Т. Кацы проходит при поддержке Госкомнацмиграции Украины, Генерального секретариата по делам греков зарубежья, Центра по изучению и развитию культуры стран Причерноморья, Совета по делам греков Европы, Генерального консульства Греции в Мариуполе, меценатов Мариуполя с участием выдающихся мастеров песенного жанра греческих объединений СНГ [20].

Его отличительной особенностью является расширение географии и количества участников. Фестиваль проводится по четырем номинациям: сольное пение, дуэт, ансамбли, авторская песня. При этом, если первый фестиваль проходил под знаком скорби, и в репертуаре участников преобладали песни Тамары Кацы, которая, будучи солисткой греческого фольклорного ансамбля «Сартанские самоцветы» была неизменным участником местных фестивалей и лауреатом многих международных конкурсов, неутомимым пропагандистом греческого песенного искусства, то теперь звучат патриотические и лирические греческие песни древней и современной Греции, а также песни на слова и музыку греческих авторов Приазовья. Все участники фестиваля награждаются грамотами и дисками с записью песен Т. Кацы, а победители — медалями лауреатов и ценными призами.

В результате исследования взаимодействия греческого и украинского народов, можно прийти к выводу, что влияние греческой диаспоры на отношения между двумя государствами не ограничиваются только культурным фактором, а являются важной составляющей экономического и политического факторов.

На современном этапе Греция и Украина стремятся к расширению как культурных, так и политических, экономических связей. Осуществляется углубление их сотрудничества в сфере образования. Правительство Греческой Республики содействует в обучении украинских греков родному языку, истории и традициям исторической родины. Греки стремятся предотвратить процесс ассимиляции украинцами понтийских греков, так как многие представители молодого поколения греческой диаспоры практически не владеют знаниями новогреческого языка, и все больше понтийских греков признают своей родиной Украину, а не Грецию.

Представителями греческой диаспоры проводятся мероприятия по ознакомлению народов, проживающих на территории Украины, с историей, культурой и традициями греков. Между Греческой республикой и Украиной углубляется процесс обмена студентами и преподавателями, а также совместные греко-украинские встречи со студентами, представляющими другие народности. Целью таких встреч является культурный обмен между этносами.

Представители диаспоры греков активно участвуют в политической и культурной жизни Украины. Многие греки являются народными депутатами и крупными бизнесменами. На территории Украины проживает множество талантливых поэтов, художников, певцов греческого происхождения. Члены греческих обществ выступают организаторами крупных культурных мероприятий на Украине и в Крыму.

Греческая диаспора, веками живущая за пределами своего государства, активно поддерживает связь со своей исторической родиной, а также способствует расширению дружественных отношений между Греческой республикой и Украиной.

Источники и литература.

1. Brubaker R. The «diaspora» diaspora // *Ethnic and racial studies*. 2005. Vol. 28, №1. p.1-19.
2. Cohen R. Global diasporas: An introduction // *Global diasporas*. 2008. Vol. 2. p. 219.
3. Connor W. The impact of homeland upon diasporas // *Modern diasporas in intern politics*. L., 1986. p.16 -38;
4. Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // *Экономическое обозрение*. 2000. №2. с. 74-78.
5. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // *Независимая газета*. М., 2005.
6. Встреча на Украине Министра иностранных дел по делам греческой диаспоры Я. Г. Магриотиса [электронный ресурс]. // *Греческая газета*. М., 2003. №10. Режим доступа: <http://www.greekgazeta.ru/archives/nomer10/article/54.shtml>.
7. Г.Шеффер, Диаспоры в мировой политике // *Диаспоры*. М., 2003. №1. с. 162–184.
8. Генконсул Греции решил заняться образованием мариупольских школьников [электронный ресурс] // «Греция». Режим доступа: http://www.greek.ru/news/language/greek_general_council_scholars_of_mariupol.

9. Главное управление статистики АР Крым. Перепись населения 2001 [электронный ресурс] // «Статистика АР Крым». Режим доступа: http://www.sf.ukrsrtat.gov.ua/perepis.htm#_trud.
10. Гражданство Греции. Закон № 2790 от 16. 02. 2000 [электронный ресурс] // «Греческая Республика». Режим доступа: <http://www.emigration.russie.ru/greece/information/citizenship/chapter1.htm>.
11. Греки Украины вчера, сегодня, завтра. Историко-культурные фестивали греческой культуры [электронный ресурс] // «Федерация Греческих Обществ Украины». Режим доступа: http://www.greeks.ua/content/festivali_ru/ru.
12. Греки Украины. Сфера компетенции – социальный проект [электронный ресурс] // «Греки Украины». Режим доступа: <http://www.mid.ua/projects/cases/Greeks>.
13. Державний комітет статистики України. Всеукраїнський перепис населення 2001 [Электронный ресурс] // «Державний комітет». Режим доступа: <http://www.2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality>.
14. Лысенко Ю. Этнические мосты. Диаспоры как фактор международных отношений // *Ex libris НГ* (Прилож. к «Независимой газете»). М., 1998. 15 октября.
15. Мега праздник эллинской культуры [электронный ресурс] // «Блог молодежной греческой организации «Нео астерии». Режим доступа: <http://www.neoasteri.blogspot.com>.
16. Вопросы образования и культуры [электронный ресурс] // «Посольство Греции в Украине». Режим доступа: <http://www.greece.kiev.ua/page32.html>.
17. Программа предоставления стипендий для изучения греческого языка и культуры Фонда государственных стипендий Греции [электронный ресурс] // «Посольство Греции в Украине». Режим доступа: <http://www.greece.kiev.ua/page731.html>;
18. Сас П. М. Історія України XVI – XVIII ст. // Навч. Посібник. Л.: Дивосвіт, 2001.
19. Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // *Экономическое обозрение*. 2000. № 2. с. 64-74.
20. Тамара Анатольевна Кацы [электронный ресурс] // «Биография». Режим доступа: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki>.
21. Тархов С.А. Население Украины: итоги переписи 2001 [Электронный ресурс] // «Диаспора». Режим доступа: <http://www.geo.1september.ru/2003/43/4.htm>.
22. Філія в Одесі - грецький фонд культури [электронный ресурс] // «Одеський відділ грецької культури». Режим доступа: http://www.hfcodessa.org/ukr/fond_filial_od.html.

III

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ

Губанов А.С.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Турецкая республика является сильной региональной державой, обладающей значительной военной мощью (турецкие вооруженные силы являются самыми многочисленными в НАТО и по боеспособности входят в первую десятку армий мира) и высоким экономическим потенциалом. Экономика Турции является одной из самых быстрорастущих в мире. За период с 2002 по 2008 гг. ВВП Турции увеличился в четыре раза, что позволило ей стать семнадцатой крупнейшей экономикой в мире и шестой в Европе [18, с. 11]. В последние годы Турция существенно повысила свою роль на международной арене, став членом группы стран «Большой двадцатки». Географически Турция является государством Черноморского региона и важным политическим и экономическим партнером Украины. Оба государства являются взаимодополняющими сторонами транспортно-коммуникационного коридора, который связывает Европу и Азию в единую магистральную систему. Без учета интересов Турции невозможно любое построение системы безопасности в Черноморском регионе, отвечающее современным геополитическим реалиям.

Обеспечение национальной безопасности является одной из основополагающих функций любого государства. В условиях современного трансформирующегося мира число угроз национальной безопасности непрерывно возрастает, так как новые экономические, технологические и информационные процессы также создают и новые виды угроз жизнедеятельности государств (международный терроризм, киберугроза и другие).

Однако, наравне с ними, продолжают существовать и традиционные угрозы национальной безопасности, которые отнюдь не утрачивают своей значимости и масштабности возможных последствий. В первую очередь, это касается угроз, связанных с международной политикой, таких как возникновение и эскалация приграничных конфликтов, появления иностранных военных баз и крупных воинских континентов, территориальные претензии со стороны сопредельных государств, укрепление антагонистических военно-политических блоков.

Таким образом, рассмотрение сферы национальной безопасности Турции как одного из ключевых игроков в Черноморском регионе представляется актуальным.

Данная работа является попыткой связать дискурсы национальной безопасности Турции и регионального построения архитектуры безопасности Турцией в Черноморском

регионе. Целью данной работы является формирование представления о региональной политике Турции, как отражения концептуальных основ, заложенных стратегией национальной безопасности. Данная цель реализуется посредством следующих задач:

1. Выявить основные особенности Политического документа о национальной безопасности, связанные с его сущностью, особенностями разработки, основным содержанием в отношении внешней политики.

2. Показать особенности реализации политики безопасности Турции на современном этапе в рамках Черноморского региона на основе концептуального видения вопроса отдельными турецкими и отечественными авторами.

В работах таких авторов, как Б. Бузан, Дж. Лайонс, М. Мастандуно, Р. Кеохейн разрабатывается проблема определения термина «безопасность» в глобальном масштабе. Они характеризуют его как многогранное понятие, объединяющее в себе экономическую, социальную, политическую и военную составляющие. Вопросам военной безопасности в контексте деятельности НАТО отводится значительное место в работах американского аналитика Ф. Ларраби. Вопросы национальной безопасности военно-политической сферы Турецкого государства освещены в работах турецкого исследователя С. Узгеля [6], национальная безопасность Турции в контексте процессов глобализации и интеграции рассматривается П. Билгин [21], политика безопасности и регионального сотрудничества Турции в отношении Черноморского региона характеризуется М. Челикпала [22], О. Оздамар [23], М. Айдин [7], А. Сомунджоглу [15] и другими турецкими авторами. Аспектам регионального сотрудничества и безопасности в Черноморском регионе посвящены труды исследователей украинского Центра Разумкова [20], Центра содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества в Черноморском регионе «Номос», экспертов Национального института стратегических исследований [8, 9, 18].

Как и все современные ведущие страны, Турция имеет свою чётко сформулированную стратегию обеспечения национальной безопасности, неофициально называемую «красная книга» или «секретная конституция». Официальное название этого первостепенно значимого документа в сфере безопасности - "Политический документ о национальной безопасности" (Milli Güvenlik siyaset belgesi - MGSB). Документ разрабатывается Советом по национальной безопасности и подается для утверждения в Совет министров. Последние две редакции MGSB вступили в силу в марте 2006 года и в октябре 2010 года после подписания президентом страны.

Согласно этому документу, под национальной безопасностью понимают *«защиту государственного конституционного порядка, существования нации, целостности государства от всевозможных внутренних и внешних угроз и рисков, а также деятельность по реализации интересов в межнациональной политике, социальной, культурной и экономической сферах»* (ст. 3, п. А) [2]. Таким образом, турецкое руководство отождествляет национальную безопасность с государственной безопасностью, в то время как, к примеру, в российской трактовке, подчёркивается, что национальная безопасность состоит из трёх основополагающих элементов: личной, общественной и государственной безопасности [17, с. 147].

"Политический документ о национальной безопасности" изменялся в зависимости от возникающих угроз, а также от особенностей понимания безопасности турецкими военными. В результате военных переворотов 60-х и 80-х годов XX века в турецкой политической системе произошли изменения, которые привели к усилению позиций военных в области принятия внутри- и внешнеполитических решений. Когда же в 1961 г. был образован Совет национальной безопасности (СНБ), активное вмешательство военных получило законное обоснование. СНБ, в котором доминировали военные, разрабатывал и вносил коррективы в документ о национальной безопасности, стремясь сблечь исключительно светский путь развития страны путем ликвидации любых проявлений исламизма в аппарате управления государством.

С точки зрения военных, Турция постоянно пребывает под воздействием внешней угрозы. Они поясняют данное утверждение исторически сложившимся стремлением великих держав дестабилизировать обстановку в Турции. Турецкие военные в противоположность

идеологам НАТО считают, что с окончанием холодной войны внешняя опасность для Турции не только не исчезла, но многократно усилилась. Страна, бывшая когда-то «южным флангом» блока, превратилась во «фронтное» государство нашего времени [6, p. 189].

До конца 2003 г. генеральный секретариат СНБ был фактически консультативным органом при главе правительства. В соответствии со ст. 118, п. 3, Конституции 1982 г. решения СНБ стали для кабинета министров «приоритетными». По закону № 2945, принятому в ноябре 1983 г., на СНБ возлагалась «ответственность за выработку политики в области национальной безопасности и обороны» [6, p. 191].

По мнению турецкого исследователя И. Узгеля, для 90-х годов XX в. была характерна «двухслойная структура разработки и воплощения внешнеполитического курса». В то время как правительство стремилось к примирению и дружбе с исламским миром, руководство армии официально выражало прямо противоположную точку зрения. Так, например, генерал Ч. Вир, воспринимавшийся в то время как «министр иностранных дел от вооруженных сил», во время пребывания в США выступил с обвинениями в адрес Ирана, назвав его страной-террористом [6, p. 205].

Серьезную угрозу влиянию военных представляет процедура вступления Турции в ЕС. Выполнение требований, предъявляемых к кандидатам в члены этой организации (Турция – кандидат на вступление в ЕС с 1999 г.), не может не повлиять на статус и роль руководства вооруженных сил в политической системе государства. В ЕС считают, что деятельность СНБ противоречит принципам демократии, осуждают военное решение курдской проблемы и факты нарушения гражданских прав в Турции.

В подготовке последних редакций 2006 г. и 2010 г. "Политического документа о национальной безопасности" были задействованы аналитическое управление СНБ, аппараты президента и главы правительства, ключевые министерства (юстиции, внутренних дел, обороны, МИД, энергетики и природных ресурсов), генштаб вооруженных сил страны, спецслужбы, независимые центры стратегических исследований, ряд университетов. В состав СНБ входят президент (на правах председательствующего), премьер-министр, начальник Генерального штаба, помощники премьера, министры обороны, иностранных дел, правосудия, внутренних дел, представители главных командований Сухопутных сил, ВВС, ВМФ и жандармерии [4].

Привлечение невоенного истеблишмента к разработке Стратегии национальной безопасности свидетельствует об ограничении традиционной монополии военных в сфере безопасности. Об этом свидетельствует и отмена в феврале 2010 г. так называемого Протокола сотрудничества по безопасности и общественному порядку (кодовое название – Emasya), составной части "Политического документа о национальной безопасности". Согласно данному протоколу ряд гражданских организаций рассматриваются как угроза светскому режиму Турции и, согласно этому документу, военным предоставляется возможность без согласования с гражданской властью применять силу в случае возникновения в стране напряженной социально-политической обстановки, угрожающей национальной безопасности.

Однако, несмотря на расширение круга участников подготовки текста "Политического документа о национальной безопасности" и ограничении роли традиционной роли военных в этом процессе, сам документ является секретным в соответствии со статьей 16 закона № 4982 о праве на получение информации и представляет государственную тайну [11].

Представляется естественным, что традиционное влияние военных на характер принимаемых политических решений в условиях «дефицита безопасности», в условиях холодной войны стало причиной закрытого характера турецкой национальной безопасности.

Несмотря на закрытый характер сферы национальной безопасности страны, представители вооруженных сил утверждают, что факт секретности Документа не дает оснований называть его тайной Конституцией и считать, что он создает режим, отличный от конституционного. Они отмечают, что документ не является препятствием на пути обсуждения вопросов безопасности другими политическими органами и институтами (Великим национальным собранием Турции, правительством, оппозицией, гражданским обществом, масс-медиа) [8].

В тексте Документа последних редакций (2006 г. и 2010 г.) отсутствует перечень стран (ранее он имел место), которые могут представлять угрозу для Турции, но названы «регионы с потенциальными рисками». В частности, к таким регионам отнесен район Эгейского моря, в котором Греция объявила о своей 12-мильной территориальной зоне, что, по мнению турецкой стороны, может стать основанием для военных действий. В связи с этим в проекте документа отмечается, что по вопросу о территориальной принадлежности более ста островов в Эгейском море необходимо проводить решительную и жесткую политику и не делать никаких уступок. Примечательно, что Греция, как страна, в данном контексте в качестве угрозы не фигурирует, хотя понятно, что спор по поводу островов в Эгейском море – это давняя проблема в турецко-греческих отношениях [13, с. 103].

Еще одним районом с потенциальными военными рисками в проекте назван Северный Ирак. Интерес представляет тот факт, что в документе сама возможность образования курдского государства не отождествляется с мотивом для начала военных действий. Вместе с тем в новой концепции подчеркивается, что действия курдских группировок, в том числе в отношении туркмен в Северном Ираке, могут создать серьезную проблему, которая представляет угрозу для стабильности и безопасности всего ближневосточного региона [13, с. 104].

Отдельно в документе отмечается дестабилизирующая роль политики государства Израиль на систему региональной безопасности. Последняя редакция Документа была *«впервые в истории подготовлена как текст с таким видением, которое направлено на преобразование угроз и рисков на возможности»* [8].

Исключение соседних с Турцией стран из списка угроз вполне соответствует общей внешнеполитической доктрине страны как проявление не странового, а регионального подхода в реализации внешней политики и безопасности.

С приходом к власти, руководство Партии справедливости и развития (ПСР) в качестве своего главного консультанта по внешнеполитическим вопросам выбрало Ахмета Даутоглу, чьи теоретические размышления и тезисы оказались наиболее подходящими внешнеполитическим взглядам лидеров ПСР. В своей книге под названием «Стратегическая глубина: международное положение Турции» А. Даутоглу утверждает, что Турции следует отойти от внешней политики, основанной только на стратегическом значении, и учитывать исторические и географические особенности страны. В качестве главных опор такого курса стали следующие основополагающие принципы: «нулевые проблемы с соседями» и «многовекторная внешняя политика». А. Даутоглу считает, что Турция должна нести региональную ответственность, что является результатом ее исторических и географических особенностей [10].

Изменения в Концепции национальной безопасности, такие как исключение стран-соседей из списка потенциальных угроз и упоминание давнего стратегического союзника Израиля в качестве угрозы региональной стабильности стали одним из элементов, которые демонстрируют закрепление тенденций во внешней политике Турецкой Республики, наблюдаемых в последние годы. Эти тенденции связаны, прежде всего, с активным нарушением статус-кво на основных направлениях турецкой внешней политики.

Одновременно прослеживается соответствие риторики архитектора современной турецкой внешней политики А. Даутоглу процессу, выражаясь в терминах авторов Копенгагенской политологической школы, «десекуритизации» в вопросах региональной политики. Под «десекуритизацией» понимается *«сдвигание вопросов из рамок чрезвычайного режима в нормальный переговорный процесс в политической сфере»* [1, р. 4].

Однако десекуритизация внешнеполитического курса Турции имеет место лишь на определенных её векторах (например, потепление климата отношений с Россией, проявившееся в исключении её из списка угроз в стратегии национальной безопасности [14]). Ухудшение отношений с Израилем в данном контексте можно рассматривать как пример секьюритизации, которая представляется как сознательный политический выбор, социально конструируемый процесс маркирования ярлыков [1, р. 32-33]. Как подчеркивает Б. Бузан, для секьюритизации совсем не обязательно, чтобы угроза экзистенциального характера существовала на самом деле, достаточно и того, чтобы то или иное явление представлялось в качестве таковой [1, р. 24].

Причинами переопределения принципов безопасности Турции и корректировки основных постулатов Стратегии национальной безопасности стали не только внутривнутриполитические процессы в самой Турции, но и влияние внешних факторов. Главным из них является сложный процесс вступления Турции в Европейский Союз, который не имеет четких перспектив и обязательств со стороны ЕС, а также неоднозначность отношений с США. Так, сложность отношений Турции с Западом частично стимулировали переориентацию турецкого внешней политики на регионы Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки и другие [9, с. 49].

Турция в стратегии безопасности ставит перед собой следующие задачи:

- быть фактором силы и равновесия;
- создать в своем окружении «Пояс мира и безопасности»;
- вносить вклад в мир и безопасность в регионе и распространять их на более широкую географию;
- быть страной, формирующей стратегию и безопасность в своем и других регионах;
- осуществлять мероприятия, направленные на сотрудничество, сближение и развитие дружеских отношений с другими странами [9, с.46].

Итак, принципы политики безопасности, отраженные в стратегии национальной безопасности – это лишь общая модель, которой следует внешняя политика государства, направляемая её архитекторами. Ключевые внешнеполитические проблемы находят свое место в концепции безопасности, как отражение секьюритизации потенциальной угрозы на определенном векторе внешней политики. Отдельные внешнеполитические вопросы, связанные с обычной политической переговорной практикой, не имеют отражения в стратегии национальной безопасности, в частности, вопрос механизмов реализации сферы безопасности в Черноморском регионе. Однако, в случае обострения ситуации в регионе, возникновения кризисов, которые могли бы поставить под удар Турецкое государство, такие проблемы будут секьюритизированы и найдут своё отражение в Стратегии национальной безопасности.

Для рассмотрения особенностей стратегического видения Турцией ситуации по конструированию безопасности в Черноморском регионе, необходимо обратиться к подходам ряда турецких и отечественных авторов, которые отражают изменения в её региональном секторе безопасности.

М. Айдин указывает, что Черноморский регион необходимо рассматривать в качестве единого компонента расширенной Европы, приход в регион Евросоюза создаст *«довольно сбалансированное геополитическое образование без однозначного лидера»* [7]. В данном случае автор выражает мнение той части турецкого истеблишмента, которая придерживается твердого курса евроинтеграции и готова пожертвовать собственными региональными амбициями в пользу построения более широкой системы безопасности с участием Евросоюза, поскольку уверена, что в среднесрочной перспективе Турция станет членом Евросообщества.

Иное видение у А. Сомунджоглу, представителя так называемого «националистического» направления. Он видит Турцию в качестве нового регионального лидера и подчеркивает, что Турция сама по себе обладает потенциалом, чтобы стать одним из полюсов силы, а не следовать в фарватере традиционного союзника, США [15]. Необходимо отметить, что Турция, являясь «провайдером» собственной безопасности в Черноморском регионе, выступает также «медиатором» интересов в сфере безопасности стран Запада [12, с. 176].

В рамках указанного выше подхода к региональной безопасности А. Даугоглу «ноль проблем с соседями», П. Варбанец отмечал: *«Турция, имея тесные политические, экономические и культурные связи с республиками Центральной Азии и Кавказа, стремится объединить тюркоязычные государства в рамках единого экономического и политического пространства. Вероятно, сегодня у Анкары не хватает ресурсов для реализации планов по созданию интегрированной региональной структуры, однако, с учетом роста экономики Турции и её международного значения возможность осуществления отмеченных планов будет увеличиваться»* [16, с. 60].

Сложность регионального строительства в регионе Черного моря отмечает директор турецкого Центра международных и европейских исследований Д. Триандафиллу.

Он подчеркивает, что в Черноморском регионе происходит ряд параллельных процессов: интеграция, региональная кооперация (или их недостаточность) и блокирование на политическом уровне. Как следствие, пока нет четкого понимания направления, в котором движется регион. До сих пор нет также его определения в геополитических терминах: это приграничный регион, «мост или буферная зона», «бастион», расположенный в центре Макиндеровского «геополитического хартленда». Как следствие, указанные процессы оставляют различным игрокам самим решать, какие процессы актуальны, а какие – нет. С одной стороны, созданная в июне 1992 г. форма регионализма (Организация Черноморского экономического сотрудничества, ОЧЭС) не смогла полностью раскрыть свой потенциал, с другой – взаимоотношения между ключевыми игроками развивались таким образом, что это усложнило сотрудничество [20, с. 48-49].

По мнению Д. Триандафиллу, региональная стратегия Турции должна строиться на принципе регионального статус-кво, с акцентом на морской безопасности путем пресечения любого пересмотра Конвенции Монтрё 1936 г. и более тесной кооперации в рамках BLACKSEAFOR [20, с. 49]. Наряду с Россией, Турцию в качестве «державы статус-кво» в Черноморском регионе рассматривает и болгарский исследователь О. Минчев [19]

Идея о том, что проблемы Черноморского региона могут, в зависимости от предпочтений политического руководства Турции, быть как секьюритизированы так и наоборот, десекьюритизированы, высказана в статье турецкого исследователя М. Челикпала «Проблема регионального (черноморского) сотрудничества в Турции». Он отмечает, что рассмотрение ситуации в Черноморском регионе как благоприятной или опасной, в зависимости от конкретных обстоятельств, зависит от политических предпочтений Турции и остальных акторов, намекая на геополитическую неопределенность в регионе и незавершенность формирования стратегии безопасности Турции, называя Черноморский регион «дырой в безопасности» [22].

Аналитики Центра Разумкова, изучая положение Турции в Черноморском регионе отмечают: *«В сфере безопасности Турция является ведущим государством в бассейне Черного моря и имеет достаточно эффективные политические, экономические и военные рычаги для обеспечения региональной стабильности. Ей принадлежат инициатива внедрения платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе, Черноморской группы военно-морского сотрудничества BLACKSEAFOR и антитеррористической операции «Черноморская гармония» в акватории Черного моря. Отношения со странами региона строятся по принципу «ноль проблем с соседями» с использованием преимущественно «мягкой силы»».*

Таким образом, во внешнеполитической стратегии Турции в Черноморском регионе имеют место тренды, зафиксированные в стратегии национальной безопасности (стратегическое сотрудничество с НАТО, курс на вступление в Евросоюз, активизация региональной политики, использование преимуществ Турции в транспортировке энергоресурсов). Средства и методы осуществления внешнеполитических аспектов стратегии национальной безопасности будут изменяться в зависимости от мировой политической конъюнктуры, к изменениям которой чувствительно ищущее свою новую идентичность турецкое общество.

Подводя итог, в отношении внешнеполитического аспекта стратегии национальной безопасности Турции, можно сделать следующие заключения:

1. Процесс принятия "Политического документа о национальной безопасности" – главного концептуального документа в сфере национальной безопасности отражает процесс внутривнутриполитической борьбы, поиск собственной внутри- и внешнеполитической идентичности, и в нем фиксируются наиболее острые, «секьюритизированные» вопросы безопасности.

2. Национальная безопасность в Турции по причине доминирования военных в СНБ традиционно трактовалась довольно узко – как безопасность правящего режима.

3. Последние редакции концептуального документа по национальной безопасности Турции отражают стремления Турции играть более активную роль на внешнеполитической арене и стать региональным лидером, используя риторику «нулевых проблем с соседями».

4. В Черноморском регионе Турция устанавливает свое экономическое и политическое влияние, не переводя вопросы безопасности в плоскость секьюритизации; направления внешней политики применительно к региону как к геополитической системе в СНБ не обозначены. Турецкое руководство пытается обычными дипломатическими методами регулировать ситуацию в регионе, не включая государства региона в список угроз национальной безопасности, исключив из этого списка Армению и Россию согласно принципу «нулевых проблем с соседями», что, конечно же, не исключает наличия разногласий на политическом уровне между Турцией и этими странами.

Источники и литература.

1. Buzan B., De Wilde J., Waeber O. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, J. De Wilde, O. Waeber. L.: Lynne-Rienner Publishers, 1998.
2. Kırmızı kitap. Birinci bölüm: genel esasları [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kirmizikitap.blogspot.com>.
3. Larrabbe S. Turkey as a US Security partner. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG694.pdf;
4. MGK ve MGK Genel Sekreterliği Kanunu [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.mgk.gov.tr/Turkce/kanim.html>.
5. Aras B., Toktaş Ş. National Security Culture in Turkey: A Qualitative Study on Think Tanks // Bilig. 2012. № 61 Spring Issue. pp. 245-264.
6. Uzel I. Between praetorianism and democracy: the role of the military in Turkish foreign policy // Turkish yearbook of international relations. Ankara, 2003. vol. 34. p. 177-211.
7. Аїдин М. Євросоюз – Чорноморський регіон: шляхи досягнення взаємовигідної співпраці [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8521.html>.
8. Воротнюк М. Стратегія національної безпеки Туреччини та її врахування в зовнішній політиці України. Аналітична записка // Режим доступа: <http://od.niss.gov.ua/articles/427>.
9. Воротнюк М.О., Максименко І.В., Поспелов А.С. та ін. Реформування сектору безпеки в країнах Чорноморського регіону: досвід для України. Аналітична доповідь. Одеса: Фенікс, 2011. 60 с.
10. Гаджиев А.Г. Особенности внешней политики ПСР и роль США в её формировании / А. Г. Гаджиев. - Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/10-05-10a.htm>;
11. Гурьев А.А. Турция корректирует «Красную книгу». / А.А. Гурьев. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/04-02-10a.htm>;
12. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011. 294 с.
13. Минасян С. Мировой опыт принятия концепции национальной безопасности / С. Минасян // «21-й век». 2006. №2 (4). С. 78-111.
14. Россию вычеркнули из "списка угроз" Турции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dni.ru/polit/2010/8/23/197641.html>;
15. Сомунджоглу А. Борьба глобальных игроков на Черном море [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://inosmi.ru/translation/235625.html>;
16. Варбанец П. Региональные центры силы и их политика в Центральной Евразии (турецкий вектор борьбы за лидерство на исламском Востоке / П.Варбанец // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. - №1. – с. 51-60;
17. Васильева С.А. Национальная безопасность Турции в условиях внутреннего идеологического противостояния // Актуальные проблемы изучения современной Турции. Материалы международной научной конференции. - Нижний Новгород – Стамбул, 2011. – 182 с.;
18. А.С. Поспелов, В.О. Шевченко. Національні інтереси України в контексті військово-політичної ситуації в Чорноморсько-Каспійському регіоні. Аналітична доповідь. – Одеса: Фенікс, 2011. – 96 с.;
19. Minchev O. Major interests and strategies for the Black Sea Region [Электронный ресурс] / O. Minchev. – Режим доступа: <http://www.iris-bg.org/files/Black%20Sea%20Framework%20Analytical%20Review.pdf>;
20. Крым, Україна в координатах чорноморської безпеки. Інформаційно-аналітичні матеріали до Фахової дискусії на тему “Крим: безпека і розвиток” 6 квітня 2011р. / Центр Разумкова. – К, 2011. – 100 с.;
21. Bilgin P. Turkey's changing security discourses: The challenge of Globalisation // European Journal of Political Research. – 2005. - № 44. – pp. 175-201
22. Челикпала М. Проблема регионального (черноморського) співробітництва в Турції [Электронный ресурс] / М.Челикпала. – Режим доступа: <http://www.blackseanews.net/read/33325/>
23. Ozdamar O. The Black Sea Region in the New Turkish Foreign Policy / O.Ozdamar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edam.org.tr/document/BSPaper_Series2.pdf.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

Гудина В.А.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

После распада СССР значительная часть русских по национальности оказалась в бывших союзных республиках. За пределами России в тот момент проживало более 25 млн. русского, и более 50 млн. русскоязычного населения [3]. Пожалуй, самая крупная диаспора русских находится в Украине. Безусловно, русские, оставшиеся жить не только в Украине, но и в других постсоветских республиках, ощущают некую ментальную необходимость в связях с РФ. Более того, в ряде республик русские испытывали и испытывают серьезные притеснения, особенно в языковой сфере. Поэтому вопрос о соотечественниках с самого начала существования РФ стал одним из важных направлений ее внешней политики. Целью внешнеполитического курса России в отношении русской диаспоры в странах СНГ и Балтии было стремление не допустить изоляции и ущемления прав русского населения, способствовать его комфортному проживанию в новых независимых государствах или возвращению в Россию. В этой связи РФ, особенно в последние годы, активно отстаивает права соотечественников на территории «ближнего зарубежья». Это стало возможным благодаря институализации отношений с новыми независимыми государствами, подписанию ряда межгосударственных договоров, формированию концептуальных подходов и программных документов о поддержке соотечественников. Сегодня имеется определенный консенсус властных структур относительно политики России в ближнем зарубежье и российской диаспоры, основанный на понимании того, что интересы РФ предполагают социально-политическую стабильность в новых независимых государствах и дружественные отношения с ними [1].

Начальный постсоветский этап российской внешней политики характеризуется отсутствием четко выраженной позиции по этой проблеме. Первые шаги были сделаны в 1990 г. – подписан договор между РСФСР и СССР, подтверждающий легитимность решения 1954 г. о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав СССР. Документ определял серьезные предпосылки для возникновения проблем российских соотечественников в Украине и, в частности, в Крыму. В ст. 6 этого договора РСФСР и СССР, заявившие о своем суверенитете, признали территориальную целостность сторон в «ныне существующих в рамках СССР границах». Таким образом, Украина и Россия еще в составе СССР делали шаг в сторону признания в будущем административных границ между ними в качестве государственных. Во время ратификации данного договора, на совместном заседании Совета Республики и Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР, у ряда депутатов возникло опасение, что статьей 6 закрепляется «передача Крыма и других исконно русских земель украинской республике», и это может послужить толчком для «последующего развала русской государственности» [2, с. 28]. Председатель Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям В. Лукин тогда, по сути, подтвердил эти опасения и высказал мысль о том, что вопрос принадлежности Крыма должен быть решен путем референдума в марте 1991 г. По его же словам, Верховный Совет, как российский парламент, «должен защищать россиян везде, где бы они не находились» [2, с.45]. Также В. Лукин предложил рассмотреть возможность применения в будущем принципа двойного гражданства. Министр иностранных дел РСФСР А. Козырев обратил внимание депутатов на формулировку ст. 6, обосновывающей намерение сторон укреплять содружество суверенных государств. По его словам, в противном случае договор будет пересмотрен.

Проблема с пониманием политических последствий подписанного договора заключалась в том, что президент Б. Ельцин верил, что новое межгосударственное объединение

(будущее СНГ) обеспечит переход на новый уровень взаимоотношений и интеграции бывших республик СССР, но на демократической основе и добровольных началах, в то время как украинское руководство с самого начала воспринимало СНГ только как механизм цивилизованного развода. Эта разница в подходах проявилась и во внешней политике: РФ стремилась сделать СНГ субъектом международного права, а Украина даже не подписала его Устав, оставшись ассоциированным членом Содружества.

Более того, в начале 1990-х гг. сложилась непростая политическая ситуация: в ряде новых независимых государств заявил о себе агрессивный национализм, что привело к эскалации этнополитических конфликтов. Это проявилось в Грузии, Молдавии, Таджикистане. Повсеместно наблюдалась нервная реакция русскоязычного населения на конфликтность процесса становления национальной государственности, что вызвало массовый выезд русскоязычного населения в Россию. Все это обостряло общественную ситуацию в самой РФ, которая в условиях острого экономического кризиса не имела ни какой-либо осмысленной миграционной политики, ни средств для ее реализации. В реальности возвращающиеся на территорию России сотни тысяч русских людей были, фактически, предоставлены сами себе и не получали государственной поддержки.

В 1990-е гг. ослабленная экономически и политически Россия располагала весьма ограниченными возможностями помощи соотечественникам непосредственно в государствах проживания. В этих условиях проблема соотечественников, которая подавалась как «русская проблема», носила политически знаковый характер, поскольку была взята на вооружение определенными политическими кругами – русскими националистами и коммунистами. И для первых, и для вторых демонстрация своей озабоченности положением соотечественников была важна не только для завоевания электората, но и в качестве инструмента обличения властей. «Национал-коммунистическая» оппозиция объявила власть виновной в распаде СССР, «трагедии русского народа», и акцентировала внимание на защите русского и русскоязычного населения в новых независимых государствах. Несмотря на все конъюнктурные противоречия, постепенно российские власти начинают понимать, что нужно действовать на опережение: тема защиты прав соотечественников становится мощным пропагандистским орудием оппозиции и, кроме того, способна серьезно осложнить отношения с новыми независимыми государствами.

Со временем, под впечатлением от нарастающих темпов миграции в Россию, начинает приходить осознание масштаба проблемы. Первые открытые слушания на тему «О положении соотечественников за рубежом» прошли в Государственной Думе в октябре 1994 г. В рекомендациях слушаний, доложенных на пленарном заседании Госдумы, нашли отражение основные проблемы людей, ставших помимо своей воли иностранцами для России: безработица, отсутствие жилья и средств к существованию, а также социальная незащищенность. По результатам слушаний был создан Комитет по делам СНГ и связям с соотечественниками. 6 июля 1995 г. Комитет собрал 500 делегатов в Государственной Думе на Съезд уполномоченных представителей зарубежных российских общин, организаций и объединений стран СНГ и Прибалтики, возникших в новом зарубежье после дезинтеграции СССР. Накануне Съезда, а в особенности после его проведения, российские соотечественники активно привлекались Государственной Думой при рассмотрении вопросов, затрагивающих их судьбу. Общественные деятели, активисты из числа соотечественников выступали на многих парламентских слушаниях, научно-практических конференциях. Их предложения служили ориентиром для выработки и корректировки практических мероприятий. Избранный на съезде консультативный Совет соотечественников при Государственной Думе (глава – Д. Рогозин) неоднократно менял свой состав и регламент, пока в 2003 г. окончательно не перестал существовать. За период функционирования Совета соотечественников (1994-2003 гг.) прошло более десятка слушаний в Государственной Думе по разным направлениям, касающимся положения соотечественников: состоянию русскоязычного образования и информационной сферы, русской культуры, функционирования русского языка в странах СНГ и Прибалтики и т.д. На слушаниях подчеркивалось, что только гуманитарной помощью, приглашением в Россию русских учителей на краткосрочные курсы повышения квалификации или посылкой учебников ограничиваться

не стоит, и подтверждалась необходимость разворачивать *«широкую международную деятельность, способствуя тем самым исправлению дискриминационного для российских соотечественников законодательства в государствах их проживания».*

Апофеозом деятельности активизировавшейся перед парламентскими выборами Государственной Думы стало принятие «Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» от 8 декабря 1995 г. Согласно этому документу, РФ осуществляет *«позитивные меры, оказывая покровительство российским соотечественникам за рубежом и стремясь к предоставлению на территории России всем российским соотечественникам преференциального режима».* Помимо провозглашенных ранее гарантий гражданских прав и демократических свобод, в документе гарантировалось предоставление российского гражданства всем желающим, в том числе лицам без гражданства (без предоставления последним избирательного права), а также поддержка объединений соотечественников и поощрение их сотрудничества с местными органами власти.

В то же время, Правительство Москвы и мэр Ю.Лужков, больше кого бы то ни было сделавшие для организации Съезда соотечественников, провели 28 февраля – 1 марта 1999 г. международную научно-практическую конференцию «Москва и российские соотечественники: от поддержки к сотрудничеству», в которой приняли участие около 150 делегатов из ближнего и дальнего зарубежья. Участники конференции предложили президенту, правительству, ФС РФ, органам власти Москвы, других субъектов РФ целую программу мер, направленную на исправление недостатков и придание эффективности работе с соотечественниками. В частности, был озвучен тезис о необходимости создания специального государственного органа – Госкомитета по работе с диаспорой и миграционной политике.

Первым крупным шагом российского правительства в деле определения государственной политики по отношению к соотечественникам стала Концепция внешней политики России (1993 г.), разработанная МИД РФ. Важнейшими внешнеполитическими задачами были провозглашены *«прекращение вооруженных столкновений и урегулирование конфликтов вокруг России, недопущение распространения их на нашу территорию и обеспечение строгого соблюдения в ближнем зарубежье прав человека и меньшинств, особенно этнических россиян и русскоязычного населения».* Появление этой Концепции было связано не только с нарастающим недовольством внешнеполитическим курсом РФ, но и с необходимостью вынужденных уступок исполнительной власти в ситуации противостояния с законодательной ветвью власти (после октябрьских событий 1993 г. и принятия Конституции законодательная власть включается в дело защиты прав русскоязычного населения).

В августе 1994 г. Правительство РФ принимает «Основные направления государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом», согласно которым к соотечественникам отнесены три группы: граждане РФ, граждане государств проживания (национальные меньшинства), лица без гражданства, то есть делался приоритет гражданского подхода над этническим. Это существенно расширяло ареал распространения действия внешней политики и отходило от национал-патриотических принципов, выдвигаемых большей частью представителей оппозиции. Россия гарантировала своим соотечественникам *«защиту с учетом их правового статуса в государстве - резиденции».* Защита прав остальных соотечественников *«обеспечивается с помощью международных механизмов по защите прав человека и национальных меньшинств».* «Основными направлениями» был утвержден перечень мер по поддержке соотечественников в странах СНГ и Балтии, создана Правительственная Комиссия по делам соотечественников за рубежом при МИД РФ, которая, несмотря на все перипетии своего существования и временное бездействие в 1999-2000 гг., оставалась главным координатором в работе Правительства, его министерств и ведомств с диаспорой.

Тогда же, в августе 1994 г., была принята Федеральная миграционная программа, объявлявшая о готовности принять и обустроить соотечественников, не сумевших адаптироваться в новых независимых государствах и предусматривавшая условия их расселения.

В Послании Президента России ФС РФ «О действенности государственной власти в России» 1995 г., подчеркивалось, что применительно к Украине *«стратегическая задача*

России состоит в закреплении позитивных сдвигов, наметившихся в межгосударственных отношениях», что должно выразиться в подписании «Большого» договора, согласно которому, по мнению Б.Ельцина, проблема соотечественников в Украине и будет разрешена окончательно. Таким образом, российское руководство в 1990-е гг. предпринимало попытки выработки общегосударственной линии по поддержке соотечественников. Однако многие из этих решений диктовались политической конъюнктурой и стремлением переиграть внутреннюю оппозицию, носили в целом верный, но декларативный характер, поскольку не имели механизма реализации и финансового обеспечения. При этом Б. Ельцин продолжал рассчитывать на то, что СНГ как политический институт является эффективным инструментом в деле создания интегрированного сообщества на территории бывшего СССР.

Этапным документом того времени, характеризующим ключевые направления государственной политики РФ в отношении соотечественников, стал утвержденный в сентябре 1995 г. президентом Б.Ельциным «Стратегический курс РФ по отношению к странам СНГ» [10]. На устранение разрыва между целями государственной политики, сформулированными в упомянутых выше документах, и их практической реализацией была направлена «Программа мер по поддержке соотечественников за рубежом» от 17 мая 1996 г., утвержденная постановлением правительства РФ. Эта Программа в очередной раз обозначила попытку разрешить проблему соотечественников на деле. Среди ее целей выделяются содействие созданию условий *«для нормальной жизнедеятельности соотечественников, их добровольной интеграции в политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь стран проживания»* за счет поддержки самоорганизации соотечественников, разработки механизмов их сотрудничества с российскими органами власти и общественными организациями, а также содействия формированию *«конструктивного отношения к решению проблем соотечественников со стороны органов власти и общественности стран их проживания»* [5].

Постоянное обращение правительства к проблеме соотечественников свидетельствовало о том, что продекларированные принципы взаимоотношений внутри СНГ не реализовывались во внутренней политике этих новых независимых государств, где приоритет отдавался представителям титульной нации. Как подтверждение крушения надежд России на эффективное многостороннее сотрудничество внутри СНГ, большинство его участников делали ставки на двухсторонние соглашения. Поэтому в этот период обозначается начало отхода российской политики от декларативности и ее переориентации на двустороннее сотрудничество со странами СНГ в конкретных сферах, на универсальные международные правовые инструменты, способные оказать поддержку соотечественникам.

Конкретным воплощением выработки более прагматичного курса в отношении соотечественников стал Федеральный закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г., в соответствии с которым Россия все больше исходила из того, что следует признать политические реалии: русские (русскоязычные общины) проживают в суверенных государствах. СНГ, по-прежнему оставаясь *«сферой приоритетных интересов России, в том числе и потому, что она принимает на себя ответственность за судьбу русской диаспоры в странах СНГ и Балтии»*. В свою очередь, *«проживающие здесь представители российской диаспоры должны уважать законы и традиции страны-резиденции»*. Россия защищает *«гражданские права своих соотечественников по месту резиденции общепринятыми цивилизованными методами или обеспечивает их репатриацию по мере имеющихся возможностей»*, а стратегической линией политики России является *«содействие интеграции российской диаспоры в жизнь новых независимых государств, адаптации к местной культуре при сохранении собственной»* [11]. Вместе с тем, *«Россия не препятствует переселению на ее территорию на постоянное место жительства любого бывшего гражданина СССР, независимо от его национальности, вероисповедания и гражданства»*.

В то время как официальная позиция России в отношении соотечественников была нацелена на их интеграцию в государства проживания, некоторые объединения соотечественников продолжали придерживаться иллюзорной идеи о возможности воссоединения с исторической Родиной и воссоздания единого государства. Это свидетельствует о том,

что соотечественники и их объединения не в полной мере были информированы об официальной позиции России в данном вопросе, что порождало завышенные ожидания и надежды. Примером может служить Российская община Севастополя, не отказавшаяся от своих изначальных принципов даже после подписания в 1997 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной, подтверждавшего отсутствие у договаривающихся сторон территориальных претензий друг к другу. Этому способствовало и то, что у России длительное время отсутствовала четко выраженная принципиальная позиция по Крыму и Севастополю, что подпитывало надежды, особенно у старшего поколения, на возможность воссоединения с Россией. Подписание «Большого» договора между РФ и Украиной позволило в значительной степени снять напряженность в межгосударственных отношениях, существовавшую ввиду неопределенности статуса Севастополя и Черноморского флота.

С избранием на пост президента РФ В. Путина в среде соотечественников возродились большие надежды на более активное сотрудничество государственной власти и русской диаспоры. В своей программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» от 31 декабря 1999 г. В. Путин обозначил новые принципы развития РФ: *«российская идея – сильное государство – эффективная экономика»* на основе проведения строго продуманных реформ, которые *«не должны быть больше сопряжены с ухудшением условий жизни людей»*, а также жесткой политической линии государства, в том числе более прагматичных подходов в отношении СНГ. Новый президент в своем выступлении на коллегии МИД РФ дал жесткую оценку деятельности посольств России, добившихся чересчур скромных результатов в деле защиты российских граждан и соотечественников за рубежом. Высшим приоритетом внешнеполитического курса страны с 2000 г. провозглашается защита интересов личности, общества и государства. Новая Концепция внешней политики России декларирует всестороннюю защиту прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом [4]. А Концепция национальной безопасности заявляет о национальных интересах России в международной сфере и включают в себя также защиту жизни, достоинства, международно-признанных гражданских прав и свобод российских граждан и соотечественников за рубежом [9].

Второй Съезд Соотечественников, прошедший в 2001 г., обозначился, в первую очередь, выступлением В. Путина, признавшего работу с соотечественниками приоритетным направлением внешней политики России, и особо подчеркнувшим реальную возможность диаспоры помочь России *«в конструктивном диалоге с зарубежными партнерами»*. Среди главных причин существующих проблем в работе с соотечественниками президент назвал *«несовершенство законодательной базы»* и *«отсутствие четких механизмов ее реализации»*. В связи с этим главными задачами правительства стали устранение множественности и дублирования государственных структур, которые в ходе своей деятельности *«фразмывают ответственность органов власти и должностных лиц»* и создание одной государственной структуры, которая бы занималась всем комплексом сложных проблем, стоящих перед соотечественниками. По мнению президента, работа Правительственной комиссии по делам соотечественников также должна строиться *«на основе новых кадров»*. Подчеркивалась важность взаимодействия государственной власти и соотечественников через развитие *«общего гуманитарного и информационного пространства»* на основе поддержки русского языка, национальной культуры и защиты диаспоры от дискриминации с использованием новых технологий, в том числе электронных коммуникаций и Интернета. Позиция В. Путина свидетельствовала о том, что внешнеполитическая линия государства по вопросу взаимоотношения с соотечественниками приобретает новое звучание.

Как отмечается в «Концепции поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе», представляющей собой *«систему взглядов на поддержку и направление одного из видов деятельности России в области внешней и внутренней политики»*, приоритетом государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом является *«оказание всестороннего содействия полноценной реализации и адекватному обеспечению прав и свобод, а также других законных интересов на основе соблюдения норм международного права... сохранение и развитие всесторон-*

них связей РФ с соотечественниками, а также их организациями», включая их финансовую и экономическую поддержку. В этом документе приоритетное внимание уделяется созданию и совершенствованию *«постоянно действующих механизмов диалога с общественными организациями соотечественников, учету их мнений в принятии решений, касающихся соотечественников»*. Таким образом, на современном этапе Россия обозначила свою более активную позицию в отношении поддержки организаций соотечественников.

Однако практическая реализация провозглашенных В. Путиным принципов работы с соотечественниками не всегда являлась последовательной. Так, например, были упразднены Министерство по делам СНГ и Федеральная миграционная служба. Их полномочия перешли к другим ведомствам в качестве дополнения. Администрацией Президента в 2001 г. был проведен через ГД проект нового закона о гражданстве, который серьезно усложнял прежний регистрационный принцип получения российского гражданства и затруднял его приобретение для соотечественников. Уже через год В. Путин в ежегодном послании ФС РФ признал допущенную ошибку, и закон был существенно изменен, а прежний принцип получения российского гражданства продлен до 2008 г. Кроме того, регионы утратили возможность оказания материальной помощи соотечественникам и их организациям за счет бюджета. В то же время, российский бизнес не проявлял особой заинтересованности в поддержке соотечественников. Характеризуя состояние работы с соотечественниками, хорошо знающий эту тему депутат ГД, директор Института стран СНГ К. Затулин отмечал, что *«нам мешает извечное славянское словоблудие... вместо принятия каких-то реальных дел»*, а также *«узкая ведомственность, когда МИД занимается соотечественниками, а МВД миграцией, но никак между собой не координируют свою работу»* [7, с. 33].

В последние годы в России деятельность в отношении соотечественников приобрела системный характер, опирается на проработанную с учетом мирового опыта законодательную и нормативно-правовую базу. В реализацию государственной политики на этом направлении вовлечены федеральные органы законодательной и исполнительной власти, органы власти субъектов РФ, российские НПО. Создана устойчивая система горизонтальных и вертикальных связей общественных объединений соотечественников, включающая в себя проведение ежегодных страновых и региональных конференций, глобальных форумов в Москве. Успешно действуют Всемирный и страновые координационные советы соотечественников. Повысился уровень информационного сопровождения работы с соотечественниками. Реализуется система морального поощрения соотечественников. Продолжается реализация госпрограммы по добровольному переселению соотечественников в РФ. Ведется работа по созданию Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, подключению новых российских регионов к работе с зарубежной российской общиной [6].

Одним из первых указов В. Путина, вновь вступившего в должность президента 7 мая 2012 г., стал Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». МИД России совместно с другими федеральными органами исполнительной власти было поручено обеспечивать всестороннюю защиту прав, свобод и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом. Кроме того, глава государства поручил принять меры к расширению заграничных консульских учреждений РФ и к увеличению ассигнований из федерального бюджета на соответствующие проекты по линии Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом и некоммерческой организации «Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом» [8]. Тема формирования курса России в отношении соотечественников приобретает новые измерения.

Источники и литература.

1. Баранова Е.С. Политика России в отношении соотечественников за рубежом [Электронный ресурс] // Сайт «Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве». Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/archive/public_details7e46.html?id=128.
2. Выписка из стенограммы заседания 2 сессии Верховного Совета РСФСР, 42 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей 22 ноября 1990 года (о ратификации Договора между РСФСР и УССР, подписанного 19 ноября 1990 года в Киеве Б.Н.Ельциным и Л.М.Кравчуком) [Элек-

- тронный ресурс] // Сайт «Народный Фронт «СЕВАСТОПОЛЬ-КРЫМ-РОССИЯ». Режим доступа: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1990god.htm>.
3. Затулин К. Царство, разделившееся в себе. О России и русских в новом зарубежье (Вместо предисловия); под ред. А. Докучаева, К. Затулина // От Съезда до Конгресса соотечественников (Сборник материалов Института стран СНГ (Института диаспоры и интеграции). - Москва, 2001. [Электронный ресурс] // Сайт «Константина Федоровича Затулина». Режим доступа: <http://www.materik.ru/upload/iblock/cee/cee8137cc1e36ad058ffa6660f7e40ed.pdf>
 4. Концепция внешней политики России // [Электронный ресурс] // Сайт «Газета Независимая». Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html
 5. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1996 г. N 590 «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс] // Сайт информационно-правового портала «BestPravo». Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/bz-dokumenty/c2r.htm>
 6. Работа с соотечественниками с 2012 года [Электронный ресурс] // Сайт «Общественное объединение Российских соотечественников». Режим доступа: http://ruskg.info/index.php?option=com_content&view=article&id=128:----2012--&catid=26:2011-05-12-06-08-15&Itemid=76 (для интернет-ресурсов).
 7. Справочные и аналитические материалы к международной конференции «Черноморский флот или НАТО? К вопросу о выборе» 25 февраля 2006 г. // Под ред. К.Ф. Затулина (Институт стран СНГ). – Севастополь, 2006.
 8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Российская газета. - 9 мая 2012 г. - №5775
 9. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. №24 (с изменениями и дополнениями) «Концепции национальной безопасности 2000 г.» [Электронный ресурс] // Сайт «СНВ Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, 1997-2012». Режим доступа: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm>
 10. Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. № 940 «Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» [Электронный ресурс] // Сайт «Министерство иностранных дел Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/4e3d23b880479224c325707a00310fad!OpenDocument>
 11. Федеральный закон Российской Федерации от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс] // Сайт информационно-правового издания «LEGIS.RU». Режим доступа: <http://www.legis.ru/misc/doc/1101/> (для интернет-ресурсов).

**«АССОЦИАЦИЯ БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»:
ДОЛГАЯ ДОРОГА К ВЛАСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

МАРТЫНКИН А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Продолжающиеся в арабском мире социально-политические процессы, получившие в прессе наименование «Арабская весна», объективно приводят к росту влияния в этих странах исламской элиты, представленной, прежде всего, членами и сторонниками международного движения «Ассоциация Братьев-мусульман». Например, в Египте "Ассоциацией Братьев-мусульман" с целью прихода к власти легитимным путем созданы две политические партии (21.02.11 г. – партия "Свобода и справедливость" ("Аль-Хуррия ва-ль-Адаля"), 27.02.11 г. – "Партия нового центра" ("Хизб аль-Васат аль-гадид") [3]), аналогичные ситуации складываются и во всех других, затронутых революционным процессом арабских странах.

В настоящее время именно "Ассоциация Братьев-мусульман", несмотря на все старания противников движения, стала едва ли не самой главной частью политической системы не только Египта, но и целого ряда других арабских государств. В этой связи представляется актуальным подробнее рассмотреть идеологию, структуру и основные направления деятельности движения до начала "Арабской весны".

В идеологической концепции "братьев-мусульман" важное место занимает положение о том, что ислам является особой мировоззренческо-политической системой. *"Ни Запад и ни Восток, а коранический ислам... В наших руках книга правоверного ислама, которая является всеобъемлющей программой социального переустройства в его теоретическом, юридическом и практическом аспектах"* [2].

Если говорить коротко, то основные положения концепции движения в экономической, политической и идеологической областях сводятся к следующему [5]:

В экономике:

- Теологическое толкование собственности восходит к Корану. Верховным собственником всего в мироздании является только Аллах. Человек же имеет право *"лишь на то, в чем он усердствовал"* (Коран V, 40), то есть может владеть только тем, что получил благодаря своему труду. Из этого положения выводятся незаконность, с одной стороны, присвоения результатов чужого труда, а с другой, - *"неестественного"* коммунистического равенства;

- Запрещение ростовщического процента (риба) (в том числе и банковского), и необходимость поэтому создания исламских беспроцентных банков;

- Создание полного цикла исламской экономики, не противоречащей требованиям шариата, включая разработанные и используемые уже в настоящее время исламские экономические инструменты, финансовую систему, банкинг и т.д. (например, к 2009 г. в Египте только около 4% банковской индустрии составлял исламский банкинг, а в ОАЭ – уже 46%). За последние десять лет исламская экономика стала явлением не только мусульманских государств, но и частью финансового рынка развитых государств Европы и Америки. В США действует два исламских банка, в Великобритании – шесть. Кроме того, в Великобритании 26 банков имеют специализированные подразделения, оказывающие исламские банковские услуги. Открываются исламские банки во Франции, Италии, Швеции и других европейских странах;

- Разумное ограничение потребностей населения;

- Экономическая система каждого мусульманского государства рассматривается как часть экономики исламского мира в целом.

В политике:

- Полное соответствие исламу конституции и всех законов страны. *"Никакой конституции, если это не Коран"*;

- Участие масс в политической жизни страны предполагается через Консультативный Совет мусульманской общины (Маджлис шура);

- Итогом политической деятельности должно стать создание всемирного исламского государства (панисламизм).

В области национального самосознания – синтез его с исламом (то есть "умма" - единая "нация" всех мусульман, независимо от этнической принадлежности и цвета их кожи);

В области социальной – выступают за "исламскую" социальную справедливость ("исламское братство" как средство преодоления классовых противоречий). Здесь следует отметить, что социальная база "братьев-мусульман" (мелкая буржуазия, "средний класс", правда в его арабской интерпретации), как и фундаменталистского течения вообще, намного шире, чем база других исламских течений (традиционализм – полуфеодалный слой, модернизм – крупная буржуазия);

В области религиозной - перенос акцентов с религиозной этики на политическую деятельность.

Говоря об идеологии "братьев-мусульман", следует подчеркнуть, что они не являются непримиримыми противниками социальных и политических перемен, они лишь настаивают на том, что эти перемены должны быть согласованы с традиционными исламскими ценностями и обычаями.

Таким образом, идеология "братьев-мусульман" основана на таких фундаментальных принципах и концепциях, которые хорошо понятны широким слоям населения всех без исключения исламских стран, регионов и районов компактного проживания мусульман.

В какой-то степени с точки зрения идеологии "братьев-мусульман" в современном мире ислама можно сравнить с протестантами в христианском мире периода Реформации. Фундаментализм "братьев-мусульман", по сути, заключается в том, чтобы освободиться от значительной массы ограничений, неоправданно привнесенных по разным политическим и историческим причинам богословами за всю многовековую историю ислама, путем возврата к первоначальной идеологической базе религии, и создания на ее основе отвечающей требованиям современного динамичного и высокотехнологичного общества концепции функционирования и успешного развития исламской Уммы. При этом концепция, в идеале, не должна противоречить базовым требованиям ислама с одной стороны, а с другой – обеспечить возможности эффективного ответа на все современные требования развития общества (включая как культурные, так и научно-технологические).

Что касается организационной структуры движения, то она является весьма гибкой и представляет собой синтез представительных и исполнительных, а также международных и национальных органов.

Возглавляет международное движение ("Всеобщую организацию "Братьев-мусульман", «Ат-танзым аль-аам ли-ль-ихван аль-муслимин») Верховный наставник (Аль-Муршид аль-аам, в настоящее время – Мухаммад Бадиа). С 1996 г. он избирается сроком на шесть лет с правом переизбрания на этот пост вновь (ранее срок исполнения обязанностей Верховного наставника не был ограничен). Согласно Верховному уставу "Ассоциации", кандидатом на пост Верховного наставника может выдвигаться активный член движения, достигший возраста не моложе 40 лет, имеющий стаж пребывания в "Ассоциации" не менее 15 лет.

Верховный наставник опирается в своей деятельности на трех заместителей Верховного наставника (Наиб аль-Муршид аль-аам).

Высшим представительным органом "Ассоциации" является Верховный консультативный совет (иногда переводится как Генеральная консультативная ассамблея) - Маджлис аш-шура аль-аам, в состав которого входит по разным источникам от 30 до 150 членов движения. Созывается, как правило, не чаще одного раза в год.

Высшим исполнительным органом является Генеральный кабинет наставников (иногда переводится как Генеральное бюро ориентации) – Мактаб аль-Иршад аль-аам, работой которого руководит Верховный наставник. В состав кабинета (бюро) входят до 20 авторитетных членов движения, назначаемых самим Верховным наставником (как правило – 13 человек, не считая верховного наставника).

К верховному руководству движения относится также Учредительная ассамблея, в состав которой входят исторические основатели движения (их остались считанные единицы) и Верховные наблюдатели "братьев-мусульман" в разных странах.

Верховный наставник и Генеральный кабинет наставников осуществляют руководство движением через Секретариат, во главе которого находится генеральный секретарь. Верховный наставник, Генеральный кабинет наставников и руководящая часть Секретариата образуют Генеральный центр (Аль-Марказ аль-аам) движения. Административно-техническими службами Генерального центра являются специализированные "бюро" (пропаганды, труда, по делам крестьянства, студенчества, связей с исламским миром, физической культуры, прессы и переводов и т.д.) и "комитеты" (финансовый, политический, правовой, статистический, хозяйственный и др.).

Для выполнения наиболее ответственных поручений, в том числе организации беспорядков, ведения террористической деятельности, физического устранения бывших членов движения, выступающих против "братьев-мусульман", была создана так называемая "специальная организация" ("Ат-Танзым аль-хасс"), члены которой проходят специальный отбор и обучение, и являются, как правило, великолепными конспираторами, всячески скрывая свою принадлежность к "Ассоциации" [4]. Официальные представители и лидеры "Ассоциации Братьев-мусульман", как правило, отрицают наличие этой организации. Так, Верховный наставник аль-Худайби заявил в 1953 г., пытаясь избежать разгрома "Ассоциации Братьев-мусульман" правительством Г.А. Насера в Египте, что "секретная организация", руководимая Абд-ар-Рахманом ас-Саади распущена. Однако позднее члены этой организации неоднократно готовили покушения на Г.А. Насера. Существование этой тайной "специальной организации" создает для движения в целом дополнительные возможности маневра, смены форм и методов деятельности при изменении обстановки.

Управление деятельностью филиалов движения в различных странах осуществляется следующим образом.

Во главе "Ассоциации" в конкретных странах (кроме Египта) находятся Верховные наблюдатели (иногда переводится как Генеральные инспектора) - Аль-Муракиб аль-аам, высшим исполнительным органом является Исполнительное бюро - Аль-Мактаб ат-танфизий. Верховный наблюдатель и Исполнительное бюро конкретной страны руководят деятельностью Региональных бюро (мактаб иклимий), которым подчиняются секции (шуаба) движения, в состав секций входят несколько семейств (усра). Семейства действуют в арабских странах, как правило, на территории квартала в городе или улицы в деревне. Секции действуют на уровне городского района или одной деревни. Региональное бюро – на уровне провинции. Семейство является базовой ячейкой движения, оно состоит, как правило, из 10 членов и подчиняется своему старшине (накиб).

Таким образом, организационная структура движения представляет из себя многоуровневую систему иерархически организованных органов законодательной и исполнительной власти и позволяет достаточно эффективно управлять деятельностью "Ассоциации Братьев-мусульман" как на международном, так и на национальном уровнях.

Анализ развития "Ассоциации Братьев-мусульман" в различных странах арабского мира показывает, что особенности деятельности "Ассоциации" зависят от социально-политических и экономических условий, сложившихся в конкретной стране. В целом, развитие "Ассоциации Братьев-мусульман" в арабских странах можно подразделить на три основных модели-варианта:

- модель развития движения в странах с авторитарными левыми режимами, строящими свою политическую деятельность с опорой на идеологию арабского национализма (Египет, Сирия);

- модель развития движения в странах со слабой государственностью, низким уровнем развития общества, значительным влиянием на внутривнутриполитическую обстановку родо-племенных и клановых отношений (Судан, Йемен);

- модель развития движения в традиционных исламских монархических государствах (Иордания, Марокко, арабские монархии Персидского залива).

Рассмотрим первую в предложенном выше списке модель развития "Ассоциации Братьев-мусульман" на примере деятельности этого движения в Египте и Сирии.

Египет является именно той страной, где была сформирована первая организация "братьев-мусульман". Именно в Египте традиционно находится Верховный наставник всего этого международного движения. Поэтому начать анализ деятельности всего движения логично было бы именно с египетского отделения "Ассоциации Братьев-мусульман".

Деятельность "Ассоциации Братьев-мусульман" в Египте можно условно разделить на три периода, каждому из которых присуща своя специфика.

Первый период – это время между созданием в 1928 году "Ассоциации Братьев-мусульман" и смертью в 1949 г. ее основателя Х.аль-Банна. За это время "Ассоциация Братьев-мусульман" прошла путь от благотворительно-просветительского общества до влиятельной массовой оппозиционной властям религиозно-политической организации. Это был период становления и роста.

Второй период – период попыток прийти к власти в стране путем открытой конфронтации с правящим режимом. Он начался после переворота 1952 года, когда к власти в Египте пришли члены националистической египетской организации "Свободные офицеры". Руководство "Ассоциации Братьев-мусульман" сразу же попыталось перехватить инициативу и, используя благоприятные обстоятельства, взять власть в стране в свои руки. Однако стремление руководства "Ассоциации Братьев-мусульман" к власти привело к острому противоборству между этой организацией и властями страны во главе с президентом Г.А. Насером. 14 января 1954 года руководство страны запретило деятельность "Ассоциации Братьев-мусульман" на территории Египта. После смерти в 1970 году президента Египта Г.А. Насера, новый президент, А. Садат, вновь предоставил "Ассоциации Братьев-мусульман" возможность ведения легальной политической деятельности. "Братья-мусульмане", используя противоречия между сторонниками Г.А. Насера и А. Садата, попытались оказать воздействие на нового президента, с тем, чтобы он дал им возможность играть определяющую роль в политической жизни страны. Однако А. Садат попытался опереться на многочисленные мелкие экстремистские исламские организации и группы, которые он планировал поставить под свой контроль, а не на авторитетное движение, реальный контроль над которым был маловероятен. Рост численности мелких экстремистских исламских групп, а также сепаратный мирный договор А. Садата с Израилем, привели к тому, что наиболее экстремистски настроенные члены "Ассоциации Братьев-мусульман" выделились в более радикальные организации "Аль-Джихад аль-ислами", "Аль-Джамаа аль-исламия" и "Ат-Такфир ва-ль-хиджра", которые избрали политический экстремизм и насилие в качестве рычага, с помощью которого надеялись прийти к власти.

Третий период начался в 1981 году после смерти А. Садата в результате покушения, подготовленного и осуществленного организациями "Аль-Джихад аль-ислами", "Аль-Джамаа аль-исламия", "Ат-Такфир ва-ль-хиджра" и "Джунуд Аллах" (при ведущей роли "Аль-Джихад аль-ислами"). Новый президент Египта, Х. Мубарак, сразу же начал проведение в отношении исламских фундаменталистских организаций более сбалансированной политики, умело сочетая деятельность силовых структур и методы легальной политической борьбы. Хотя иногда руководство Египта во главе с Х. Мубараком и шло на некоторые уступки фундаменталистам, легальная деятельность исламских фундаменталистских движений, организаций и групп так и не была разрешена. В этот период (с 1981 по 1999 год) основные усилия "Ассоциации Братьев-мусульман" в Египте были направлены на создание легальной политической партии, члены которой могли бы участвовать в политической жизни страны и баллотироваться от этой партии в египетский парламент. Руководство "Ассоциации Братьев-мусульман" надеялось, получив большинство мест в парламенте Египта, взять тем самым бразды правления в стране в свои руки. Несмотря на отсутствие собственной политической партии "Ассоциации Братьев-мусульман", тем не менее, удавалось проводить в состав парламента Египта своих членов. Для этого использовался такой метод, как создание предвыборных блоков с различными политическими партиями страны. Одновременно руководство "Ассоциации Братьев-мусульман" уделяло большое внимание работе в профессиональных союзах, которые также являются значи-

тельной политической силой в Египте. К концу 90-х годов "Братья-мусульмане" стали пользоваться значительным влиянием в большинстве отраслевых профсоюзов страны. Свое влияние в профсоюзах руководство движением наиболее активно использовало для продвижения своих членов в законодательные и исполнительные органы Египта.

На парламентских выборах в 2005 г. движение смогло получить 88 из 444 парламентских мандатов.

После отставки президента Х. Мубарака в ходе "Арабской весны" на парламентских выборах в январе 2012 г. партия египетских "братьев-мусульман" "Свобода и справедливость" получила 47,18% голосов. В верхнюю палату парламента (Консультативный Совет) от нее были избраны 105 депутатов. Спикером египетского парламента стал генеральный секретарь партии М.С. Кататни, спикером Консультативного Совета – влиятельный член руководства партии профессор А. Фахми.

Еще более знаковой победой движения стало избрание в июне 2012 г. президентом страны влиятельного члена руководства "Ассоциации Братьев-мусульман" Мухаммада Мурси.

Таким образом, с лета 2012 г. начинается новый период истории "братьев-мусульман" Египта, период, когда движение, находясь у власти в стране, пытается практически реализовать свои концепции. Несомненно, что главным их союзником в этом процессе будет турецкая "Партия справедливости и развития", имеющая десятилетний опыт реализации аналогичных реформ в Турции. Несомненно также, что от успеха деятельности "братьев-мусульман" в Египте напрямую зависит популярность, а значит, и будущее движения во всем арабском мире.

Надо отметить, что и за пределами Египта "Ассоциация Братьев-мусульман" также успешно ведет работу по выходу на легальную политическую арену путем создания легитимных политических партий. Так, "Ассоциацией" в Иордании создана партия "Хизб джабхат аль-амаль аль-исламийа" ("Партия Фронт исламского действия"), являющаяся одной из ведущих партий страны и представленная значительным количеством депутатов в парламенте. В Алжире ими основана партия "Хизб Хамас", в Кувейте - "Хизб аль-харакят ад-дустурия" (партия "Конституционное движение", создана в 1991 г.), в Палестине - "Хизб аль-Халас" (создана дочерним движением "братьев-мусульман" - "Хамас"), в Йемене - "Ат-Таджамуа аль-йамани ли-ль ислах" ("Йеменское объединение для реформы", вторая по величине и влиятельности партия Йемена, член правительственной коалиции при бывшем президенте А.А. Салехе) [6], в Бахрейне – "Ассоциация исламского призыва", в Тунисе – партия "Ан-Нахда" ("Возрождение", с 1989 г. наследница созданного в 1970-х годах "братьями-мусульманами" Исламского движения Туниса, уверенно победила с 41% голосов на парламентских выборах в октябре 2011 г., премьер-министром страны назначен генеральный секретарь партии Х. Джебали), в Марокко - "Аль-Адаль ва-ль-ихсан" ("Партия справедливости и развития", на выборах 25 ноября 2011 г. одержала победу и провела в парламент страны 107 депутатов из 395, премьер-министром был назначен ее генеральный секретарь Абдаллах Ибн Киран), в Ливии – созданная в марте 2012 г. "Партия справедливости и созидания" (второе место на июльских 2012 г. выборах в парламент, 17 депутатских мандатов, победивший "Альянс национальных сил" – 36 мандатов). В июле 2012 г. после двухдневной дискуссии в Стамбуле сирийский филиал движения также принял решение о создании своей политической партии во главе с руководителем политбюро организации А. Аль-Байануни.

В этой связи интересно обратить внимание на названия созданных в последние годы в арабских странах партий "братьев-мусульман" (в частности, в Египте, Марокко, Ливии). Уж слишком демонстративно у них часть названия совпадает с турецкой "Партией справедливости и развития". Здесь хотелось бы также отметить, что и так довольно тесные связи движения "Милли Герюш" ("Национальный взгляд") с "братьями-мусульманами" после прихода турецких исламистов к власти в 2002 г. значительно укрепились. С 2006 г. на территории Турции были проведены 7 конференций арабских "братьев-мусульман". Похоже, что на пространствах, по которым прокатилась "Арабская весна", закрепиться пытаются две конкурирующие исламистские силы: пользующиеся поддержкой Турции

умеренные "братья-мусульмане" и финансируемые фондами из арабских стран Персидского залива радикальные салафиты.

Что касается Сирии, на территории которой пока эти две силы сообща борются с режимом президента Б. Асада, а в будущем, думается, будут также конкурировать между собой, как и в других арабских странах, то деятельность "Ассоциации Братьев-мусульман" в этой стране можно разделить на три периода.

Первый период (1937 - 1963 годы) – период становления филиала движения в Сирии и ведения легальной политической борьбы (хотя в условиях постоянной политической нестабильности и военных переворотов движение еще в 50-е годы начало активно создавать свои вооруженные отряды). В этот период движение, в целом, поддерживало политику правящего режима. А в декабре 1961 года член "Ассоциации Братьев-мусульман" Сирии М.ад-Давалиби стал даже премьер-министром страны.

Второй период (1963-1982 годы) – период противостояния с властями страны и активного использования насильственных методов борьбы. Переход движения в оппозицию руководству страны произошел сразу же после прихода к власти в Сирии Партии арабского социалистического возрождения (Баас). В этот период террористическая деятельность движения наиболее активно велась в 1964-1965 годах, когда "Братья-мусульмане" пытались дестабилизировать обстановку и создать условия для отстранения от власти партии Баас, а также в конце 70-х - начале 80-х годов. Апофеозом использования "Братями-мусульманами" Сирии насильственных методов стал захват в феврале 1982 года вооруженными отрядами движения г. Хама и расправа над руководством города и активистами партии Баас. После подавления вооруженного восстания "Ассоциации Братьев-мусульман" в г. Хама, силовые структуры Сирии практически полностью ликвидировали все подразделения движения на территории страны. В связи с этим активной деятельности движения на территории Сирии вплоть до начала событий "Арабской весны" не наблюдалось.

Третий период (1982-2011 гг.) – период деятельности "Ассоциации Братьев-мусульман" Сирии в эмиграции (штаб-квартиры движения находились в Иордании и Саудовской Аравии). При этом следует отметить, что во второй половине 90-х годов наметилось некоторое потепление отношений руководства партии "Баас" и "Ассоциации Братьев-мусульман". Это было связано с тем, что условия противостояния с Израилем делали сирийское руководство объективным союзником движения "Хамас" – дочернего движения "Ассоциации Братьев-мусульман", а также палестинского филиала близкого к "Братьям-мусульманам" движения "Аль-Джихад аль-исламий".

После начала в 2011 г. активных выступлений сирийской оппозиции против режима Б. Асада, сирийские "братья-мусульмане", пользуясь поддержкой со стороны международного движения "Ассоциации Братьев-мусульман" и его союзников – турецкой "Партии справедливости и развития", стали одним из лидеров антиправительственной борьбы. Так же как и в Египте, противостоя режиму Б.Асада, "братья-мусульмане" одновременно конкурируют за влияние с отрядами светской оппозиции, поддерживаемой странами Запада, и салафитами, пользующимися помощью иракской вооруженной оппозиции и финансовой поддержкой арабских монархий Персидского залива, в первую очередь – Саудовской Аравии и Катара.

Что касается модели развития движения в странах со слабой государственностью, низким уровнем развития общества, значительным влиянием на внутривнутриполитическую обстановку родоплеменных и клановых отношений (Судан, Йемен), то в таких странах "Братья-мусульмане", опираясь на помощь филиалов движения в других государствах и пропагандируя в условиях междоусобных конфликтов идеи панисламизма, сумели добиться значительного влияния, создать свои легальные политические партии и движения и легитимным путем войти в состав органов государственного управления, в том числе высших законодательных и исполнительных органов этих стран. После получения влиятельных постов во властных структурах, "Братья-мусульмане" (например, в Йемене) выступали против усиления других экстремистских движений, не останавливаясь при этом даже перед использованием силовых методов в отношении своих бывших союзников.

Примером может служить деятельность "Ассоциации Братьев-мусульман" Судана, которую можно разделить на четыре периода.

Первый период (1955-1964 годы) – период становления и борьбы вместе с другими политическими силами страны против диктатуры генерала И.Аббуда.

Второй период (1964-1969 годы) – период легитимной политической деятельности, в том числе в рамках созданного по инициативе "Ассоциации Братьев-мусульман" Судана блока исламских сил страны – "Фронта исламской хартии".

Третий период (1969-1985 годы) – период деятельности в подполье после прихода к власти в стране в результате военного переворота Д. Нимейри. В этот период значительное число членов "Ассоциации Братьев-мусульман" были арестованы. Однако после объявления в 1977 году о самороспуске суданского филиала движения они были освобождены, а некоторые "Братья-мусульмане" были даже кооптированы в состав правительства страны, в армию и полицию.

Четвертый период (с 1985 г. до настоящего времени) – период возобновления легитимной политической деятельности движения после свержения режима Д. Нимейри. В этот период "Ассоциация Братьев-мусульман" Судана, после создания по инициативе движения исламского блока "Национальный исламский фронт" (НИФ), стала одной из самых влиятельных политических сил страны. А после парламентских выборов 1996 года НИФ стал единоличным политическим лидером Судана.

В Йемене "Ассоциация Братьев-мусульман" также с начала 80-х годов пользовалась значительным влиянием. Часть активистов движения стали членами Партии Всеобщего народного конгресса (партии власти). Кроме этого, "Ассоциацией Братьев-мусульман" была создана собственная политическая партия – Йеменское объединение для реформы, которая является второй по влиятельности партией Йемена.

Рассмотрим теперь коротко модель развития движения в традиционных исламских монархических государствах (Иордания, арабские монархии Персидского залива). В этих государствах "Братья-мусульмане", как правило, представляли собой легальную оппозицию правящему режиму. Создав легальные партии и движения, они участвовали в политической борьбе, имели свои парламентские фракции и неоднократно занимали высокие посты в исполнительных органах власти. При этом особенностью является то, что "Братья-мусульмане" не пытались свергнуть правящего монарха и даже оказывали ему поддержку в борьбе с левыми силами (например, в Иордании). Таким образом, в таких странах "Ассоциация Братьев-мусульман" представляет собой как бы институционализированную правую оппозицию, не стремящуюся к захвату всей полноты власти, но добивающуюся, все-таки, реализации некоторых элементов своей политики.

Ярким примером такой модели является "Ассоциация Братьев-мусульман" Иордании, которая существует легально и является одним из старейших филиалов движения. Она пользуется в политической жизни страны значительным влиянием.

Сама "Ассоциация Братьев-мусульман" Иордании легально существует как благотворительное и просветительское движение. Для участия в политической жизни страны по инициативе руководства движения в 1993 году была создана исламская фундаменталистская партия "Фронт исламского действия" (ФИД), депутаты от которой работали в парламентах всех созывов, начиная с 1989 года (хотя в парламент этого созыва они баллотировались от других организаций). Кроме этого, "Ассоциация Братьев-мусульман" Иордании, как и египетский филиал, имеет значительное влияние в профсоюзах страны.

До подписания иордано-израильского мирного договора движение лояльно относилось к властям Иордании, однако сразу же после этого события "Ассоциация Братьев-мусульман" Иордании перешла в оппозицию правящему режиму. Для того чтобы члены "Ассоциации Братьев-мусульман" Иордании не смогли образовать в парламенте страны значительной силы, власти были вынуждены изменить избирательное законодательство таким образом, чтобы в ходе выборов в парламент страны преимущества получили представители различных племен и кланов.

Но главной особенностью деятельности "Ассоциации Братьев-мусульман" в Иордании в период 1947-2011 годы было отсутствие с ее стороны попыток захвата власти в

стране насильственным путем. Это же характерно и для деятельности движения в Кувейте и других арабских странах с монархическими режимами зоны Персидского залива [1].

Говоря об "Ассоциации Братьев-мусульман", нельзя обойти вниманием тот факт, что в конце 70-х годов двадцатого века при самом активном участии "Ассоциации Братьев-мусульман" (или членов "Ассоциации") возникли более радикальные международные движения "Аль-Джихад аль-ислами", "Аль-Джамаа аль-исламия", "Ат-Такфир ва-ль-хиджра", а в 1987 году - "Хамас", которые также оказывали и продолжают оказывать значительное воздействие на внутривосточную обстановку в исламских странах и районах компактного проживания мусульман на всех континентах.

Основными факторами и историческими событиями, оказавшими влияние на выделение из рядов "Ассоциации Братьев-мусульман", распространение и усиление этих движений были:

1. Попытка президента Египта А. Садата в конце 70-х годов использовать исламское движение в стране для борьбы со своими противниками, что в условиях прозападной политики "инфитаха" ("открытых дверей") и значительной люмпенизированной населенности привело к неконтролируемому росту количества различных мелких исламских групп, организаций и ассоциаций фундаменталистского толка, ставших питательной средой для вышедших из "Ассоциации Братьев-мусульман" экстремистских организаций "Аль-Джихад аль-ислами", "Аль-Джамаа аль-исламия", "Ат-Такфир ва-ль-хиджра".

2. Репрессии силовых структур Египта против членов исламских экстремистских организаций, последовавшие вслед за убийством боевиками "Аль-Джихад аль-ислами" президента АРЕ А. Садата. В результате, значительное число членов этих организаций вынуждены были эмигрировать в другие страны и создать там свои филиалы. Так шел процесс создания на основе организаций египетских исламских экстремистов "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" международных исламских экстремистских фундаменталистских движений.

3. Война в Афганистане (1979 - 1989 гг.), в которой на стороне афганских "моджахедов" приняли участие многие члены этих движений, вынужденные бежать из Египта, Сирии и других арабских стран из-за репрессий властей. В результате активной помощи арабских и западных стран, в первую очередь Саудовской Аравии и США, в Афганистане и на территории Пакистана, Египта и ряда других государств были созданы лагеря для подготовки "моджахедов" из числа добровольцев-арабов. Следует отметить, что в настоящее время США активно выступают против экстремистской организации, ранее возглавлявшейся У. Бен-Ладеном. Деятельность этих лагерей во многом контролировалась лидерами "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия". Вербовка "борцов за веру" в арабских странах тоже велась при активном участии этих движений и "Ассоциации Братьев-мусульман". Основателем и первым руководителем так называемого "Бюро обслуживания" ("Мактаб аль-хидмат") – специальной организации, занимавшейся вербовкой, обучением и распределением "моджахедов", – являлся Абдаллах Аззам, один из самых влиятельных членов "Ассоциации Братьев-мусульман" в Палестине. "Бюро обслуживания", вторым человеком в руководстве которого был У. Бен Ладен, пользовалось поддержкой спецслужб ряда арабских и западных государств, в первую очередь ЦРУ США, которое затратило на подготовку "моджахедов" сотни миллионов долларов. В результате, к началу 90-х годов на территории Афганистана и Пакистана оказалось около 10 тысяч так называемых "арабских афганцев", подавляющее большинство которых являлись членами "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия". Те из них, кто возвратился на родину, стали самыми активными и агрессивными боевиками этих движений в своих странах. В результате, вскоре деятельность "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" была запрещена практически во всех арабских странах. Наиболее последовательно члены этих движений преследовались в Египте, Иордании и Сирии.

4. Вооруженная борьба между различными группировками исламской оппозиции в Афганистане грозила втягиванием членов "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" в междоусобный афганский конфликт. Поэтому, в начале 90-х годов лидеры этих движений, используя сильные позиции "Ассоциации Братьев-мусульман" в Судане и

Йемене создали свои базы в этих арабских странах. Эти базы в 90-х годах активно использовались для переброски членов "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" в исламские страны, а также в страны Европы: политические лидеры – преимущественно в Великобританию, где соответствующие условия были подготовлены эмигрировавшими в эту страну из Египта еще в 50-е и 60-е годы "Братьями-мусульманами"; боевики и рядовые члены – в государства Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии.

5. Распад СССР и ослабление влияния России в странах Восточной Европы, на Балканах, в Закавказье и в Центральной Азии и связанное с этим возникновение войн и очагов напряженности в странах и районах со значительной численностью мусульманского населения (конфликты на территории бывшей Югославии, Карабахский кризис, гражданская война в Таджикистане, события в Чечне) привели к переброске в эти страны и районы членов "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" в качестве наиболее подготовленных к ведению современной партизанской войны наемников. Так, с 1992 по 1995 год властями Боснии были выданы боснийские паспорта более чем пяти тысячам "афганских арабов". В Карабахском конфликте в 1993 году на стороне Азербайджана воевал так называемый "корпус афганских моджахедов". Значительное количество "афганских арабов" воевали в Таджикистане в рядах исламской оппозиции, в том числе и ставший известным после первой войны в Чечне иорданец Хаттаб. После войны в Чечне в 1994-1996 годах определенная часть членов "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия" получили от властей Ичкерии паспорта граждан Российской Федерации и вели пропагандистскую и подрывную деятельность непосредственно на территории России и стран СНГ.

6. Потеря власти в ряде арабских стран политическими силами социалистической ориентации в начале 90-х годов вызвала активизацию деятельности "Аль-Джихад аль-ислами" и "Аль-Джамаа аль-исламия", умело использовавших негативную реакцию мусульманского населения на проводившуюся при предыдущих правительствах политику насильственной секуляризации и атеизации в Алжире и Йемене.

7. Создание "Ассоциацией Братьев-мусульман" в 1987 г. в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, оккупированных Израилем, "Харакят аль-мукаама аль-исламия" ("Исламского движения сопротивления") - "Хамас" - подняло престиж "Ассоциации Братьев-мусульман" в арабском и исламском мире, как борцов с израильской оккупацией Палестины. Борющееся с Израилем движение, "Хамас" получало помощь не только от частных лиц и неправительственных организаций, но и ряда государств: Сирия, Иран, Ливан, до 1999 года – Иордания.

Необходимо отметить, что "Ассоциация Братьев-мусульман" поддерживает тесные связи со своими дочерними движениями, которые, в свою очередь, координируют свою деятельность между собой, а также с легальными и нелегальными исламскими движениями и организациями в странах Запада и на постсоветском пространстве. А движение "Аль-Джихад аль-ислами" с 1998 года входит в "Международный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев", организованный и возглавлявшийся Усамой Бен Ладеном. Члены "Аль-Джихад аль-ислами" являются одновременно членами организации "Аль-Каида", филиалы которой были созданы в Судане, Египте, Йемене, Сомали, Эритрее, Афганистане, Пакистане, Боснии, Хорватии, Алжире, Тунисе, Ливане, на Филиппинах и, как свидетельствуют новые факты, в Таджикистане, Азербайджане, США, а также в Чеченской Республике РФ и в индийском штате Джамму и Кашмир.

Характерно, что конечная цель движений "Аль-Джамаа аль-исламия", "Аль-Джихад аль-ислами" – создание единого многонационального исламского халифата – совпадает с конечной целью "Ассоциации Братьев-мусульман". Различаются только стратегия и тактика деятельности этих движений, но общим для всех них, в отличие от стратегии и тактики "Ассоциации Братьев-мусульман", является использование в первую очередь насильственных методов борьбы.

Можно сказать, что в международном исламистском движении к началу XXI века реально сложилось свое "разделение труда", в рамках которого "Ассоциации Братьев-мусульман" отведена роль разработчика всеобъемлющих идеологических концепций и

организатора процесса их реализации на практике в общем, стратегическом плане. Конкретная работа "на местах" осуществляется "дочерними" движениями и организациями.

Учитывая это, в ряде стран деятельность "Ассоциации Братьев-мусульман" была законодательно запрещена, в частности, в Российской Федерации (на основании решения Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г.), в Казахстане (на основании решения Верховного Суда Республики Казахстан от 15 марта 2005 года), в Таджикистане. В США до 2011 г. "Ассоциация Братьев-мусульман" входила в список террористических организаций. Естественно, деятельность движения запрещена в Сирии. Как это ни парадоксально, но до настоящего момента нет законных оснований и для деятельности движения в Египте. Так, в июне 2012 г. египетский адвокат Мухаммад Шахата подал в суд иск с требованием распустить движение, закрыть все его отделения и конфисковать все его средства. Однако это не мешает членам движения, избранным в парламент, а тем более президенту страны, осуществлять свои властные полномочия.

Таким образом, "Ассоциации Братьев-мусульман", пройдя путь от египетской просветительно-благотворительной организации до влиятельного международного политического движения, в ходе "Арабской весны" получила реальную возможность, придя к власти сразу в нескольких арабских странах, попытаться на практике реализовать разработанные идеологами движения концепции по реорганизации политической, экономической и социальной сторон жизни арабского общества.

Источники и литература.

1. Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: Издательство "Дело и Сервис", 2000. С.223-265; Государство Кувейт. Справочник. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С.97.
- 2 "Ад-Даава". Каир, 1978. N.22. С.36.
- 3 Аш-Шарк аль-Аусат, 22.02.11; Аш-Шарк аль-Аусат, 28.02.11.
- 4 Египет: новый Верховный наставник "Ассоциации Братьев-мусульман" - по внешнему и внутреннему решению. // Аль-Васат, 1996, 29 января. С.14. На арабск. языке: (Мыср: муршид джадид ли-ль-"Ихван" бикы-рар дахылий ва хариджий).
5. Милославская. Т.П. Деятельность "Братьев-мусульман" в странах Востока. // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982. С.7-25.
6. Шаалян Хусейн. Новый выход "братьев-мусульман"? // Аль-Васат, 1997, 22 января. С.11. На арабск. языке (Хурудж джадид ли"-ль-ихван").

IV

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА

КРИЗИС НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ КАК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА «ЛЕВОГО ПОВОРОТА» В АРГЕНТИНЕ И УРУГВАЕ

НЕЛИНА Л.П.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Первый этап постбиполярной системы международных отношений характеризовался, в том числе, и утверждением либеральной модели экономики в качестве единственно возможного пути развития. Распространение этой модели, основные принципы которой веками вырабатывались в западном протестантском социокультурном пространстве, осуществлялось за счет навязывания странам периферии и полупериферии мировой капиталистической системы комплекса макроэкономических мер, общеизвестного как «Вашингтонский консенсус». Под данным термином принято подразумевать политику, ориентированную, в первую очередь, на макроэкономическую стабилизацию, неотъемлемыми элементами которой являются либерализация экономики (дерегулирование рынка, снижение таможенных пошлин) и приватизация государственных предприятий [19, р. 3]. Внедрение мер «Вашингтонского консенсуса» приняло повсеместный характер в латиноамериканском регионе. При этом последствия этого процесса в каждой из стран имели свои особенности. Наиболее сходными оказались последствия реализации неолиберального курса в Аргентине и Уругвае.

Переход к новой экономической стратегии не был одномоментным и в каждой из стран принял свои формы: «салинастройка» в Мексике, «операция без анестезии» в Аргентине, «шок» и «мягкий неолиберализм» в Бразилии, «экономическое чудо» в Чили [11, с. 125-143]. Первыми на путь экономических преобразований в 1970-х гг. стали Чили, Уругвай и Аргентина, а после затяжного кризиса 1980-х гг. к ним присоединились остальные страны региона. На практике эти преобразования выразились в сокращении вмешательства государства в инвестиционные, кредитные, валютные и внешнеторговые операции и сужении его участия в предпринимательской деятельности. Главным элементом экономической реструктуризации стала приватизация предприятий госсектора, которая должна была расширить пространство для частной инициативы. На начальных этапах были приватизированы второстепенные объекты, а на рубеже 1980-1990-х гг. наметился новый этап трансформаций, связанный с переходом в частную собственность крупнейших государственных предприятий, в том числе в ключевых отраслях производства. Этот процесс не нашел однозначной поддержки среди населения стран региона и наиболее успешно был проведен в Чили, Мексике и Аргентине. При этом

в Аргентине сроки завершения приватизации неоднократно переносились, как и в Бразилии, Венесуэле, Боливии и других странах.

С началом 1990-х гг. в большинстве стран региона элита пополняется выпускниками престижных университетов США (прежде всего Гарвардского и Йельского), которые занимают посты министров экономики и финансов, иностранных дел и даже президентов. В сочетании с массивированной финансовой помощью Вашингтона, направленной на стабилизацию ситуации в зоне своих интересов, это дало эффект краткосрочного роста. Подобный способ обеспечения эффективности неолиберальной модели уже был опробован североамериканскими экспертами на примере Чили, которой теперь отводилась роль образцовой модели в регионе [10].

Проведение неолиберальных реформ в странах региона носило шаблонный характер, и перечень их составляющих оставался неизменным на протяжении двух десятилетий. Разразившиеся в середине 1990-х гг. кризисы в ряде стран Латинской Америки также не изменили намеченного курса и оправдывались, в первую очередь, несовершенством политических систем стран региона. Предполагалось, что за первой волной экономической либерализации должны последовать вторая и третья, которые исправят существующие ошибки [7, с. 19]. Однако необходимость экстренной корректировки была продемонстрирована крупнейшим в истории мировой финансовой системы дефолтом в одной из ведущих экономик латиноамериканского региона, о котором в 2002 г. объявила Аргентина.

Аргентина является наиболее развитым индустриальным государством Латинской Америки и вместе с Мексикой и Бразилией составляет так называемую «большую тройку», которая контролирует 2/3 всего промышленного производства региона [3, с.119]. Накануне кризиса она характеризовалась как новое индустриальное государство, имевшее шансы повторить путь «азиатских тигров» [3, с.118]. Неолиберальные реформы в духе «Вашингтонского консенсуса» начали проводиться с конца 1980-х гг. и связаны с именем президента Карлоса Менема (1989-1999 гг.) и министра экономики Доминго Кавальо (1991-1996 гг.). Во время своей предвыборной кампании К. Менем апеллировал к перонистскому наследию и традициям реформизма, но после прихода к власти, ссылаясь на изменение ситуации в мире, стал проводить «хирургическую операцию без анестезии» [11, с.131] по отношению к аргентинской экономике. В значительной степени этот курс был обусловлен внешнеполитической ориентацией К. Менема, реализовавшейся в рамках концепции «периферийного реализма», основой которого выступало следование в фарватере международного курса США [14, с. 50]. Снижение уровня субъектности Аргентины позволило внешним акторам навязывать экономический курс, при котором либерализация внешнеэкономической деятельности не сопровождалась структурными реформами промышленного сектора, что привело к неконкурентоспособности последнего [13, с. 392] и превращению территории данного государства исключительно в рынок сырья и сбыта товаров ТНК. Существенную роль сыграла также ориентация правительства исключительно на интересы среднего класса, который, в то же время, сформировался в условиях господства предшествующей парадигмы развития [8, с. 84].

Первоначальные успехи неолиберализма – ликвидация дефицита госбюджета, возврат в обращение песо, приравненного к доллару США, рост ВВП на 6-9% в 1991-1994 гг. – свидетельствовали в пользу правильности выбранной модели развития. Особо на этом фоне выделялось сокращение инфляции с 4000% в 1989 г. до 11% в 1993 г. [11, с. 132]. Мощная пропагандистская кампания объявила обуздание инфляции «экономическим чудом», а его инициаторов – героями. Указанные успехи были обусловлены рядом внешних факторов. Первым из них является экономический подъем в главном финансовом центре (США), что положительно отразилось на всей мировой хозяйственной системе. Вторым – вступление в силу в 1991 г. договора о МЕРКОСУР – южноамериканского рынка в составе Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая, который сократил для аргентинской торговли транспортные издержки и позволил опираться на рынки своих соседей и, в первую очередь, Бразилии [9, с. 55-56]. Однако первые же проблемы функционирования неолиберальной модели сразу же отразились на Аргентине, где вслед за Мексикой начался валютно-финансовый кризис. В декабре 1994 г. – марте 1995 г. чистый отток капиталов из стра-

ны превысил 7,5 млрд. долл. Разорилась $\frac{1}{4}$ всех банков, производство сократилось в 1995 г. на 4,4%. Сокращая бюджетные расходы, правительство урезало социальные программы и штат госслужащих. На помощь правительству К. Менема пришли МВФ и частные иностранные компании, предоставившие крупные кредиты. Курс песо был сохранен, а в 1997 г. вновь были достигнуты высокие темпы роста экономики (8%) [11, с. 133]. Но уже в 1998 г. они снизились вдвое под влиянием кризисной волны 1997-1998 гг. Ситуацию в 1999 г. усугубила девальвация бразильской валюты, что негативно отразилось на экспорте Аргентины, две трети которого приходились на Бразилию [9, с.56]. Таким образом, неолиберальные реформы в Аргентине оказали положительный эффект на экономику государства только на начальных этапах своей реализации, обусловив ее высокую степень уязвимости по отношению к положению мировой финансово-экономической системы.

С 1998 г. в Аргентине начался длительный экономический спад. В 1999 г. снижение ВВП составило 3,5%. В 2000 г. этот показатель был равен 0%, а в 2001 г. вновь произошел спад на 4%. Негативное влияние оказывало также замедление региональной экономической интеграции, которая придавала Аргентине недостающий рыночный и политический вес [9, с. 56].

Экономический спад сопровождался глубоким социальным кризисом. Уровень бедности достиг 30%, безработица увеличилась до 17-18%. Высокая концентрация социально незащищенного населения сопровождалась нервными срывами, распадом семей, ростом преступности, наркомании, проституции, утратой смысла жизни. Это вызвало обеспокоенность католической церкви, призвавшей власть гуманизировать реформы. Росла деморализация деловой активности и недовольство курсом, проводимым вразрез с традиционными перонистскими установками (смешанная экономика, государственное регулирование, социальное равновесие) [9, с. 57-58].

Реализация неолиберального курса проводилась за счет утверждения рентно-потребительского образа жизни и хронического дефицита бюджета (1,7% ВВП в 1999 г., 2,4% в 2000 г. и 3,5 % в 2001 г.), возрастающего в сравнении с экспортом импорта, роста внешней задолженности. Ключевую роль в поддержании функционирования данной модели играл МВФ, предоставлявший новые кредиты, соглашаясь тем самым на реструктуризацию прежних займов и давая сигнал другим финансовым учреждениям. В результате в 1998 г. внешняя задолженность Аргентины в 4,5 раза превысила объем валютной выручки от экспорта товаров и услуг, а открытость внутреннего рынка стала источником крупной утечки финансовых средств за границу. Дефицит платежного баланса по текущим операциям принял хронический характер. Поддержание курса песо на уровне с долларом США осуществлялось за счет внешних финансовых операций. Помимо внешних займов, правительство Аргентины активно использовало систему облигационных операций на европейском денежном рынке, продавая ценные бумаги под высокие проценты. Это, с одной стороны, дало возможность дополнительного дохода в 13-15 млрд. долл. в конце 1990-х [9, с. 57], а с другой полностью подчинило курс национальной валюты внешнеэкономической конъюнктуре.

Избранный в 1999 г. президентом Ф. де ла Руа попытался реанимировать экономику введением «режима экономии». Под угрозой потери кредитования аргентинское правительство пошло навстречу требованиям МВФ и сократило бюджетные расходы за счет снижения заработной платы госслужащих на 12-14% и уменьшения числа социальных проектов и услуг. Параллельно была развернута кампания борьбы с коррупцией и излишествами. Эти меры сдерживали инфляцию, однако, не давали динамики развитию.

В значительной степени отсутствие эффекта мер Ф. де ла Руа можно объяснить частичностью трансформаций общества. Так, в ходе проводимых им преобразований, не поднимался вопрос об аграрной реформе, которая затрагивала интересы традиционных и новых латифундистов, не был ужесточен фискальный режим, что позволяло местным олигархам безнаказанно уклоняться от уплаты и без того невысоких налогов, соблюдались все меры по сохранению благоприятного валютно-инвестиционного климата, который в первую очередь обеспечивал интересы ТНК и ТНБ [9, с. 58].

Аргентинская экономика продолжала спад, а внешний долг государства увеличился до 146 млрд. долл. в 2000 г. Осенью 2000 г. правительство обратилось в МВФ за помощью, но фонд не собирался ни ускорять перечисление денег, ни увеличивать размер финансовой помощи стране до тех пор, пока она не проведет добровольную реструктуризацию своего долга. Это привело к тому, что в декабре этого же года инвесторы начали массово покидать страну, опасаясь ее дефолта [5, с. 5].

Очередной удар шатающейся экономике был нанесен в 2001 г. «черным сентябрем» в США. Ухудшение мировой финансово-экономической ситуации привело к тому, что Аргентина сумела разместить на европейском рынке ссудных капиталов лишь 1/10 суммы облигационных займов 2000 г. Инвесторы опасались все возрастающего внешнего долга, который в сравнении с 1991 г. увеличился в 2,4 раза, в то время как в других странах региона «всего» в 1,5 раза, в соотношении с ВВП он составлял 1/2. В 2001 г. в надежде на возрождение экономического чуда на свой пост был возвращен Д. Кавальо. 1 декабря им были обнародованы новые банковские правила, согласно которым сумма получения банковских вкладов ограничивалась 1 тыс. долл. в месяц и вводилось частичное замораживание переводов за границу [9, с. 59].

5 декабря 2001 г. МВФ решил не предоставлять стране очередной транш кредита размером 1,3 млрд. из 8 млрд., обещанных Аргентине в августе 2001 г, для предотвращения дефолта. При этом в надежде на получение средств от этого учреждения правительство 14 декабря 2001 г. осуществило все надлежащие платежи по внешним счетам. Это было реализовано за счет отмены налоговых льгот, введенных весной того же года и урезания бюджета страны на 1/5 [5, с. 6-8].

Эти меры правительства стали последней каплей, и к середине декабря выступления населения начались сначала в провинции и 19 декабря («черная среда») докатились до Буэнос-Айреса. Разгрому подверглись магазины, «Макдональдсы» и банки, в том числе иностранные. Безработные требовали еды. В стране было введено чрезвычайное положение, против бастующих дано разрешение применять огнестрельное оружие [9, с. 59].

23 декабря 2001 г. временный президент Аргентины А. Родригес Саа (23.12.2001 г. - 30.12.2001 г.) объявил о прекращении платежей по внешнему долгу страны. После объявления дефолта и отставки правительства де ла Руа МВФ заявил о готовности предоставить поддержку новому правительству, но только при условии выполнения последним рекомендаций фонда [5, с. 8].

Основными причинами дефолта могут быть определены следующие: привязка эмиссии национальной валюты к количеству поступлений иностранной валюты; низкая конкурентоспособность аргентинской промышленности; широкомасштабная, ничем не обусловленная и не взвешенная либерализация рынков, финансового и банковского секторов; нерациональное использование внешних займов; огромный внешний долг, который в 4 раза превысил поступления от экспортных доходов страны; коррупция на самом высоком уровне власти; слепое исполнение рекомендаций МВФ, без учета экономических и социальных реалий государства [5, с. 8]. Ошибочность избранной модели была признана официальными лицами Аргентины [9, с. 59], а опыт этой страны свидетельствует о неэффективности и пагубности внедрения шаблонных моделей, сложившихся в иных экономических и культурно-цивилизационных условиях.

Продолжающиеся манифестации вынудили правительство в середине января обнародовать чрезвычайную программу продовольственного обеспечения наиболее нуждающихся категорий населения, которая была рассчитана до конца 2002 г. Острый социально-экономический кризис сопровождался не менее глубоким политическим кризисом. После отставки Ф. де ла Руа Аргентину захлестнули массовые волнения, наиболее ярким эпизодом которых является движение «пикетерос» (пикетчиков). Лозунгом бастующих стала знаменитая фраза: «Пусть убираются все!», что демонстрировало абсолютное недоверие как к правящим классам в целом, так и к каждому политику в частности [4, с. 166]. За период с 21 декабря 2001 г. по 25 мая 2003 г. в Аргентине сменилось четыре президента, произошел раскол внутри Хустисиалистской партии. На выборы 2003 г. впервые в истории страны были выдвинуты три кандидата-хустисиалиста, представлявшие враждую-

щие группировки. Кандидатом от разрозненного, но многочисленного Фронта за победу (Frente para la Victoria - FpV) стал его создатель губернатор провинции Санта-Крус и представитель левого крыла хустисиализма, характеризовавшийся как «бывший последователь Че Гевары» [2, с. 390]. Н. Киршнер, который, при этом, отказывался становиться его формальным лидером. Отсутствие у FpV институционального статуса, четкой структуры внутри или вне Хустисиалистской партии вносило путаницу в представления электората, что обеспечило дополнительное количество голосов Киршнеру. Хустисиалистская партия, в свою очередь, избежала прямого раскола, однако перестала быть монолитной [4, с.169]. Первый тур выборов, в котором принимали участие шесть кандидатов, определил фаворитов президентской гонки, которыми стали бывший президент К.Менем (24,45%) и Н. Киршнер (22,24%) [4, с. 170]. Однако проведение второго тура не состоялось из-за отказа участия в нем К. Менема.

Таким образом, кризис в Аргентине 2001-2003 гг. может быть охарактеризован как структурный кризис [4, с. 160], проявившийся в крахе экономической политики в духе неолиберализма и вызванном им политическом кризисе управляемости. Необходимость ликвидации его последствий обуславливала разработку качественно иной модели развития, которая реализовывалась при администрации Н. Киршнера и была продолжена К. Фернандес де Киршнер.

Коллапс одной из крупнейших экономик региона не мог не отразиться на соседних государствах. Аргентинский дефолт стал болезненным ударом для экономик стран-партнеров – Чили, Уругвая, Бразилии. Последним двум в середине 2002 г. были предоставлены кредиты МВФ с целью не допустить распространения «аргентинской инфекции» [9, с. 61], однако, хотя это и смягчило ситуацию, избежать снижения темпов роста и сокращения ВВП не удалось. Наиболее ярко механизмы распространения кризисных волн в условиях глобализированной экономики прослеживается на примере кризиса в Уругвае в 2002 г.

На фоне остальных стран региона Уругвай отличался традицией «социального государства» и многочисленным средним классом (2/3 населения), что подтверждало закрепившееся еще в начале XX в. название «Латиноамериканская Швейцария». Проведение неолиберальных реформ в духе «Вашингтонского консенсуса» также носило здесь особый характер. Либерализация экономики проводилась уругвайскими властями постепенно и без крайностей «шоковой терапии». В значительной степени это было обусловлено настроениями населения, которое в 1992 г. высказалось против массовой приватизации. В результате полностью под контролем государства оставались стратегические отрасли, а в частную собственность перешли воздушный транспорт, системы водо- и газоснабжения, шоссеиные дороги, при этом не тотально, а выборочно. Следует также отметить, что доминирующей формой приватизации стала передача государственной собственности в долгосрочную аренду или концессию уругвайским и иностранным компаниям [1, с. 42]. Встречая мощное противодействие со стороны общества в вопросах внутренней либерализации, властями Уругвая акцент был перенесен на либерализацию внешнеэкономической деятельности. С одной стороны, это приводило к постоянному росту государственного долга и возрастанию процента валютных поступлений, который шел на его обслуживание. С другой – стало причиной сильных скачков импорта (22% в 1991 г., 25% в 1992 г., 20% в 1994 г.) и периодических падений экспорта (5% в 1991 г., 3,5% в 1993 г.) [10]. Хотя подобная модель позволила смягчить социальные издержки приватизации и избежать массового обнищания населения, в отличие от других стран региона, она, в то же время, не смогла обеспечить модернизацию уругвайской экономики, которая страдала недостаточной конкурентоспособностью на мировом рынке. [1, с. 42]. Не последнюю роль в формировании подобной ситуации сыграл также заложенный еще в 1970-х гг. курс на финансовую специализацию страны и превращение Уругвая в финансовый центр Латинской Америки, причем, со второй половины 1980-х гг. он осуществлялся, в том числе, и за счет усиления государства в финансово-банковской структуре страны (до 80% удельного веса в обозначенный период) [10]. От многих стран Латинской Америки, Уругвай также отличался законченностью становления двухпартийности, берущей свое начало еще в XIX веке.

Основными партиями на политической арене Уругвая долгое время оставались Национальная партия («Бланко») и Партия «Колорадо». Созданный в начале 1970-х гг. левый Широкий фронт занимал почетное третье место на пьедестале политических предпочтений [6, с. 82-83]. Сложившаяся стабильность политической сферы жизни государства предоставляла возможность поступательного развития в экономической и социальной сферах, однако высокая степень включенности в мировую хозяйственную систему поставила перед правительством Уругвая во второй половине 1990-х гг. проблему сохранения социального характера государства в условиях перманентного экономического спада.

Уругвайская экономика ощутила на себе влияние всех трех волн («азиатской», «росийской» и «бразильской») мирового финансового кризиса 1997-1999 гг. Вызванный ими спад производства и сокращение экспорта вынудил правительство Х.М. Сангинетти (1995-2000 гг., Партия «Колорадо»), а затем и правительство Х. Батлье (2000-2005 гг., Партия «Колорадо») активизировать сотрудничество с МВФ, что повлекло за собой реализацию курса на дерегулирование и демонополизацию экономики [10]. МВФ впервые с 1992 г. предоставил Уругваю кредит на сумму около 150 млн. долл., в то время как в 1992 г. эта сумма составляла порядка 20 млн. долл. В 1999 г. и 2000 г. руководством МВФ было принято решение о предоставлении Уругваю дополнительного кредитования, однако правительство страны решило не использовать эти средства, оставив за собой возможность сделать это в дальнейшем, в случае очередных потрясений мировой экономики [10].

Финансовый кризис в Бразилии 1999 г. и затяжной экономический кризис в Аргентине негативно отражались на уругвайском экспорте. Конкурентоспособность уругвайских товаров на бразильском рынке уменьшилась на треть, сокращение экспорта в данном сегменте вызвало кризис таких отраслей, как зерновое хозяйство, производство шерсти и молочных продуктов и выращивание овощей и фруктов. Уругвай лишился возможности поставлять ячмень в Бразилию, которой стало более выгодно приобретать его в странах ЕС. За 1999-2000 гг. экспорт в Аргентину сократился на 20%, за один 2001 г. – почти на одну четверть. После снижения поставок в Бразилию на одну треть в 1998-2000 гг. в 2001 г. они упали еще на 14% [10]. Сокращение экспорта незамедлительно отразилось на росте дефицита государственного бюджета, который в 1999 г. составил 4%. Начался стремительный рост внешней задолженности. Так, в 1998 г. внешний долг составлял 39,5% от ВВП страны, а к 2001 г. он увеличился до 51,4%. С учетом депозитов нерезидентов, которые по методологии страны также включаются в общую сумму долга, соответствующие показатели увеличиваются до 60,7 и 85,1%. На обслуживание этой задолженности (без депозитов нерезидентов) в 2001 г. было направлено 23,3% доходов от экспорта товаров и услуг (в 1998 г. – 18,1). Нарастающий экономический спад спровоцировал рост безработицы. Если в предшествующие периоды значение данного показателя не превышало 10%, то в 2001 г. он был равен 15,5% ЭАН, причем, около трети из них оставались безработными в 1999-2000 гг. Последствиями роста безработицы являются снижение платежеспособного спроса, влекущее за собой снижение общих темпов производства в экономическом аспекте и снижение морально-этического уровня общества, его деморализация в социальном. В 2000 г. впервые с 1995 г. наблюдалось падение реальной заработной платы. Наемные рабочие в частном секторе стали получать более низкую реальную заработную плату в сравнении с серединой 1990-х [10].

Сложившаяся ситуация ухудшения экономического и социально-экономического положения государства стала лишь предисловием к самому кризису, основная волна которого обрушилась на Уругвай в декабре 2001 г. Поводом к ухудшению ситуации стало замораживание банковских вкладов в Аргентине, что спровоцировало массовый отток депозитов нерезидентов из Уругвая. Отток аргентинских капиталов спровоцировал массовое бегство всего иностранного капитала из Уругвая [16, р. 2]. Когда сумма отозванных из страны депозитов нерезидентов достигла 12% всех банковских вкладов (с начала года), в марте 2002 г. была объявлена программа помощи МВФ [15, р. 8], однако, к июлю количество отозванных депозитов уже достигло 38% с начала года [15, р. 11]. Стремясь предотвратить крах банковской системы, государство вынужденно было пойти на национализацию некоторых наиболее пострадавших банков и массивную финансовую поддержку

еще остающихся на плаву. С этой целью на деньги МВФ был создан Фонд Укрепления банковской системы объемом 2,5 млрд. долл. [15, р. 12]. Критическое положение финансовой сферы отражалось на всей экономике страны. Так, в 2002 г. прирост ВВП сократился на 11%. Его реальный объем в долларах США в ценах, приведенных к 2000 г., составил 17,26 млрд. долл. в то время как в 2001 г. он был равен 19,4 млрд. долл., а в 1995 г. – 18,09 млрд. долл. [17, р. 85-87]. Количество безработных среди городского населения увеличилось с 15,3% в 2001 г. до 17% в 2002 г. [17, р. 54]. В ходе кризиса увеличился внешний долг Уругвая с 11,3 млрд. долл. в декабре 2002 г. (93% ВВП) до 12,1 млрд. в декабре 2003 г. (108% годового ВВП) [15, р. 6].

Таким образом, несмотря на помощь МВФ, кризис 2002 г. нанес существенный урон развитию экономики Уругвая. Анализируя его причины, специалисты Всемирного банка приходят к выводу, что, хотя кризис и был спровоцирован дефолтом в соседней Аргентине, его стремительное распространение было усилено слабостью уругвайской экономики в целом и ее банковского сектора в частности [15, р. 2]. Кризис также продемонстрировал ошибочность избранной модели либерализации, которая усилила уязвимость финансового сектора государства по отношению к внешним вызовам и не обеспечивала должного уровня экономического роста. Свою роль сыграла также финансовая специализация Уругвая, предопределившая его зависимость от одной из наиболее нестабильных сфер мировой экономической системы. Все это привело к смене политических настроений избирателей и на очередных президентских выборах в октябре 2004 г. они отдали предпочтение кандидату коалиции левых партий Широкий фронт – Прогрессивная встреча Т. Васкесу, основой предвыборной кампании которого стали антиприватизационные лозунги и акцент на социальных функциях государства. Избрание Т. Васкеса продемонстрировало отказ населения платить высокую социальную цену неолиберальных преобразований, с одной стороны, а с другой – стало примером утраты непримиримого антагонизма между полюсами дихотомии «правые-левые» и выдвижения на первый план соперничества в предложении электорату лучшего национального проекта социально ориентированной экономики [12, с. 86].

Таким образом, финансовые кризисы в Аргентине и Уругвае стали логическим результатом реализации мер «Вашингтонского консенсуса» и ослабления роли государства в экономической сфере. На примере Аргентины ярко прослеживается процесс перерастания финансовой нестабильности в государстве в структурный кризис управляемости. Крах уругвайской экономики был предотвращен иностранной финансовой помощью. Рассмотренные кризисы стали ярким примером результата внешнеэкономической либерализации при низкой конкурентоспособности национальной экономики, а также продемонстрировали опасность специализации экономики государства на финансовой сфере, отличающейся своей нестабильностью. На примере Уругвая также ярко прослеживается тесная взаимосвязь и взаимообусловленность экономических процессов в разных государствах в условиях глобализированной экономики региона и отсутствие у государства других механизмов противодействия внешним экономическим вызовам, кроме новых внешних заимствований. В целом, рассмотренные кризисы сыграли решающую роль в изменении политических настроений населения этих государств, которое на собственном уровне жизни ощутило все последствия ухода государства из экономики и внедрения саморегулирующихся рыночных механизмов. Это стало определяющим фактором при выборе новых правительств, которые возглавили антилиберальные политические силы, предлагавшие изменения экономической модели государства и ассоциируемые с «левым поворотом» в Латинской Америке.

Источники и литература.

1. Дьякова Л. В. Чили и Уругвай после выборов: старые проблемы и новые вызовы // Латинская Америка в посткризисный период: новые вызовы и новые перспективы. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 36-45.
2. Кагарлицкий Б. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007. 573 с.
3. Лажник В.Й. Гетманчук А.Ю. Особливості сучасного індустріального розвитку Аргентини // Науковий вісник Волинського державного університету імені Лесі Українки. Розділ III. Економічна і соціальна географія. 2007. №2. С. 118-126.

4. Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях. Часть 2 / [Ивановский З. В., Окунева Л. С., Чумакова М. Л. и др.] ; под ред. М. Л. Чумаковой. М.: ИЛА, 2009. 432 с.
5. Луцишин З. Аргентина: причины та наслідки найбільшого в історії світової валютно-фінансової системи дефолту // Вісник НБУ. 2002. №4. С.5-11.
6. Никонова Н.А. Специфика демократического транзита в Уругвае // Вестник ЧитГУ. 2011. № 10 (77). С. 83-85.
7. Охеда Кальюни Э. Экономическая стабильность и кризис неолиберализма в латинской Америке // Латинская Америка. 2007. № 5. С. 18-27.
8. Рашковский Е. Латинская Америка: в поисках собственной судьбы // МЭМО. 2003. № 5. С. 78-85.
9. Романова З. Аргентина в лабиринте рыночно-либеральных проблем // МЭМО. 2002. № 10. С. 55-63.
10. Романова З.И. Уругвай: осторожный ход реформ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ilaran.socionet.ru/files/URUG.DOC>.
11. Строганов А.И. Латинская Америка. Страницы истории XX века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 168 с.
12. Хачатуров К.А. Уругвай: через полвека и завтра // Латинская Америка. 2004. №4. С. 83-90.
13. Цивилизационная структура современного мира: в 3-х т. / Под ред. Ю.Н. Пахомова и Ю.В. Павленко. К.: Наукова думка, 2006-2008. Т. 2: Макрохристианский мир в эпоху глобализации. 2007. 690 с.
14. Щербакова А.Д. Аргентина в погоне за ядерным статусом // Латинская Америка. 2008. №11. С.45-53.
15. De la Plaza L. An Analysis of the 2002 Uruguayan Banking Crisis // World Bank Policy Research. 2005. Working Paper 3780. 33 p.
16. Druchniak J. Crisis in Uruguay. A snapshot of the country's international finance policies over the last decade / J. Druchniak, J.Granof, M.Jacobs // Public Policy. 2004. № 542. 14 p.
17. ECLAC Statistical Yearbook for Latin America and the Carribean 2005 / [United Nations Publication]. Santiago: United Nations, 2006. 438 p.
18. Feldstein M. Argentina's Fall. Lessons from the Latest Financial Crisis // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. № 2. P. 8-14.
19. Vogt J. MAS Victory in Bolivia Signifies Mandate for Change // CrossCurrents: Newsletter of the Washington Office on Latin America. 2006. March. P. 2-3.

VI НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ

Сундукова Ю.С.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Ислам является одной из самых распространенных религий в России и на постсоветском пространстве. Контакты и связи с мусульманским миром начались еще в раннем Средневековье. В тот момент существовало несколько путей распространения ислама:

- наиболее ранний из них – путем прямого завоевания арабами;
- торговым путем – проникновение исламских торговцев из Средней Азии и Ближнего Востока;
- возникновение государственности у проживавших по соседству с исламскими народами и принятие авраамических религий для внутренней консолидации.

Начало распространения исламской религии на территории современной России относится к VII – X векам и, что немаловажно, оно совпало с завершением широких арабских завоеваний, которые иссякли к концу эпохи Омейядов.

Исходной точкой распространения ислама на **Северном Кавказе** стал город Дербент в Южном Дагестане.

«Проникновение ислама в Закавказье, Кавказскую Албанию (Арран) и Дербент началось еще во времена правления второго Праведного халифа Умара ибн ал-Хаттаба (634-644 гг.)» [8]. Первое появление арабов на Кавказе относится к 634 году. А уже в 642-643 годах арабский полководец Абд ар-Рахман ибн Рабия, который подчинился Сураку ибн-Амру, со своим отрядом вторгся на территорию нынешнего Дагестана и впервые занял Дербент. Сам город был включен в состав Арабского халифата в 685-686 годах. Правитель Дербента Шахрияр, прибыв в арабский лагерь, признал себя вассалом Халифата и взял на себя обязанности обороны северных границ Халифата от хазар. *«Правители Дербента занимали очень высокое место в феодальной иерархии арабских наместников на Кавказе. Все население города, даже не арабы, было освобождено от налогов, и приравнялось, вероятно, к статусу мусульман»* [9]. Город не был подвергнут разрушению, не был обложен данью, так как занимал важное стратегическое положение – проход из Северного Ирана в Хазарский каганат.

В VIII – XIII веках Баб ал-Авбаб (Дербент) – уже преимущественно мусульманский город, который с 869 года стал столицей самостоятельного эмирата. *«С 735 года Дербент становится главным военно-административным и торгово-экономическим центром Арабского халифата в Дагестане»* [8], в городе началось крупное строительство, в том числе и сакраль-

ных сооружений. В это время была построена соборная мечеть, а в крепостных башнях были устроены квартальные мечети. Город превратился в крупнейший мусульманский центр на Кавказе, в котором бурно развивались наука и культура. Непосредственный контакт с Арабским халифатом стал причиной утверждения в восточной части Северного Кавказа шафиитского мазхаба суннитского толка, который допускал использование принципа иджма – согласованного мнения членов общины по религиозным вопросам.

«Дербент и прилегающие к нему районы были исламизированы ранее других. Здесь процесс проникновения и принятия ислама завершился уже в середине X века. С этого времени мусульмане Дербента выступают как активная сила по распространению ислама» [9, с. 55]. С территорий Северного Кавказа ислам постепенно распространяется среди народов Южного Дагестана, возникают самостоятельные центры мусульманской культуры и науки. Можно сказать, что уже накануне монгольского нашествия на востоке Кавказа началось формирование собственной, оригинальной ветви исламской цивилизации, так как на протяжении нескольких веков мусульмане тесно контактировали с представителями христианства, иудаизма и других автохтонных религий, что делало ислам более синкретичным.

Хазарский каганат – могущественное государство тюрков – уйгуров, *«занимало стратегическое положение между Чёрным и Каспийским морями, где в те времена сталкивались интересы крупнейших восточных держав»* [7]. Первоначально территория Хазарского государства охватывала районы Северного Кавказа, а также равнину между берегом Каспийского моря, Нижней Волгой и Доном. Долгое время каганату принадлежали Приазовье и часть Крымского полуострова. С самого начала хазары контролировали важнейшие торговые пути из Восточной Европы в страны Передней Азии, и транзитная торговля играла одну из самых важных ролей. В данных условиях возник вопрос о государственной религии, а в VIII веке он приобрел большую актуальность. Хазарский каганат был выгодным союзником, как для Арабского халифата, так и для Византийской империи, которые стремились, в свою очередь, обеспечить союзнические отношения путем заключения междинастических браков.

Распространение ислама в каганате началось с VII века благодаря проникновению арабских торговцев. Но все же, длительное время, магометанство оставалось религией социальных низов, а также арабских и хорезмских купцов. В ходе арабо-хазарских войн во второй половине VII-VIII веках каган принял ислам, что в дальнейшем ускорило распространение данной религии.

Каганат на протяжении своего существования находился в контакте с халифатом: между халифатом и каганатом почти сто лет с 642 по 739 гг. шла война за преобладание на Кавказе, а затем в VIII – IX вв. – период активных торговых отношений.

Что касается арабо-хазарских отношений, то хазары в данном регионе выступали как сила, которая активно противодействовала арабским нашествиям. Основной причиной арабо-хазарских войн стало стремление Халифата захватить весь Кавказский регион, Дербент, а также области, которые находились под властью хазар. Начало проникновения Арабского халифата началось с VIII века, одержав ряд побед, арабы подчинили себе Кавказ, и вышли на Дербент. В 717 году началось масштабное наступление хазар против Халифата, войска каганата сумели разгромить армию противника, завладели почти всем Южным Кавказом. Но после этого арабская армия нанесла поражение хазарам. В 731 году хазарская армия направилась на Южный Кавказ, но вскоре была разбита арабским войском наголову. После этой победы армия халифата продвинулась и вновь захватила Дербент. В последующие 20 лет каганат находился под контролем Халифата. После арабских завоеваний каган был вынужден принять ислам.

Для распространения ислама из халифата были присланы два факиха-законоучителя и уже в конце VIII века в столице Хазарского каганата действовали соборная мечеть Джума и тринадцать квартальных. Об одном из хазарских торговых городов Саксине можно сказать: *«Это - Саксин, лежащий на р. Яик. О нем говорят как о большом торговом центре, куда приезжало много иностранных купцов и путешественников. Главное же население составляли магометане. Город имел мечети, много каналов и изобиловал деревь-*

ями» [3]. Но вынужденное принятие ислама не было прочным, хазарские правители воспринимали его как религию врагов – арабов, и вследствие этого магометанство не смогло прижиться как официальная религия. Как известно, хазары выбрали иудаизм, время его принятия относится примерно к VIII – началу IX веков. После этого происходят гонения на ислам и антиисламские выступления, вследствие которых был разрушен минарет соборной мечети в городе Итиле. Но все же хазарский каганат оставался поликонфессиональным государством.

По мнению арабского путешественника Ибн Фадлана, через 50 лет после арабо-хазарских войн в Итиле более половины населения исповедовали ислам. И уже после распада Хазарского государства в X веке, в Нижнем Поволжье образовался исламский город – государство Саксин со смешанным тюркско-арабским населением. В рамках этого небольшого государства сложилась своя этнорелигиозная общность, которая впоследствии участвовала в этногенезе астраханских татар.

Волжско - Камская Булгария сложилась как государство в конце IX – начале X веков в Среднем Поволжье. В X-XIII веках занимала территорию от Волжско-Камского междуречья до Самарской луки, фактически большая часть бывшего Хазарского каганата вошла в состав Булгарии. *«Первые известия о болгарях мы находим у армянского писателя, Хоренского. Приблизительно между 149 – 127 гг. до Р.Х.»* [10]. Булгария вела активную внешнюю политику и торговлю, в частности, и с арабскими странами, этому способствовало выгодное положение Булгарии – она находилась на торговых путях между Азией и Европой. Вследствие этого, начиная с IX века, Волжская Булгария становится торговым центром: шла активная торговля с русскими княжествами, Скандинавией, Средней Азией. *«В ту эпоху, когда только что начинается для нас история русского государства, тесные отношения между Болгарией, Хазарией и Русью являются вполне прочно установленными, и если сильное культурное влияние распространялось на русских славян с незапамятных времен от греков, то не менее важное и со странами передней и средней Азии»* [3, с. 2]. В целях упрочнения своих внешнеполитических позиций, а также для освобождения от зависимости от Хазарского каганата *«булгарский царь обратился к багдадскому халифу Муктадиру с просьбой помочь ему в распространении ислама»* [8]. В 922 году на созванном царем Алмушем съезде болгарских князей ислам был принят в качестве государственной религии, сам князь, получивший арабское имя Джаффар ибн Абдаллах, провозгласил себя наместником халифа.

Еще до официального принятия ислама в государстве существовало значительное количество мусульманского населения. Секретарь арабского посольства в Булгарию Ахмед ибн Фадлан пишет: *«царь болгар был сыном язычника, уже мусульманин; мусульмане его домочадцы»* [6].

Таким образом, процесс приобщения к исламу шел постепенно, к официальному времени принятия мусульманство уже широко проникло в общество, и официальное принятие стало лишь завершающей стадией на пути исламизации болгарского общества. В Поволжье утвердился не шафиитский мазхаб суннитского толка, который доминировал на Кавказе и среди арабов, а ханифитский, центром которого были Самарканд и Бухара. Из всех четырех мазхабов суннитского ислама ханифитский является наиболее гибким и менее догматичным, что дает возможность объединению языческих и исламских традиций. Что касается применяемых методов фикха, то преобладают кыяс – это суждение по аналогии, а также рай и иджитихад – личное мнение авторитетного факиха и его право на самостоятельную интерпретацию Корана и Сунны и учета местных обычаев и правовых норм.

Принятие новой религии положительно отразилось на развитии общества и государства: принимается арабская письменность, начинает развиваться наука и культура, в том числе точные науки, история, литература; идет мощный подъем в строительстве, в том числе мечетей (создается тип деревянной сельской мечети), увеличивается количество медресе при мечетях.

Уже в XI-XII веках Волжская Булгария воспринимается как исламское государство и становится центром распространения ислама на данной территории. Не случаен тот факт, что в то время, когда Киевская Русь принимала официальную религию, одним из по-

сольств, которые прибыли из четырех государств, было посольство из Волжской Булгарии, пытавшееся склонить князя Владимира к магометанству: *«Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету»* [10, с. 67].

Для Булгарии ислам стал элементом сплочения и государствообразования, эта страна стала самым северным очагом исламской цивилизации, однако, его бурный рост и процветание прервало татаро-монгольское нашествие в XIII веке.

Таким образом, на распространение ислама на территории Поволжья и Северного Причерноморья повлиял ряд факторов. Во-первых, распространение ислама шло за счет торговцев и купцов, выходцев из мусульманских стран. Во-вторых, принятие ислама в качестве государственной религии во многом определялось геополитическими интересами государств, так как религия выступала звеном государственного сплочения.

Ислам в Золотой орде. В первой половине XIII века после ряда войн некоторые страны и народы Северной Евразии были завоеваны войсками Джучидов. В ходе этого завоевания Волжская Булгария была разделена на ряд эмиратов, которые вошли на вассальных правах в империю Чингизидов.

Золотая Орда была крупнейшим государством времен классического средневековья, по административно-территориальному устройству Золотая Орда делилась на правое и левое крыло, данное территориальное деление было скопировано у монгольского государства. Такое название крыльев (правое и левое) связано с соотношениями ориентации по странам светам и направления. Так как владения Бату располагались западнее, то получили название правого крыла; а земли Золотой Орды – левое крыло [10]. Основой административно-территориального деления золотоордынского государства была улусная система. В основе ее было получение феодалами от хана определенного удела – улуса, в свою очередь, новый владелец должен был нести определенные военные и экономические повинности.

На бывших болгарских землях возникают Булгарские и Джукетауские княжества, которые вошли в состав Золотой Орды, часть татар переселяется за реку Каму, где начинается образование Казанского княжества.

Монгольское завоевание Волжской Булгарии, и образование Улуса Джучи коренным образом меняет геополитическую обстановку в Поволжье. Данный регион оказывается центром формирования золотоордынской культуры, которая включает в себя традиции мусульманской цивилизации и кочевых племен. Данный исторический период показывает, что в результате монгольских завоеваний произошло слияние кочевого мира и оседлой цивилизации. Такое взаимодействие привело к распространению крупных полиэтнических систем. После образования Золотой Орды Волжская Булгария вошла в ее состав как одна из областей. До возникновения собственных золотоордынских городов Булгар, как крупный экономический и политический центр, временно являлся столицей Золотой Орды. Итальянский путешественник Марко Поло отмечал, что золотоордынские ханы Бату и Берке правили в Сарае и Булгаре. Сам город играл большую роль как центр городской культуры и исламских традиций. Со временем, вследствие единой религии, сходства языка и основных элементов культуры Волжская Булгария становится неотъемлемой частью Золотой Орды.

Огромное влияние на распространение ислама в Степи еще в домонгольский период связывают с деятельностью суфийских орденов; в биографиях суфийских мудрецов обыкновенно говорится об обращении ими в ислам большого количества иноверцев; суфии отправлялись проповедовать ислам в степь, к тюркам, и пользовались у них большей популярностью, нежели представители книжного богословия [1].

Распространение ислама шло вместе с караванной торговлей, постоянным притоком ремесленников из других мусульманских стран и городов в города Золотой Орды, в основном, в оба Сарая. На исламизацию оказали влияние крупные мусульманские культурные центры, которые располагались в Бухаре, Булгарии и Ургенче.

Проблема выбора государственной религии вставала перед несколькими поколениями ханов Золотой Орды. *«Бату тайне сделался мусульманином, но не обнаруживал этого и оказывал последователям ислама полное доверие»* [11]. Это был первый хан из золотоордынских ханов, кто установил прочный фундамент для привлечения наиболее сильной феодаль-

ной верхушки к исламу. *«Он (Бату) был человек весьма справедливый и друг мусульман; под его покровительством мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере и у племен его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином»* [10, с.16].

В середине XIII века большое влияние в Улусе Джучи имели несториане, которые составляли часть знати в Монгольской империи, что делало их одной из наиболее влиятельных религиозно-политических группировок. Их основной целью было господство в Монгольской империи. После смерти хана Батые ему унаследовал его сын Сартак. Однако, в отличие от своего отца, по некоторым источникам он был христианином несторианского толка. Из статьи В.В. Бартольда следует, что Сартак, после смерти Батые, должен был отправиться на поклон к великому хану Мункэ, и на обратном пути не повернул к своему дяде Берке, так как тот был мусульманином, а Сартак исповедовал христианство. Слухи о крещении Сартака побудили Людовика IX отправить к монголам Г. Рубрука, который, в свою очередь, отметил: *«не смейте говорить, что наш хан – христианин; он не христианин – он монгол»* [2]. Однако Рубрук был при дворе Сартака еще до смерти Батые и, возможно, Сартак окончательно принял христианство после того, как стал ханом улуса. Однако внутривластное положение несториан было шатким, и во время правления хана Берке течение несториан потерпело идеологическое поражение. Этому способствовали этнокультурная изолированность и отсутствие поддержки среди крупных этносов в Золотой Орде.

Первым золотоордынским ханом, который официально принял ислам, был Берке. *«Когда родился Берка, то Туши, отец его, сказал: сына этого отдайте (кормить) мусульманской кормилице; пусть мусульманин обрежет пуповину его, пусть он (Берка) сосет молоко мусульманское, чтобы сделаться (настоящим) мусульманином, ибо я (этого) сына своего сделал мусульманином»* [10, с.16]. Если верить данному рассказу, то отец хана Берке изначально воспитывал своего сына в мусульманских традициях, и на протяжении жизни хан Берке придерживался ислама, и при дворе постепенно вводили некоторые мусульманские обычаи. Однако не нужно преувеличивать размеры исламизации при Берке, так как после него на престоле находились ханы – язычники Тудаменгу и Токта.

Можно выделить несколько основных предпосылок принятия именно ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде:

- социально-экономические предпосылки основаны на интересах купцов из арабских стран, которые несколько столетий контролировали караванную торговлю со странами Запада. Мусульманское купечество стало одной из влиятельных группировок в Золотой Орде, так как арабские купцы имели большое финансовое влияние на золотоордынскую знать. А идея исламизации становилась все более популярной в связи с ростом городской культуры и ее вкладом в развитие государства. Только централизованное, развитое исламское государство могло обеспечить бесперебойную караванную торговлю и обезопасить внутренние дороги;

- внутриполитические предпосылки – стремление ханов к сосредоточению государственного управления в своих руках, что породило борьбу с аристократией, выступавшей за сохранение старой веры, а следовательно, и своих феодальных привилегий;

- внешнеполитические предпосылки – стремление золотоордынских ханов в глазах своих геополитических союзников выглядеть правителями мощного цивилизованного и централизованного государства. Прежде всего, это относится к мамлюкскому Египту, который, сдерживая продвижение хулагуидов в Палестину, провозгласил идею джихада. При хане Берке был заключён военный союз с Египтом, а это способствовало развитию связей с другими мусульманскими странами.

Мамлюкские султаны Египта оказывали давление на золотоордынских ханов в вопросе скорейшей исламизации монгольского государства. Уже с 1313 года ислам становится официальной религией Улуса Джучи. Принятие ислама играло очень важную идеологическую роль в Золотой Орде, так как после распада Монгольской империи необходимо было создать новое независимое от Каракорума государство на основе общей идеологии, в роли которой к тому времени выступал ислам.

Дальнейшее распространение ислам получил во время царствования хана Узбека. *«Последовавшие за ним [Берке] цари их [татар] в этом государстве не исповедовали ислама до тех пор, пока между ними не явился Узбек-хан, который чрезвычайно искренне*

исповедовал ислам, открыто высказывал приверженность к [новой] религии и привязанность к закону [мусульманскому]» [4].

Утвердившись на престоле, хан Узбек начал борьбу с шаманистами, требуя обращения своих подданных в ислам. Вероятно, к этому времени силы мусульман были настолько велики в орде, что хан Узбек решил начать борьбу со своими противниками именно под религиозным лозунгом. В основном это были представители старой родовой знати, которые не желали терять свои права на собственность и авторитет. Подавив выступления знати, Узбек на протяжении 30 лет проводил крайне жёсткую политику, удерживая знать от выступлений. Многие представители кочевой знати, исповедовавшие шаманизм и не желавшие принимать ислам, уезжают в Московское царство, где со временем основывают Касимовское ханство и становятся подданными московского царя.

Можно утверждать, что происламская политика Узбека преследовала две цели: во-первых, исламизацию всего населения Золотой Орды, во-вторых, подрыв влияния кочевой аристократии. По сути, вся деятельность Узбека – это мероприятия по централизации власти в руках хана, и снижение влияния степной, кочевой аристократии.

Исламизация в Золотой Орде продолжалась и после правления хана Узбека – при хане Джанибеке. *«Весь улус Узбека он обратил в ислам. Разрушил все капища идолов, воздвиг и устроил много мечетей и медресе. Много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама направились к его двору... Все обычаи ислама ввел в том государстве он»* [5]. Во время правления ханов Узбека и Джанибека, которые проводили исламизаторскую политику, роль и влияние суфийского ордена заметно возрастает. Благодаря миссионерской деятельности все больше народов на восточных территориях Улуса принимает ислам. Главным форпостом ислама в степи являлись ханаки (обители), которые в основном строились рядом с местами захоронения местных святых, поэтому, они привлекали к себе большое количество паломников и страждущих.

Говоря об исламизации в рамках государства, мы имеем в виду тюрко-монгольскую среду, в основном, кочевую. Известно, что целые области, которые входили в Золотую Орду, до завоевания монголов были мусульманскими: это, в первую очередь, Хорезм и Булгария, которые сыграли ключевую роль в исламизации кочевой знати в Орде. В это время идет культурный подъем: ведется строительство мечетей и медресе по всему государству; с развитием религии в стране начинают развиваться и другие отрасли культуры и науки: архитектура, литература, астрономия, история, медицина.

Наибольшее распространение в Золотой Орде получает ханифитский мазхаб, который и до сегодняшних дней преобладает в Поволжье, Северном Причерноморье, Средней Азии и Казахстане. Господство именно этого мазхаба в Золотой Орде объясняется тем, что до он был распространен на территории Волжской Булгарии, которая стала своеобразным золотоордынским культурным центром. На территории Орды в некоторой степени были распространены шафиизм, мутазилитство (в Хорезме), а также шиизм, который проник на ордынскую территорию из Египта. После смерти хана Узбека положение в Улусе Джучи постепенно стало меняться: твердый порядок сменился династийными войнами, а затем и феодальной смутой, которая постепенно приняла хаотичный характер.

Ситуация в религиозной сфере в Золотой Орде сложилась таким образом, что в целях обеспечения внутривластного порядка еще в XII-XIII веках, во время доминирования язычества, соблюдалась относительная терпимость к другим религиям и, в частности, к исламу, так как жители крупных культурных и политических центров, таких как Хорезм, Булгар и Ургенч, были мусульманами. В период правления хана Узбека произошла полная исламизация государства, однако, сделать Орду моноконфессиональным государством не удалось, так как все еще было велико влияние язычества и других религий, в том числе и среди высшей аристократии самих Джучидов. Этот религиозный плюрализм при первенстве ислама примечателен в нескольких отношениях: свобода вероисповеданий характеризовалась следствием этнического многообразия улуса и средством политического укрепления государства. И все же принятие ислама улусом Джучи являлось важным фактором. Во-первых, смешение мусульманской и степной культур дало толчок развитию литературы, письменности и архитектуры. Во-вторых, послужило объединяющей идеологией для образования нового независимого государства после распада Монгольской империи.

Источники и литература.

1. Бартольд В.В. Двадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии [Электронное издание] // Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/Vladimir-Bartold_Dvenadtsat-lektsiy-po-istorii-turetskikh-narodov-Sredney-Azii/
2. Бартольд В.В. «Мусульманские известия о чингиздах – христианах» [Электронное издание] // Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=214>
3. Голубовский П. Болгары и Хазары, восточные соседи Руси при Владимире Св. К., 1888.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение [Электронное издание] // Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/04_g/gre/grekov_01.htm
5. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV веках // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/egor/04.php
6. Ибн Фадлан «Записка» о путешествии на Волгу // Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>
7. Кестлер Артур. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие // Режим доступа: <http://www.lib.ru/INPROZ/KESTLER/hazary.txt>
8. Мартынкин А.В. К вопросу о влиянии «периферийных» центров исламской цивилизации на распространение ислама в Крыму // Религия в жизни человека и общества / Тезисы докладов и сообщений X Международной Крымской конференции по религиоведению, Севастополь 12-16.05. 2008. С.49-50.
9. Махмудова З.У. Дербент в XIX – начале XX века. М.,2006.
10. Повесть Временных Лет. М., 1978. С. 80.
11. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т 2. М. 1941.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВТУШЕНКО

Михаил Николаевич

Редактор газеты «Севастопольский бриз»

БАРАНОВ

Андрей Владимирович

Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

ГАРАС

Людмила Николаевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философских и социальных наук Севастопольского национального технического университета

ГРУЩЕЦКИЙ

Богдан Павлович

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

ГУБАНОВ

Андрей Сергеевич

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

ГУДИНА

Виктория Анатольевна

Соискатель кафедры политических наук и международных отношений Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

КАМАКИН

Максим Владимирович

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

МАРТЫНКИН

Андрей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

НЕЛИНА

Лариса Павловна

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

ПАШКОВСКИЙ

Пётр Игоревич

Кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Института стран Востока и Африки Международного славянского университета (г. Симферополь)

СИЧНАЯ

Анна Владимировна

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

СТАВИЦКИЙ

Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

* * *

СУНДУКОВА

Юлия Сергеевна

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе (научн. руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Мартынкин Андрей Владимирович**)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Международные отношения в Причерноморье» на X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2012 года / под общей редакцией **В.И. Кузицина**.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

А.В. МАРТЫНКИН, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 15.03.13 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 11,25 п.л., уч. изд. л. 8.
Распространяется через сеть Интернет**

